146 02/131

Дм. Зеленинъ.

РУССКАЯ СОХА

ея исторія и виды.

Очеркъ изъ исторіи русской земледѣльческой культуры.

Изданіе Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Вятка.
Губернская Типографія.
1903.

146 02 Т31

Дм. Зеленинъ.

913.

РУССКАЯ СОХА

ея исторія и виды.

Очеркъ изъ исторіи русской земледѣльческой культуры.

Изданіе Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

31

Вятка.
Губернская Типографія.
1907.

Печатано по постановленію Губернскаго Статистическаго Комитета
18-го октября 1907 года.

36686
7-II-1925.

Знаменитому славянскому ученому,

РУССКОМУ АКАДЕМИКУ

Игнатію Викентьевичу

ЯГИЧУ,

ко дню семидесятилѣтняго его юбилея

посвящаетъ свой скромный трудъ

Авторъ.

Покажи мнѣ твой плугъ,— и я скажу тебѣ, каковъ ты хозяинъ. Нѣмецкая пословица.

Въ предлагаемой работѣ мы разсматриваемъ главное земледѣльческое орудіе русскаго народа прежде всего съ энтологической и культурно-исторической точки зрѣнія. Выяснить исторію русской сохи, разсмотрѣть современное ея устройство въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества и, такимъ путемъ, *подвести итоги русской національной земледѣльческой культуры* (поскольку послѣдняя не могла не отразиться въ главномъ земледѣльческомъ орудіи народа),—вотъ наша основная задача.

Какъ далеко „первобытная" (такъ ее часто называютъ) русская соха ушла отъ дѣйствительно первобытныхъ земледѣльческихъ орудій? Подъ вліяніемъ какихъ условій происходило ея развитіе и совершенствованіе? Какія черты русской природы и народнаго русскаго характера отразились въ устройство сохи?—Отвѣта на эти вопросы мы ищемъ прежде всего и больше всего. Но такъ какъ при обсужденіи этихъ вопросовъ нельзя было обойти и чисто сельскохозяйственнаго элемента, то мы, имѣя притомъ же въ виду полное отсутствіе въ русской литературѣ сколько-нибудь полныхъ или исчерпывающихъ трудовъ о русской сохѣ, не особенно боялись маленькихъ экскурсовъ и въ чисто сельскохозяйственную область.

Это обстоятельство даетъ намъ право надѣяться, что сельскіе жители и агрономы, равно какъ и экономисты, найдутъ въ нашемъ

трудѣ все необходимое, какъ для подробнаго знакомства, такъ и для сельскохозяйственной оцѣнки разныхъ видовъ русской сохи.— Неудовлетворившіеся же нашимъ сжатымъ и краткимъ описаніемъ найдутъ всегда указанія на литературу соотвѣтствующаго вопроса.—Огульное, безъ настоящаго знакомства съ сохою и безъ всякой справки съ мѣстными условіями, отрицаніе сохи, насмѣшки надъ нею (столь обычное явленіе у нашихъ интеллигентовъ, почти всегда неумѣющихъ отличить, напримѣръ, косулю отъ сохи!) и соотвѣтственные совѣты крестьянамъ „бросить соху и перейти на плугъ" не только не приносятъ крестьянину-землепашцу какой-либо пользы, но даже заставляютъ его, иной разъ, недовѣрчиво относиться къ такого рода совѣтчикахъ вообще, а то такъ и—ко всей интеллигенціи, ко всякому школьному образованію, представители котораго ничего не понимаютъ въ столь хорошо въ извѣстномъ каждому деревенскому мальченку и столь важномъ для земледѣльческаго народа орудіи.

Намѣреваясь дать въ своей работѣ свѣдѣнія *о всѣхъ* разнообразныхъ видахъ русской сохи, мы принуждены однако же сознаться, что исчерпывающей полноты въ этомъ отношеніи достигнуть не могли. Причина тому—отсутствіе необходимыхъ источниковъ: для нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи сколько-нибудь удовлетворительныхъ описаній мѣстныхъ сохъ не имѣется. Источниками же для насъ, помимо нашихъ личныхъ наблюденій и разспросовъ крестьянъ на мѣстахъ во время нашихъ многочисленныхъ поѣздокъ по Россіи, служили: 1) земскія статистическія изданія; 2) сельскохозяйственныя и этнографическія описанія губерній, изданныя въ разное время Импер. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, Губернскими Статистическими Комитетами и частными лицами; 3) отдѣльныя статьи въ разныхъ экономическихъ, сельскохозяйственныхъ и этнографическихъ журналахъ и „Губернскихъ Вѣдо-

мостяхъ"; 4) областные словари [1]), между прочимъ и рукописные, хранящіеся въ архивѣ Отдѣленія русскаго языка и слов. И. Академіи Наукъ [2]); 5) для Вятской губерніи, отличающейся очень большимъ разнообразіемъ сохъ,—рукописные энтографическіе матеріалы мѣстнаго Губернскаго Статистическаго Комитета, собранные въ 1906 году по составленной нами программѣ [3]).

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою признательность многоуважаемому *Н. А. Спасскому*, которому я обязанъ присутствіемъ въ настоящей книгѣ столь необходимыхъ для нея чертежей [4]), приложенныхъ въ концѣ этой статьи. *Авторъ.*

[1]) По названіямъ и описанію отдѣльныхъ статей сохи часто можно безошибочно заключать и объ общемъ ея видѣ.

[2]) Пользованіе этимъ архивомъ для насъ было весьма облегчено глубокоуважаемымъ академикомъ *А. А. Шахматовымъ*, которому выражаемъ свою искреннюю признательность.

[3]) Въ первый разъ ссылаясь, въ печати, на эти рукописи, считаемъ умѣстнымъ назвать здѣсь авторовъ ихъ: В. Ѳ. Вахрушевъ, Ю. Виноградова; Л. Г. Гребеневъ, А. П. Грудцынъ, М. Замятина, свящ. Н. Кибардинъ, В. А. Калиниковъ, М. Корякинъ, діаконъ П. Кулевъ, земск. нач. К. В. Львовскій, Е. В. Попова, свящ. А. Поповъ, М. И. Сунцовъ и К. Широковъ.—Болѣе подробное описаніе этихъ рукописей см. въ „Отчетѣ о дѣятельности и занятіяхъ Вятск. Губ. Статист. Комит. за 1906 г." (В. 1907), стр. 34—36.

[4]) Чертежи плуговъ разныхъ древнихъ народовъ взяты нами изъ книги *Л. Рау* „Исторія плуга" и, частью, изъ книги *Ю. Липперта* „Исторія культуры"; чертежи сохъ Вятской губерніи—изъ различныхъ статистическихъ изданій мѣстнаго земства. При прочихъ же рисункахъ источникъ будетъ указанъ въ каждомъ данномъ случаѣ. (*Д. З.*).

Введеніе.

1. Разнообразіе видовъ русской сохи. 2. Три главныхъ типа пахотныхъ орудій. 3. Термины: пахать и орать 4. Первобытный плугъ у разныхъ народовъ.

§ 1. Существуетъ мнѣніе, будто бы „русская соха“ (которую обыкновенно противополагаютъ „нѣмецкому плугу“ и называютъ еще „первобытною сохою“) одинакова на всемъ громадномъ пространствѣ Россіи. Мнѣніе это совершенно невѣрно. Напротивъ, можно даже удивляться многочисленности и разнообразію видовъ русской сохи въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. Напримѣръ, въ Тотемскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., едва не въ каждой волости существуетъ и особая разновидность сохи, сообразно съ мѣстными условіями почвы [1]). Большимъ разнообразіемъ мѣстныхъ сохъ отличается также и Вятская губернія, въ которой не трудно насчитать до тридцати различныхъ видовъ крестьянской сохи, даже и съ особыми, народными, названіями для каждаго изъ нихъ, каковы напримѣръ: двуножка, зуевка, клопикъ, косуля, кунгурка, курашимка, леванъ, лемехъ, мосинскій сабанъ, паслеговская соха, пермянка, полусабанокъ, туташевскій сабанъ, чегандинка, черкуша, чертежъ, и др.

Кстати замѣтимъ, что уже одно это разнообразіе видовъ сохи очень краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что изобрѣ-

---

[1]) Описаніе ихъ въ книгѣ *П. Загорскаго*, „Первый шагъ въ дѣлѣ улучшенія культуры у крестьянъ Тотемскаго уѣзда“, М. 1885.

тающій умъ русскаго крестьянина-землепашца не дремалъ; народъ, очевидно, усиленно работалъ надъ своимъ роднымъ орудіемъ, изыскивая наилучшее его устройство—наилучшее, примѣнительно къ даннымъ условіямъ природы и обстановки.

§ 2. Приступая къ описанію „русской сохи", мы наибольшее затрудненіе встрѣчаемъ именно въ этомъ пестромъ разнообразіи ея видовъ, до сихъ поръ никѣмъ не приведенныхъ въ сколько-нибудь удовлетворительную систему.

Установить такую систему,—это и составитъ нашу первую задачу.

То, что въ русскомъ языкѣ называется однимъ словомъ: *пахать* (а въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ: *орать*), представляетъ собою совокупность многихъ и различныхъ дѣйствій пахаря и пахотнаго орудія [1]). Различны не только орудія и способы пахоты, но и самыя задачи ея. По различію-то этихъ задачъ, т. е. иными словами: по различію функцій плуга, мы и намѣрены раздѣлить всѣ разнообразные виды пахотныхъ орудій вообще и русскихъ сохъ въ частности на три главныхъ отдѣла.

А. Одинъ разрядъ пахотныхъ орудій только бороздитъ почву или, по народному выраженію, „черкаетъ", „царапаетъ", „цапаетъ" землю. Отличительная особенность этихъ „черкающихъ" орудій состоитъ въ томъ, что они нисколько не заботятся о той рыхлой землѣ, которая получается при проведеніи всякой борозды: куда эта земля валится, туда и вались, благо ея неособенно много. И рыхлая, выбитая изъ борозды земля валится, сыплется по обѣ стороны проводимой борозды, засыпая рядомъ лежащую твердую, еще не вспаханную, землю, которую поэтому потомъ неловко, или даже совсѣмъ нельзя будетъ и пахать. У этихъ орудій нѣтъ рѣшительно никакихъ приспособленій для такъ называемаго отваливанія пласта.

Стóитъ еще отмѣтить, что пахотныя орудія этого типа всегда тупы, почему они не рѣжутъ почву, а „рвутъ" или „колютъ"

---

[1]) Это послѣднее въ дальнѣйшемъ мы будемъ называть словомъ „плугъ", разумѣя тутъ всѣ виды пахотныхъ орудій, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ.

ее своимъ напоромъ, подобно тому какъ тупой клинъ колетъ дерево.

Изъ русскихъ пахотныхъ орудій къ данному разряду принадлежатъ какъ однозубыя орудія (малорусское рало и однозубая великорусская черкуша), такъ и двузубыя (всѣ виды сохъ безъ полицы или отвала).

В. Второй разрядъ пахотныхъ орудій *пашетъ* землю, т. е. не только бороздитъ или „черкаетъ" почву, но и увлекаетъ взрыхленную, разсыпавшуюся при проведеніи борозды землю вмѣстѣ съ собою, точь-въ-точь какъ вѣникъ или метла загребаетъ подметаемый соръ и, увлекая его вмѣстѣ съ собою, сметаетъ. Извѣстно, что русскій народъ въ очень многихъ мѣстностяхъ (напр. во всей почти Новгородской губ.) употребляетъ одно и тоже слово *пахать* какъ въ значеніи: „взрыхлять землю сохою", такъ и въ значеніи: „мести, подметать соръ на улицѣ или на полу". Сходство этихъ двухъ, на первый взглядъ совершенно различныхъ, дѣйствій теперь для насъ совершенно ясно; и здѣсь мы имѣемъ прекрасное доказательство тому, что русскій народъ, различая строго „сохи *пашущія*" и „сохи *черкающія*", имѣлъ въ виду именно эту отличительную черту въ работѣ первыхъ изъ нихъ.

Для сгребанія и увлеченія вмѣстѣ съ собою взрыхляемой земли описываемый разрядъ пахотныхъ орудій имѣетъ особое приспособленіе, совершенно отсутствующее у орудій перваго разряда. Это такъ назыв. *полица* или: отвалка, присохъ, шабала, отвалъ. О ней русскій народъ говоритъ въ своей пословицѣ: „не соха *пашетъ*", а *полица*.

Сходство даннаго разряда съ первымъ разрядомъ, съ „черкающими" орудіями, въ томъ, что и, „пашущія" орудія всегда болѣе или менѣе тупы, почему и они не столько рѣжутъ землю, сколько „колютъ" и „рвутъ" ее.

Къ этому разряду принадлежитъ самое распространенное въ Великороссіи пахотное орудіе—двузубая соха съ перекладною полицей.

В. Третій и послѣдній разрядъ пахотныхъ орудій „*орётъ*" землю, т. е. отрѣзываетъ сбоку, подрѣзываетъ снизу, поднимаетъ и опрокидываетъ (переворачиваетъ) верхній слой почвы.

Отличительныя особенности этихъ орудій, по сравненію съ представителями двухъ первыхъ разрядовъ, слѣдующія:

Во-первыхъ, наличность двухъ острыхъ, рѣжущихъ, приспособленій или органовъ, одинъ изъ которыхъ отрѣзываетъ пластъ земли сбоку, а другой подрѣзываетъ тотъ-же пластъ снизу.

Во-вторыхъ, приспособленіе для отваливанія пласта („полица" второго нашего разряда орудій) настолько развито и устроено такъ, что отрѣзанный отъ земли пластъ не просто валится на сторону, но при этомъ опрокидывается или оборачивается, т. е. сторона его, бывшая до пахоты вверху, теперь помѣщается внизу.

Таковы плуги въ собственомъ (узкомъ) смыслѣ этого слова, напр. „нѣмецкіе плуги", довольно распространенные теперь и на Руси. Изъ собственно же русскихъ народныхъ орудій сюда принадлежатъ, кромѣ украинскаго плуга, великорусскіе косуля, курашимка и сабанъ,—эти орудія „плужнаго типа". И наконецъ, цѣлый рядъ двузубыхъ сохъ съ полицей представляютъ собою прямую переходную ступень отъ орудій второго разряда („пашущихъ") къ орудіямъ „орющимъ"; таковы всѣ „сохи-односторонки".

§ 3. Какъ читатель видитъ, мы строго различаемъ слова: *пахать* и *орать*, приписывая каждому изъ нихъ особое значеніе. Дѣлаемъ мы это отнюдь не произвольно, а слѣдуя народному употребленію этихъ словъ въ различныхъ областяхъ Великороссіи. Въ Костромской губерніи „орутъ" исключительно косулей (орудіе плужнаго типа), а двузубой сохой только „пашутъ". С. Дмитріевъ писалъ объ этомъ еще въ 1843 году [1]). Тоже самое и въ Яранскомъ уѣздѣ, Вятской губ. (по нашимъ личнымъ наблюденіямъ), и въ Валуйскомъ уѣздѣ, Воронежской губ, [2]). В. И. Даль въ своемъ „Толковомъ словарѣ" также замѣчаетъ: „мѣстами говорятъ *орать* о сабанѣ, плугѣ; *пахать*—о сохѣ [3]).

Что касается древности отмѣченнаго нами различія въ значеніи разсматриваемыхъ терминовъ, то мы склонны считать его исконнымъ. *Орать*—слово обще-европейское (литовское arti, греч. ἀροῦ, латинск. aro, готск. arjan и, значитъ, восходитъ къ такой

---

[1]) *С. Дмитріевъ*, Опытъ практическихъ замѣчаній кинешемскаго земледѣльца о сельскомъ хозяйствѣ Костромской губ. Изд. 2-е (перепечат. съ 1-го изд. 1843 г.), М. 1855, ч. I, стр. 47.

[2]) *Григор. Прохоровъ*, рукописный отвѣтъ на программу Отдѣл. русск. яз. и слов. И. А. Наукъ, № 261; здѣсь „орютъ плугомъ".

[3]) Подъ словомъ *орать*.

древности, когда плуговъ въ собственномъ, узкомъ смыслѣ этого слова еще не должно было быть. Очевидно, слово *орать* примѣняли нѣкогда къ тому виду пахоты, который теперь зовется въ русскомъ народѣ „черканьемъ". Это тѣмъ безспорнѣе, что слово *рало* (малорусское названіе „черкающаго" орудія) происходитъ отъ глагола орать и означаетъ: „то, чѣмъ орутъ".

Съ появленіемъ на Руси пахотныхъ орудій второго нашего разряда (сохъ съ полицей, а быть можетъ и ралъ съ полицей?), глаголъ *пахать* получилъ свое новое значеніе, ставъ почти синонимомъ глагола *орать*. Но въ нѣкоторыхъ областяхъ сохранилось старое слово и при новомъ орудіи; такъ, бѣлоруссы и новгородцы „орютъ" обыкновенною русскою сохою съ полицей.

§ 4. Три указанныхъ нами выше (§ 2) главныхъ разряда русскихъ пахотныхъ орудій мы привели въ порядкѣ ихъ сравнительной древности. *Исторія русской сохи и заключается въ постепенномъ переходѣ отъ перваго, простѣйшаго типа пахотнаго орудія (рала) къ третьему,* наиболѣе совершенному орудію плужнаго типа. Переходъ этотъ совершался на протяженіи цѣлаго ряда столѣтій, медленно, безъ скачковъ. Уяснить его будетъ для насъ легче, если мы представимъ себѣ, каково было первобытное орудіе пахоты, въ томъ видѣ, въ какомъ оно впервые вышло изъ рукъ человѣка.

Нѣкогда человѣкъ взрыхлялъ почву, подготовляя ее для посѣва, только одними ручными орудіями. Было это еще въ то отдаленное время, когда у человѣка не было домашнихъ животныхъ, которыхъ можно бы было запрягать въ плугъ.

У дикарей Новаго свѣта воздѣлываніе почвы подъ посѣвъ хлѣбныхъ растеній производится различными способами. Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ—копка земли и разбивка комковъ ея палками или даже руками [1]). И въ предѣлахъ Россіи, еще въ началѣ XIX вѣка нѣкоторые изъ сибирскихъ кочевыхъ народовъ, въ верховьяхъ рѣки Енисея, вмѣсто пахоты,

[1]) *L. Rasch*, Die Landwirtschaft der Naturvölker, въ „Zeitschrift ür Socialwissenshaft", VII, 1904 г., стр. 97 и слѣд.

вскапывали землю „нѣкоторымъ родомъ широкой лопатки", называемой у нихъ „абылъ" [1]).

Этотъ способъ взрыхленія земли, ровно какъ и нѣкоторые другіе употребляемые первобытными народами способы не имѣютъ ничего общаго съ пахотой: не они привели человѣка къ изобрѣтенію плуга, почему мы на нихъ и не останавливаемся, отсылая интересующихся къ названной статьѣ *Л. Раша*.

Большинство ученыхъ изслѣдователей [2]) согласны въ томъ, что первобытный плугъ развился изъ деревяннаго крюка, которымъ человѣкъ нѣкогда проводилъ на землѣ борозды, имѣя своею цѣлью посѣять въ эти борозды хлѣбныя зерна.

У древнихъ шведовъ нѣкогда плугомъ служилъ длинный и крѣпкій еловый прутъ съ короткимъ, заостреннымъ на нижнемъ своемъ концѣ сучкомъ. Этотъ сучокъ вонзали въ землю и потомъ прутъ тянули, бороздя сучкомъ землю.

Не удивительно, что подобный „плугъ" служилъ, въ случаѣ надобности, также и орудіемъ нападенія, вмѣсто меча: извѣстно, что одинъ изъ грековъ участниковъ Мараѳонской битвы (за 490 лѣтъ до Р. Хр.) былъ вооруженъ „плугомъ" (о чемъ свидѣтельствуетъ Павзаній).

Изображенные на приложенныхъ рисункахъ плуги древнихъ сиракузянъ (чертежъ 1; срисованъ съ древней сиракузской бронзовой монеты) и древнихъ этрусковъ (черт. 2; срисованъ съ этрусскихъ надгробныхъ памятниковъ) представляютъ собою то же самое, что́ и описанный выше (см. черт. № 1 и 2) древній шведскій плугъ, а именно—природную кривулину (костыль) дерева: короткій конецъ этого костыля служитъ вмѣсто лемеха, а длинный—вмѣсто дышла или оглобли; только тутъ не впрягается лошадь или волъ, а берется человѣкъ своими руками и тянетъ. (См. въ прилож. черт. № 1 и 2).

У патагонскаго плуга (черт. 3) къ короткому концу деревяннаго костыля привязывается родъ желѣзнаго ножа, который собственно и бороздитъ землю. Такимъ образомъ, этотъ плугъ

---

[1]) „Сибирскій Вѣстникъ", издаваемый *Григ. Спасскимъ*, 1818 г., ч. I, стр. 23. Болѣе подробное описаніе абыла въ статьѣ *Ядринцева* „Начало осѣдлости" (Литературн. Сборн. Изд. ред. „Вост. Обозр.", стр. 156).

[2]) *Тейлоръ*, „Введеніе въ антропологію"; *Литтертъ*, „Исторія культуры"; *Рау*, „Исторія плуга".

представляетъ собою уже дальнѣйшій шагъ впередъ на пути къ улучшенію плужнаго лемеха. (См. въ прилож. черт. 3).

Всѣ изображенные плуги не имѣли еще рукоятки, за которую могъ бы держать пахарь и надавливать на плугъ, чтобы онъ не выскакивалъ изъ борозды. Въ другихъ древнихъ плугахъ мы находимъ и такую рукоятку, причемъ плугъ все еще продолжалъ выдѣлываться изъ одного дерева, только съ двумя, обращенными въ разныя стороны сучьями. Таковъ древній римскій плугъ (черт. 4), срисованный съ одного римскаго памятника. Таковъ же древній этрусскій плугъ (черт. 5; срисованъ съ памятника, найденнаго въ Ареццо), небольшая рукоятка на верху котораго имѣетъ видъ креста; на лемехѣ же этого плуга изображены два кольца. (См. черт. № 4 и 5).

На рисункѣ 6-мъ изображенъ древній греческій плугъ, также съ рукояткой. (См. черт. № 6).

У древняго египетскаго плуга (черт. 7) рукоятка двойная и самый плугъ состоитъ уже изъ двухъ составныхъ частей: разсохи и дышла. — Кстати здѣсь замѣтимъ, что, по мнѣнію автора „Исторіи плуга", нѣмецкаго ученаго *Л. Рау*, Египетъ былъ и родиною плуга, отъуда первобытное пахотное орудіе перешло къ грекамъ, а потомъ распространилось и во всей Европѣ. Конечно, мнѣніе это не можетъ быть доказано фактами и навсегда останется только голымъ предположеніемъ, хотя и вѣроятнымъ. Да и самъ *Рау* допускаетъ возможность того, что во многихъ странахъ первобытный плугъ могъ возникнуть и безъ заимствованія, совершенно независимо другъ отъ друга. (См. черт. № 7).

Жившій за девять столѣтій до Рождества Христова, греческій поэтъ Гезіодъ, въ своей поэмѣ „Работы и дни", описываетъ одинъ изъ употреблявшихся въ то время у грековъ плуговъ. Плугъ этотъ состоитъ уже изъ трехъ частей: дышла (isobous), искривленной рукоятки (hyes) и плотины или лапы (olyma), на которую насаживался лемехъ. *Рау* возсоздалъ этотъ плугъ на рисункѣ (черт. 8), но врядъ ли особенно точно. (См. черт. № 8 и 9).

Изображенный на рисункѣ 10-мъ (см. черт. № 10) древній сиракузскій плугъ (изображеніе его сохранилось на вырытой въ Сиракузахъ одной древней медали; взято нами у Людона, An Encyclopaedia of agricultur, 1831 г.) представляетъ собою простѣйшій видъ того типа плуговъ, остовъ или корпусъ которыхъ имѣетъ видъ треугольника. (Къ этому типу принадлежатъ почти

всѣ русскія пахотныя орудія). Новая, по сравненію съ прежде описанными плугами, составная часть этого сиракузскаго плуга—подвой или веревка, соединяющая лемехъ съ дышломъ плуга. Этотъ подвой и составляетъ одну изъ сторокъ треугольника; лемехъ же и дышло (оглобля) составляютъ двѣ прочія его стороны. (См. черт. № 10).

Полное сходство представляетъ собою египетскій плугъ, изображенный на рисункѣ 11-мъ: въ основѣ его корпуса лежитъ также треугольникъ. (См. черт. № 11).

Дальнѣйшее усовершенствованіе плуга состояло въ прибавленіи къ нему подошвы (пяты, полоза), цѣль которой—сообщить плугу устойчивость. Въ качествѣ образца такихъ плуговъ мы помѣщаемъ рисунокъ плуга, употребляемаго въ Кахетіи (на Кавказѣ; плугъ этотъ описанъ Парротомъ; (см. черт. 12). У этого плуга имѣется также отрѣзъ (ножъ, рѣзакъ), но бываютъ плуги съ подошвой и безъ отрѣза.

Русскія народныя пахотныя орудія вообще лишены подошвы; исключеніе представляютъ лишь — украинскій плугъ, сабанъ и курашимка, т. е. орудія не вполнѣ туземнаго происхожденія.

Наконецъ, рядъ плуговъ представляетъ собою ту особенность, что въ основѣ ихъ остова (корпуса) лежитъ не треугольникъ, а четыреугольникъ, стороны котораго составляютъ—подошва, двѣ стойки и дышло. Образецъ—грузинскій плугъ (черт. 12). Сюда принадлежатъ также и многіе улучшенные (культурные) плуги [1]).

[1]) Изъ русской литературы по исторіи пахотныхъ орудій можно указать на книжку *Ѳ. Арефьева*, „Три статьи о земледѣліи Рима, Франціи, Швеціи и Норвегіи и объ отношеніи послѣднихъ къ сѣвернымъ областямъ Россіи". (Спб. 1842; а также старинныя руководства къ сельскому хозяйству, авторы которыхъ часто пересказываютъ содержаніе книжку *Л. Рау* (Geschichte des Pfluges. 1842); такотаково, наприм., „Общепонятное руководство къ практическому сельскому хозяйству" *П. Преображенскаго*, ч. II-я 1-го изд. и ч. III-я 2-го изд. (М. 1860), а отчасти и книга проф. *С. Усова*, (Основанія земледѣлія (Спб. 1862; стр. 235—240).

I. Черкающія орудія.

а) Однозубыя (рало).

§ 5. Простѣйшимъ изъ числа существующихъ въ наши дни видовъ русскихъ пахотныхъ орудій нужно признать однозубое малорусское *рало*, совершенно тожественное, въ своихъ существенныхъ чертахъ, съ мало извѣстною однозубою великорусскою *черкушею*.

Малорусское рало представляетъ собою треугольникъ, одну изъ сторонъ котораго составляетъ такъ назыв. стебло (т. е. дышло, замѣняющее собою обжи или оглобли великорусской сохи); другую сторону—ральникъ (соотвѣтствующій сошной разсохѣ или плотинѣ) и третью—связь между стебломъ и ральникомъ (соотвѣтствуетъ сошнымъ подвоямъ или стужню).

Вотъ болѣе подробное описаніе простѣйшаго малорусскаго рала, въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ его на Украйнѣ Гильденштедтъ въ 1768 году.

Желѣзныхъ частей въ этомъ ралѣ никакихъ нѣтъ: оно рѣшительно все состоитъ изъ дерева. Круглая жердь, 11 футовъ дл. и $3^1/_2$ дюйм. толщ., т. наз. *стебло*, служитъ главною составною частью рала. Къ заднему концу этой жерди прибита прямо стоящая кверху палка, которая служитъ рукояткую и соотвѣтствуетъ, въ этомъ случаѣ, рогалю нашей сохи: за нее пахарь держитъ руками, управляя раломъ. Къ переднему концу стебла прикрѣпляется ярмо для запряжки быковъ.

Въ $1^1/_2$ футахъ отъ задняго конца стебла въ него вдалбивается снизу, подъ угломъ въ 45 градусовъ, нѣсколько загнутое впередъ дерево 2 фут. дл. и 2 дюйм. въ окружности. Нижній конецъ этого дерева обтесанъ въ видѣ тупого конуса и служитъ вмѣсто ральника или сошника, т. е. бороздитъ землю. А для того, чтобы этотъ деревянный ральникъ держался въ стеблѣ устой-

чивѣе, онъ скрѣпляется со стебломъ особою деревянною же поперечиною, которая однимъ своимъ концомъ вдолблена въ стебло (на разстояніи 1-го фута отъ ральника), а другимъ—въ ральникъ.

Въ такомъ видѣ рало употреблялось во второй половинѣ XVIII-го вѣка въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи и въ Прилуцкомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи [1]).—По свидѣтельству *Филы. Фриде*, въ началѣ XIX-го вѣка такое же точно рало употреблялось еще въ Литвѣ и въ другихъ отъ Польши возвращенныхъ провинціяхъ, равно какъ „и въ другихъ множайшихъ странахъ“ [2]).

По замѣчанію того же автора, „въ семъ образѣ, повидимому, сдѣлано было первое пахотное орудіе тѣмъ человѣкомъ, который, отбросивъ заступъ, употребилъ въ помощь силы тяглаго скота для облегченія землепашества“ [3]).

Но еще Гильденштедтъ, рядомъ съ деревяннымъ раломъ, встрѣтилъ въ Малороссіи рало, на деревянный ральникъ котораго надѣвался желѣзный „наральникъ“; конецъ послѣдняго нѣсколько загибался книзу и былъ сплюснутымъ, однако своею шириною не превосходилъ 4 дюймовъ.—По словамъ Фриде, этотъ видъ рала, съ желѣзнымъ наконечникомъ, употреблялся еще въ Лифляндіи и Эстлядніи, гдѣ онъ носилъ имя „свиного рыла“.

Оба описанныя рала употребляются для поперечной перепашки или для „двоенія“ почвы, уже взоранной плугомъ, а также для озимовой (первой) пашни на жнитвѣ, т. е. употреблялись вообще на мягкихъ земляхъ, что́ весьма и понятно. Запрягается въ рало одна пара воловъ.

Какъ всѣмъ извѣстно, описанное орудіе (во второмъ его видѣ, съ желѣзнымъ „наральникомъ“) дожило въ Малороссіи и до нашихъ дней [4]) и употребляется въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ,

---

[1]) *Güldenstaedt* Reise, II, стр. 480 и фиг. 1.

[2]) Труды Вольн. Эконом. Общ., часть 60, 1808 г., стр. 267.—То же повторяетъ и *Вас. Андросовъ* въ своей „Хозяйственной статистикѣ Россіи“ 1827 г., стр. 71.

[3]) Тамъ же.

[4]) Вотъ, напримѣръ, свидѣтельства объ употребленіи въ Малороссіи и Новороссіи *однозубаго* рала: Журн. Мин. Гос. Имущ., ч. 33, 1849 г., смѣсь, стр. 7; часть 8, 1843 г., отд. I, стр. 42 (въ Бессарабіи);

т. е. для разрыхленія пашни, уже поднятой плугомъ, а также и для первой озимовой вспашки [1]).

Въ наше время однозубое малорусское рало устраивается иногда еще проще, нежели во времена Гильденштедта. Крестьянинъ выбираетъ нетолстое дерево, вершка $2^1/_2$—3 въ верхнемъ отрубѣ, у котораго одинъ изъ корней идетъ подъ прямымъ угломъ къ стволу. Корень этотъ выкапывается изъ земли; онъ служитъ ральникомъ (дл. 1 арш.), а стволъ (1 саж.)—дышломъ. Вверху вколачиваютъ палку для рукоятки, и—рало готово (срв. Русскій Вѣстникъ, томъ 106, 1873 г., стр. 640; ст. *П. Парфенова*).

Но чаще, пожалуй, употребляется въ наше время не однозубое рало, а съ тремя или 4 и 5 зубьями, уже безъ рукоятки, такъ что они нѣсколько напоминаютъ своимъ видомъ борону. „Арало-тройчакъ", съ тремя зубами, наблюдалъ еще и Гильденштедтъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ (стр. 481 и фиг. III): всѣ три зуба находятся въ одной горизонтальной плоскости, средній—впереди, а два боковыхъ на одинъ футъ сзади его. Изрѣдка встрѣчается и двузубое рало, наприм. въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губ. [2]).

Многозубыя малорусскія рала очень близки къ тѣмъ усовершенствованнымъ орудіямъ для взрыхленія поднятой плугомъ почвы, которыя употребляются въ нашихъ культурныхъ хозяйствахъ подъ именемъ скоропашекъ или экстирпаторовъ, культиваторовъ, грубберовъ. Небезъизвѣстны они и среди великорусскихъ крестьянъ, наприм. въ Череповскомъ уѣздѣ Новгордской губ., гдѣ ихъ зовутъ *„насошками"* [3]). Съ ними можно сравнить великорусскую „тройную соху", съ тремя ральниками. (См. § 30 и 32).

часть 56, отд. II, стр. 9; ч. 42, 1852 г., отд. IV, стр. 43; Журн. засѣд. Имп. Моск. Общ. сельск. хоз. 1863, II, стр. 43 (въ Полтавской губ.); Волынск. Губерн. Вѣдом. 1868, № 44.

[1]) Объ употребленіи рала для *первой* озимовой вспашки см. „Обзоръ сельск. хоз въ Полтавск. губ. за 1887 годъ", стр 138; Сборникъ статистическо-экономическихъ и оцѣночныхъ свѣдѣній по Богодуховскому уѣзду Харьковск. губ., стр. 78; Сѣверн. Вѣстн. 1888, IV, стр. 134; Журн. Мин. Госуд. Имущ., ч. 33, 1849 г., смѣсь, стр. 7 и часть 39, 1851 г., стр. 42 (въ Екатериносл. губ.); Русск. Вѣстн. 1873 г., томъ 106, стр. 639.

[2]) Журн. Мин. Гос. Имущ., часть 42, 1852 г., отд. IV, стр. 4.

[3]) „Новгородскій Сборникъ", изд. Новгор. Губ. Стат. Ком., вып. V, 1866 г., стр. 24—25. О работѣ насошки здѣсь выражаются: *насашивать землю* или *заваливать насошкой сѣмена*. Первоначально зубья

Однозубое рало также извѣстно не только въ одной Малороссіи, но употребляется и у другихъ славянскихъ народовъ, особенно у западныхъ славянъ, подъ именами: радло (radło) и рухадло (ruchadło; послѣднее въ связи съ глаголами рущить и рыхлить). Еще *Pay*, въ своей „Исторіи плуга", отмѣтилъ, что рало—любимое орудіе славянскихъ народовъ (стр. 33). Но у западныхъ славянъ рала часто бываютъ снабжены хорошо устроенными отвалами и ральникъ имѣютъ очень широкій, такъ что замѣняютъ собою плугъ. Мы даемъ (черт. 13) изображеніе Сигенскаго рала, одного изъ самыхъ простѣйшихъ и весьма близкихъ, по своему устройству, къ однозубному малорусскому ралу. Это Сигенское рало употребляется для первой вспашки расчищенной изъ-подъ лѣса земли. (Смотр. черт. № 13).

У великоруссовъ, какъ мы уже упоминали выше, имѣется вполнѣ тожественное съ однозубымъ украинскимъ раломъ орудіе въ видѣ такъ называемой однозубой черкуши. Но въ наше время черкуши устраиваются большею частью съ двумя зубьями, почему мы и отнесли описаніе ея къ слѣдующей главѣ о двузубыхъ орудіяхъ (§ 8 [1]).

б) Двузубыя (цапулька и черкуша).

§ 6. Однозубое малорусское рало, равно какъ и однозубая великорусская черкуша—еще не „сохи". Въ нихъ нѣтъ необходимаго условія-признака сохи, того признака, отъ котораго соха получила и свое имя,—нѣтъ развилья или раздвоеннаго конца.

Дѣло въ томъ, что русскій народъ (а встарину и русскій книжный языкъ) называетъ *сохою* всякое „развилье", всякій сукъ,

---

здѣшнихъ насошокъ были тупые и широконечные, на подобіе коровьихъ языковъ; но потомъ, по почину одного мѣстнаго священника, стали устраивать зубья насошки остроконечные, съ поднятымъ кверху носкомъ; самые зубья—выгвуты, спереди острые, а назади широкіе.

[1]) По своему устройству и внѣшнему виду къ однозубому ралу близко стоитъ еще такъ назыв. чертежъ (§ 17), но задачи и работа этого орудія совсѣмъ иная, равно какъ и время появленія его гораздо позднѣе рала, почему мы здѣсь о немъ и умалчиваемъ.—Прибавимъ еще, что къ работѣ рала малоруссы примѣняютъ особое слово: *ралить*, а не орать или пахать. Глаголъ ралить произведенъ отъ слова рало, послѣднее же—отъ глагола орать.

прутъ или столбъ, который оканчивается на одномъ изъ своихъ концовъ раздвоеніемъ—двумя „рогами“ или „зубьями“. И это общее значеніе слова *соха*—основное и древнѣйшее [1]); значеніе же: „извѣстное пахотное орудіе“—позднѣйшее и частичное.

Въ отмѣченномъ общемъ значеніи слова соха́ и теперь въ широкомъ употребленіи, наприм., у рыбаковъ, которые „наса́шиваютъ“ на „сошки“ сѣти для сушки, а вилообразнымъ „соши́ломъ“ перетаскиваютъ подо льдомъ неводъ [2]), а также у охотниковъ, которые ставятъ иногда на „сошки“ (или на „рожки“) ружья для прицѣла.—По „Опыту областного словаря“ (стр. 212) *соха*—„бревно, одинъ конецъ котораго раздвоенъ на подобіе вилъ: наприм. у колодцевъ“; по областному олонецкому словарю *Г. Куликовскаго*, *соха*—„развиловатая подпорка огороды“; у терскихъ казаковъ: *сошка*—„спица съ развилкой, напр. у татарской арбы“ [3]). Сравни также общеупотребительное выраженіе: *сохатый* олень, т. е. олень съ вѣтвистыми рогами.

Выводъ тотъ, что русскій народъ первоначально могъ назвать *сохою* только такое земледѣльческое орудіе, въ составъ котораго входила часть съ раздвоеннымъ концомъ. А такая часть (такъ назыв. разсо́ха) имѣется только у „двузубыхъ“ пахотныхъ орудій: самое раздвоеніе необходимо именно для того, чтобы насадить на раздваивающіеся концы два ральника.

Можно еще замѣтить, что въ употребительнѣйшихъ народныхъ загадкахъ о сохѣ всегда подчеркивается ея „двузубость“, напримѣръ: „*Братья* Данилы дорогу до глины пробили“, „Стоитъ сноха, *ноги развела*: міръ кормитъ, сама не ѣстъ“, „Баба Яга, *вилами* (или: *распорота*) *нога*, весь міръ кормитъ, сама голодна [4]).

§ 7. (*Цапулька*). Изъ сохранившихся до нашихъ дней видовъ двузубой (или двуральной) русской сохи самыми древними

---

[1]) *Педерсенъ* очень удачно сопоставилъ русское слово соха съ санскритскимъ sakha „сукъ“ (Jndogerm. Forschung. V, стр. 49).

[2]) Сравни въ „Сборникѣ статист. свѣд. по Тверской губ.“, т. XII, вып. I, стр. 135.

[3]) *М. Карауловъ*, въ Сборникѣ Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, т. 71, стр. 99.

[4]) *Худяковъ*, Великорусскія загадки (въ Этнограф. Сборн. И. Русск. Геогр. Общ., т. VI, стр. 113).

признаками въ своемъ устройствѣ отличается такъ назыв. цапулька или цапуга.

Имя свое эта соха получила отъ своей своеобразной работы: цапулька не пашетъ и не оретъ, а „цапаетъ" почву -царапаетъ ее. (По „Толковому словарю" *В. Даля*, въ Ярославской губ. „цапкой", а на югѣ „цапомъ" называютъ садовую мотыку [1]).

Цапулька отмѣчена нами въ Тихвинскомъ уѣздѣ Новгородской губ., въ мѣстностяхъ по р. Чагодѣ, гдѣ этотъ видъ сохи употребляется исключительно на расчищенныхъ изъ-подъ лѣса мѣстахъ. Она отличается короткими и прямыми ральниками („омеши у цыпульки стамчѣе", т. е. прямѣе, вертикальнѣе,— говорилъ мнѣ тихвинецъ), которые потому не поддѣваютъ снизу оставшихся въ почвѣ корней, а, встрѣтившись съ крѣпкимъ корнемъ, просто-на просто перескакиваютъ черезъ него. Оба омеша совершенно тупые, и въ этомъ—полное сходство цапульки съ малорусскимъ раломъ, сходство, доказывающее и историческую близость этихъ двухъ первобытныхъ орудій.

Съ короткими и тупыми ральниками, цапулька не только не разрѣзываетъ древесныхъ корней, но и рветъ только слабые корни мелкихъ кустарниковъ, перепрыгивая поверхъ крѣпкихъ корней. Этимъ свойствомъ цапульки и пользуются нѣкоторые землевладѣльцы, обязывающіе, въ нужныхъ случаяхъ, своихъ арендаторовъ пахать исключительно цапулькою, а отнюдь не сохою. Такъ поступаютъ, напримѣръ, помѣщики Вышневолодскаго уѣзда Тверской губ. Вырубивъ на извѣстномъ участкѣ своей земли лѣсъ, они сдаютъ порубъ въ аренду крестьянамъ на 4 года подъ посѣвъ ярового и озимого хлѣбовъ „изъ третьяго снопа" (т. е. изъ трети урожая). Арендаторъ получаетъ право выжечь вырубку, но лишенъ права корчевать пни и пахать сохой, а только цапулькой. Дѣлается это съ цѣлью сохраненія въ почвѣ древесныхъ корней, т. е сохраненія лѣса. „Опытъ показалъ, что послѣ подобной раздѣлки земли, по вырубкѣ снова растетъ соснякъ, кусты же и лиственныя породы не глушатъ хвои" [2]).

---

[1]) Тихвинскій (съ р. Чегоды) крестьянъ, описывавшій мнѣ цапульку, произносилъ: „цыпулька" и „цыпать".

[2]) Сборникъ статист. свѣдѣній по Тверской губ., т. III (Тверь, 1889), стр. 86.

Въ Вышневолодскомъ уѣздѣ цапулька извѣстна подъ именемъ „цапуги“ [1]).

Было бы излишне добавлять, что цапулька не имѣетъ никакого отвала и „цапаетъ“ землю крайне мелко: только бы было чѣмъ прикрыть сѣмена.

Цапулька изрѣдка встрѣчается еще въ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губ. Мѣстный авторъ называетъ ее „тупой, прямой сошкой“ и сообщаетъ, что употребляется она въ новыхъ деревняхъ „для распашки новей, гдѣ нѣтъ возможности, по множеству пней, пахать другимъ орудіемъ“ [2]).—Здѣсь же, кстати, отмѣтимъ и это сообщеніе того же автора: „Горы и овраги, поросшіе лѣсомъ, гдѣ нѣтъ возможности проѣхать съ сохой или косулей, высѣкаются, выжигаются, *цапаются желѣзнымъ крюкомъ*, засѣваются ячменемъ и забораниваются граблями“ [3]). Этотъ ручной способъ обработки лѣсной почвы весьма близокъ къ обработкѣ ея описанной цапулькой, о чемъ говорятъ уже и самыя названія.

§ 8. (*Черкуша*). Какъ цапулька представляетъ собою простѣйшій видъ сохи на *лѣсныхъ* почвахъ, такъ „черкуша“ является простѣйшимъ видомъ сохи на почвахъ *старыхъ*.

Черкуша имѣетъ въ настоящее время такое же точно отношеніе къ великорусской косулѣ, какое малорусское рало имѣетъ къ украинскому тяжелому плугу. Какъ рало употребляется почти исключительно для второй (поперечной) вспашки и для задѣлки сѣмянъ,—точно также и черкушей „черкаютъ“ почву, уже взметанную косулей, чтобы только разбить пласты и комья и взрыхлить взоранную землю; черкушей же запахиваютъ посѣянныя сѣмена, равно какъ окучиваютъ и выпахиваютъ картофель.

Уже отсюда ясно, что черкуша употребляется только рядомъ съ косулею. Тамъ же, гдѣ хозяйство ведется не косулею, а обыкновенною двузубою сохою, тамъ никакой надобности въ особой черкушѣ совсѣмъ нѣтъ: во-первыхъ, двузубая соха и

---

[1]) Тамъ же.

[2]) *А. Преображенскій*, Волость Покровско-Ситская Моложск. у. (въ Этнограф. Сборн. И. Р. Геогр. Общ., т. I, 1853 г., стр. 79)

[3]) Тамъ же.

сама уже очень хорошо взрыхляетъ землю, такъ что для окончательной раздѣлки послѣ нея вполнѣ достаточно даже бороны съ деревянными зубьями; во-вторыхъ, стоитъ только у обыкновенной двузубой сохи (перекладной) отнять полицу (отвалъ), — и соха превратится въ черкушу.

Вотъ почему область распространенія „черкуши" (какъ особаго орудія) сравнительно очень не велика: она совпадаетъ съ областью распространенія косули.

Костромская губернія—мѣсто наибольшей распространенности черкушъ. Въ виду очень широкаго распространенія въ этой губерніи косуль, никакихъ другихъ сохъ, кромѣ черкушъ, здѣсь почти и нѣтъ. По крайней мѣрѣ, *С. Дмитріевъ* въ 1843 году противопоставляетъ „соху съ полицею" „костромской сохѣ" [1]), ясно давая тѣмъ понять, что въ Костромской губ. сохъ съ полицами вовсе нѣтъ. Вотъ почему здѣсь черкушу часто называютъ просто „сохою", или же „соха-черкуша" „соха-черкуха".—Въ Ярославской губ. черкуши извѣстны большею частью также подъ именемъ „сохъ", а иногда подъ названіемъ: „плота" (съ чѣмъ срв. „плотину" у сохи).

Въ Ветлужскомъ краѣ Нижегородской и Костромской губ. черкушу,—равно какъ и двуральную соху съ полицей,—зовутъ „благушей" [2]). Названіе это находится въ безспорной связи съ народнымъ словомъ *благой*, что означаетъ „дурной, плохой" [3]). Не рѣшаемся сказать, имѣлись ли тѣ въ виду дурныя, неровныя почвы, для которыхъ необходима двузубая соха или же плохія (по сравненію, напримѣръ, съ косулей) качества самаго этого орудія. Послѣднее, пожалуй, вѣроятнѣе такъ какъ всѣмъ извѣстно, что двузубая соха нерѣдко, особенно въ сырую погоду, „капризится", а капризниковъ то именно русскій народъ и зоветъ „благушами".

---

[1]) *С. Дмитріевъ*, Опытъ практич. замѣч. Кинешемск. землед. о сельск. хоз. Костр. губ., стр. 47, по 2-му изд.

[2]) *Блокуша*,—такъ называетъ эту соху одинъ авторъ изъ приветлужья (Нижегородск. Губ. Вѣд. 1861 г., № 49, стр. 348); это—очевидный плодъ неудачнаго производства народнаго словечка *благуша* отъ слова *блокъ*.

[3]) „Дорóга блàга",—говорятъ арзамасскіе ямщики, везущіе богомольцевъ въ обитель св. Серафима Саровскаго, что означаетъ: „дорога скверная"

Въ южной части Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи, гдѣ главнымъ орудіемъ для воздѣлыванія земли служитъ костромская косуля, также употребляется черкуша, подъ именами „чертежникъ“ или „соха“ [1]).

Наиболѣе же распространенное названіе для разсматриваемаго орудія: „черку́ша“ или „черку́ха“ (кромѣ всей Костромской губ., оно распространено также на западѣ Вятской губ.) имѣетъ въ виду отличительное свойство работы этой сохи, которая не пашетъ, а только „черкаетъ“ почву, т. е. проводитъ мелкія борозды.

Старинные авторы были довольно близки къ истинѣ, когда называли черкушу не сохою, а „бороною“. Свидѣтельства этихъ авторовъ тѣмъ интереснѣе для насъ, что они одни только говорятъ объ однозубой черкушѣ, о какихъ теперь почти совсѣмъ и не слыхать. *Свящ. Рѣшетниковъ* въ 1845 году писалъ: „Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Яранскаго уѣзда есть *борона* особаго рода, называемая „*черкуша*“, съ однимъ желѣзнымъ зубомъ; это орудіе чрезвычайно невыгодно, потому что имъ обработывается земли втрое менѣе, чѣмъ бороной [2]). Это сообщеніе буквально повторилъ въ 1852 году командированный въ Вятскую губернію агрономъ *Б. Любанскій* [3]).—По „Толковому словарю“ *В. Даля*, костромская черкуша однозубое или трезубое орудіе. Мнѣ въ Яранскомъ уѣздѣ крестьяне передавали, что прежде у нихъ изрѣдка встрѣчались однозубыя черкуши, но видѣть таковую мнѣ не удалось.

Однозубая черкуша представляетъ собою интересъ въ томъ отношеніи, что она совершенно тожественна съ малорусскимъ ра-

---

[1]) *П. А. Загорскій*, Первый шагъ въ дѣлѣ улучшенія культуры у крестьянъ Тотемск. у., 1885 г., стр. 75.—Въ с. Чаловѣ: *черкуша* (рукописный отвѣтъ на программу Отд. русск. язык. и слов. И. Ак. Наукъ, № 203).

[2]) Вятскія Губерн. Вѣдом. 1845 г., № 32, стр. 210 („Взглядъ на гор. Вятку и Вятскую губернію“. Авторъ заимствовалъ изъ „Обозрѣнія сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 годахъ“ (Спб 1836, стр. 117), гдѣ говорится буквально то же о Пиштанскомъ приказѣ Яранскаго уѣзда.—Въ „Сборникѣ статистич. свѣдѣній по Костромской губ.“ (томъ II, Кинешемск. у., вып. II; Костр. 1901, стр. 42) читаемъ: „картофель опахиваютъ сохой или „*сошникомъ*“; нужно думать, что подъ „сошникомъ“ тутъ разумѣется однозубая черкуша.

[3]) Журн. Мин. Госуд. Имущ. 42, отд. II, стр. 219 („Сельское хозяйство у государств. крестьянъ Вятской губ.“).

ломъ не только по своей работѣ и употребленію, но также и по своему устройству.

Въ настоящее время въ бо́льшемъ употребленіи двузубыя черкуши. Устройство ихъ весьма близко къ обыкновенной двузубой сохѣ. Главное отличіе черкуши отъ сохи отрицательное—отсутствіе полицы (отвала) и вообще отсутствіе всякаго приспособленіе для отваливанія пласта. Другое существенное отличіе—Омеши (ральники) и самая разсоха у черкуши стоятъ прямѣе (вертикальнѣе), нежели у сохи: уголъ, образуемый разсохой черкуши съ ея оглоблями, большею частью бываетъ равенъ 67 градусамъ. Самые омеши бываютъ чаще меньшихъ размѣровъ [1]), причемъ какъ они, такъ и самые рога (раздвоенные концы) разсохи стоятъ ближе другъ къ другу. Омеши черкуши „черкаютъ" землю не глубже 2—3 вершковъ.

Что касается остова (корпуса) черкуши, то онъ совершенно одинаковъ съ корпусомъ обыкновенной русской сохи (§ 9): таже самая разсоха, рогаль и перечень между обжами, тѣже подвои.

Своеобразный видъ омешей черкуши отмѣченъ нами въ Любимскомъ уѣздѣ Ярославской губ.: видомъ своимъ они здѣсь очень напоминаютъ ложку, а именно: съ тупымъ закругленнымъ концомъ и выпуклою серединой.—У Тотемскаго „чертежника" омеши, по словамъ Загорскаго [2]), „по формѣ имѣютъ большое сходство съ лапами скоропашки (экстирпатора) простѣйшаго устройства" [3]).

Одинъ авторъ [4]) усмотрѣлъ въ великорусской черкушѣ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія сельскохозяйственной культуры. И дѣйствительно, съ точки зрѣнія сельскаго хозяина такой взглядъ довольно естественъ: всякое расчлененіе (дифференціація) работы между различными орудіями, изъ которыхъ каждое приспособлено именно для даннаго вида работы, свидѣтельствуетъ о возвышеніи культуры. Но для этнолога черкуша—прежде всего простѣйшій видъ двузубой сохи, весьма близкій къ описанной выше (§ 7) „цапулькѣ" и къ малороссійскому ралу.

---

1) Часто, однако, случается, для черкуши идутъ старые сошные омеши; отъ сохъ-односторонокъ—правые, безъ брылы.

2) Первый шагъ въ дѣлѣ улучш. культ., стр. 75.

3) Едвали эти омежи не ведутъ свое начало отъ лапъ череповской „насошки", улучшенной мѣстнымъ священникомъ (см. § 5).

4) *В. В.*, „Возвышеніе сельскохозяйствен. культуры и община" (Сѣверный Вѣстникъ 1888 г., IV, стр. 149).

Литература о черкушѣ исчерпывается краткимъ (однако противорѣчивымъ) описаніемъ ея въ „Матеріалахъ по статистикѣ Вятской губ.“ [1]), гдѣ, между прочимъ, несправедливо утверждается, будто въ предѣлахъ Вятской губ, черкуша извѣстна только въ Яранскомъ уѣздѣ. Приводимъ полностью, въ виду этой скудости литературы, рукописное [2]) сообщеніе *Е. Поповой* о черкушѣ Котельническаго уѣзда:

„Пашутъ косулей. Подъ рожь „троятъ“, т. е. пашутъ трижды—въ маѣ, концѣ іюня и въ августѣ. Но иногда случается, что рожь сѣютъ прямо на взбороненную во вторй разъ землю, и тогда по посѣвѣ „черкаютъ“. Для этого употребляется т. назыв. *черкуша*, состоящая изъ двухъ небольшихъ ральниковъ, насаженныхъ на разсоху, безъ отрѣза и отвала, причемъ земля разрыхляется на двѣ стороны, образуя грибы.“—Въ Яранскомъ уѣздѣ черкушею еще „разъѣзжаютъ“ картофель [3]), т. е. окучиваютъ его.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ косуль и особыхъ черкушъ (въ качествѣ самостоятельныхъ орудій) нѣтъ, работу этихъ послѣднихъ исполняетъ двуральная соха безъ полицы (отвала); такъ, наприм. въ Нолинскомъ уѣздѣ картофель окучиваютъ и выпахиваютъ сохою безъ шабалки (отвала [4]). Тоже дѣлаютъ и въ нѣкоторыхъ культурныхъ хозяйствахъ, напр. на Вологодской учебной фермѣ (Журн. Мин. Госуд. Имущ., ч. 42, 1852 г., стр. 62), Авторъ „Опыта простонар. наставл. въ сельск. хоз.“ 1848 г. сообщаетъ „дѣлаютъ сохи и безъ полицы“ (Тамъ же, часть 27, стр. 224).

---

1) Тома IX-го, часть I, Яранскій уѣздъ, стр. 34—35.

2) Въ рукописяхъ Вятск. Губ. Стат. Комитета.

3) Сборникъ отдѣл. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, т. 76, № 2, стр. 177.—О черкушѣ Кологривскаго уѣзда, Костромск. губ. см. въ „Дополненіи къ Опыту областн. словаря“, стр. 299.

4) Матеріалы по статист. Вятск. губ. т. V, стр. 47, прим.

II. Соха съ перекладною полицею.

„Не соха пашетъ, а полица“.

(Пословица).

9. Появленіе полицы у сохи. 10. Разсоха, рогаль и валекъ, ральники, коловыя и неровыя сохи; объясненіе народныхъ названій. 11. Обжи и перечень между ними. 12. Подвои; полица; соха въ народномъ языкѣ и нар. поэзіи. 13. Сохи для парной запряжки; двойчатки, оралка и желѣзныя сохи.

§ 9. Описанныя выше цапулька и черкуша, будучи сохами, еще не „пашутъ“, въ собственномъ смыслѣ послѣдняго слова, а только „черкаютъ“ или „цапаютъ“ землю. *Пахать* собственно означаетъ, какъ мы уже говорили о томъ прежде (§ 3): „загребать съ собою взрыхляемую землю, сметать ее на сторону“. Но для такой работы у цапульки и черкуши нѣтъ соотвѣтствующаго приспособленія — нѣтъ „полицы“ или „отвала,“ который бы сваливалъ вырываемую омешами землю на сторону.

На „сажѣ“ или на золѣ, полученной отъ сожженія лѣса или кустовъ на подсѣкахъ, и на мягкихъ земляхъ вообще большой надобности въ отваливаніи взрыхляемаго пласта земли на сторону нѣтъ, другое дѣло на почвахъ болѣе или менѣе твердыхъ или задернѣвшихъ. Здѣсь, при пахотѣ сохою безъ полицы, рядомъ съ каждою бороздою получались двѣ невзрытыя совсѣмъ полоски, которыхъ только засыпало сверху тонкимъ слоемъ земли. Упавшія на эти полоски, при посѣвѣ, зерна, конечно, или совсѣмъ не взойдутъ или же будутъ заглушены травою. Для избѣжанія же этого требовалось, чтобы вырываемая сохой изъ борозды земля ложилась (осыпалась) только на ту сторону, гдѣ земля уже взрыта, а въ сторону невспаханной еще полосы совсѣмъ бы не валилась.

Для удовлетворенія этой потребности у сохи и явилась такъ назыв. полица или отвалъ, вмѣстѣ съ чѣмъ соха стала загребать землю, т. е. пахать въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Двузубыя или двуральныя сохи съ перекладною полицею—самый распространенный въ настоящее время видъ русской сохи. Во всѣхъ южныхъ великорусскихъ губерніяхъ и пашутъ почти исключительно такими сохами.

Здѣсь мы дадимъ подробное описаніе такой сохи, какъ самаго типичнаго вида русской сохи вообще.

Остовъ (станокъ) или корпусъ сохи представляетъ собою,—точно такъ же, какъ и оставъ простѣйшаго малорусскаго рала,—треугольникъ. Одну изъ сторонъ этого треугольника составляетъ такъ назыв. *разсоха* или „плотина", т. е. стойка соха, составляющая основную ея часть, къ которой прикрѣплены всѣ прочія сошныя части и, между прочимъ, ральники или омеши. Другую сторону сошного треугольника, верхнюю, образуютъ собою *обжи* или оглобли сохи; и третью сторону—связь, соединяющая разсоху съ оглоблями (т. наз. *подвои* или „стужень").

Остановимся подробнѣе на каждой изъ этихъ трехъ частей. (См. черт. № 14).

§ 10. (*Разсоха*, и *рогаль* и *ральники*). Разсоха (или: плоти́на, пла́ха, ла́па, плутило, плоть, лу́коть, свара) представляетъ собою кривую и раздваивающуюся на своемъ нижнемъ концѣ плаху или доску. Вырубаютъ ее большею частью изъ нижней части (комля) березоваго, осиноваго или дубоваго дерева, причемъ иногда „рожками" или „ножками" (раздваивающимися концами) служатъ корни дерева. Въ другихъ же случаяхъ середина нижняго конца разсохи вынимается и въ ней получается вырѣзъ отъ $^3/_4$ вершка до 2 вершковъ ширины (для глинистыхъ почвъ у́же, для песчаныхъ и каменистыхъ—шире) и 8 вершк. длины. (Ширина всей разсохи—вершк. 5, а длина—по росту пахаря).

Плаху для разсохи всегда употребляютъ выгнутую: нижній, раздвоенный конецъ ея долженъ быть нѣсколько загнутъ впередъ, такъ, чтобы насаженные на „рожки" разсохи ральники были обращены своими остріями не прямо внизъ, а косвенно—впередъ.

Верхній конецъ разсохи соединяется съ обжами (оглоблями) сохи, причемъ способы этого соединенія различны.

Способъ соединенія разсохи съ обжами имѣетъ то значеніе, что въ зависимости отъ него находится возможность регулировать глубину вспашки. Для такой возможности требуется, чтобы

величину угла, образуемаго соединеніемъ обежъ съ разсохой, всегда можно было измѣнять по желанію пахаря; чѣмъ острѣе (меньше) будетъ этотъ уголъ, тѣмъ положе (горизонтальнѣе) будутъ двигаться ральники и тѣмъ мельче, значитъ, соха будетъ пахать. И наоборотъ: чѣмъ больше уголъ между обжами и разсохой, тѣмъ прямѣе будутъ стоять ральники и тѣмъ глубже они будутъ входить въ землю.

Соединеніе обежъ съ разсохою никогда не обходится безъ такъ назыв. рогаля (или рогача, сголовья), служащаго одновременно также и рукояткой, за которую держитъ и при помощи которой управляетъ сохою пахарь. Этотъ рога́ль считается въ народѣ настолько характерною частью сохи, что въ Сибири, напримѣръ, „матушку-соху" называютъ „рогалю́хой" (въ отличіе отъ тамошней „колесухи", т. е. сохи съ передкомъ). *Взяться за рогаль* въ устахъ сибиряковъ означаетъ: „приняться за пашню" [1]).

Рогаль представляетъ собою короткую, съ аршинъ длиною, плаху, въ серединѣ толстую, а съ обоихъ концовъ обтесанную настолько, чтобы концы эти могли служить рукоятками для пахаря. Обжи сохи бываютъ почти всегда вдолблены, своими задкими концами, въ рогаль.

Самый простой способъ соединенія разсохи съ рогалемъ (а слѣдовательно и съ обжами) состоитъ въ томъ, что верхняя часть разсохи просто-на-просто вдалбливается въ рогаль, причемъ, однако, „сидитъ" въ немъ не особенно плотно, а можетъ слабо двигаться впередъ и назадъ („хлябаетъ"). Чтобы она держалась устойчивѣе, въ рогаль вбиваютъ клинья. Эти то клинья и служатъ для регулированія глубины вспашки: вбивая клинья спереди, дѣлаютъ уголъ между обжами и разсохой шире, почему соха пашетъ глубже; если же клинья вбить позади разсохи, то соха будетъ пахать глубже.—Замѣтимъ, что въ старинныхъ рисункахъ русскихъ сохъ—въ „Путешествіи" Гильдендштедта и въ „Трудахъ Вольн. Экономич. Общества" конца XVIII вѣка (между прочимъ въ прекрасномъ рисункѣ каширской сохи *А. Болотова* [2]) мы встрѣчаемъ именно такой способъ соединенія разсохи съ рогалемъ.

---

[1]) Этнографическ. Сборн. И. Р. Геогр. Общ., т. VI, стр. 30 (статья *Г. Потанина*).

[2]) Во 2-й части названныхъ „Трудовъ", 1766 года.

Другой способъ соединенія, когда рогаль только прислоняется къ задней спинкѣ верха разсохи. Тогда къ передней сторонѣ этой послѣдней, прямо противъ рогаля, прислоняется круглый валикъ, такъ называемый „валёкъ“ или „корéцъ,“ „испóдникъ“. Концы того и другого (рогаля и корца) связываются, съ обоихъ боковъ разсохи, веревками или вицами („корéшницы“ Тихвинск. у.). Такимъ образомъ, верхняя часть разсохи оказывается стиснутою между рогалемъ и валькомъ. Регулированіе глубины вспашки здѣсь происходитъ при посредствѣ подвоевъ (см. § 12).

Нижняя часть разсохи, какъ мы уже знаемъ, раздвоенная,— откуда и самое названіе: разсóха.—На раздвоенные концы (или: ножки, рожки, зубья) ея надѣваются ральники (они же: омеши, лемеши, сошники), для чего каждый изъ ральниковъ имѣетъ наверху трубицу (трубку): послѣдняя и обхватываетъ „ножку“ разсохи, на которую наколачивается.

Форма ральниковъ довольно разнообразна, но вообще всѣ они напоминаютъ собою треугольные ножи, обращенные своими острыми лезвіями въ противоположныя стороны (а именно: „въ поле“), тогда какъ тупыя ихъ части смотрятъ вмѣстѣ. Различіе ральниковъ касается главнымъ образомъ ихъ ширины и длины, а также и способа насадки ихъ на разсоху.

Нижняя узкая оконечность ральника называется его „носкомъ“; верхній уголъ, смотрящій „въ поле,“—„перомъ“.

Насаживаются на разсоху ральники обыкновенно такъ, что они лежатъ не въ одной горизонтальной плоскости, а нѣсколько подъ угломъ другъ къ другу, и врѣзываются въ землю жолобкомъ, почему и борозда послѣ сохи имѣетъ видъ жолоба или корыта. Такою постановкою ральниковъ имѣется въ виду облегчить трудъ лошади: пластъ теперь подрѣзывается не только снизу, но также, отчасти, въ слабой степени, и съ боковъ, вслѣдстіе чего оторвать пластъ отъ земли—главная работа сохи—становится уже легче [1]).

На песчаныхъ и особенно на каменистыхъ почвахъ употребляются ральники узкіе и длинные, напоминающіе своимъ видомъ долота или „колъ“. По своему сходству съ коломъ, въ народѣ такіе ральники извѣстны подъ именемъ „коловыхъ“ ральниковъ,

---

[1]) О другой, главной, цѣли такой насадки ральниковъ см. ниже (гл. III, § 14.).

а сохи съ ними—подъ именемъ „коловыхъ“ сохъ. у такихъ сошниковъ нѣтъ совсѣмъ пера (т. е. верхняго, смотрящаго въ „поле“ угла): ральникъ вверху непосредственно переходитъ въ трубицу, ширина его и ширина трубицы одинакова. Такіе ральники очень удобны, даже незамѣнимы, на каменистыхъ почвахъ въ томъ смыслѣ, что они не ломаются и не загибаются отъ напора камней.

„Коловые“ ральники бываютъ обыкновенно тупыми, почему они нисколько не рѣжутъ земли, а только „колютъ“ или рвутъ ее, подобно тупому клину, лишній разъ оправдывая этимъ свое названіе. Этимъ прекрасно достигается разрыхленіе почвы и разбивка комьевъ.

Отмѣченные признаки „коловыхъ сохъ,“ особенно тупость ихъ ральниковъ, свидѣтельствуютъ о глубокой древности этого вида сохъ и напоминаютъ первобытное малорусское рало или не менѣе первобытную великорусскую „цапульку“.

Составители старинныхъ руководствъ къ сельскому хозяйству, очень плохо освѣдомленные о географическомъ распространеніи тѣхъ или иныхъ видовъ сохъ, но любившіе давать этимъ видамъ географическія имена, очень неудачно назвали коловую соху „владимірскою сохою“ [1]), подъ какимъ прозвищемъ она гуляетъ и теперь въ разныхъ энциклопедическихъ словаряхъ. Дѣйствительно, коловая соха недавно еще употреблялась—а отчасти употребляется и теперь—во Владимірской губерніи, точнѣе сказать: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ этой губерніи, наприм. въ Александровскомъ и Вязниковскомъ [2]); но таже самая соха очень употребительна и въ Лифляндіи, и въ Олонецкой губерніи [3]); встрѣчается она также и въ губерніяхъ: Вологодской [4]), Московской [5]), Вятской [6]) и другихъ,—вообще вездѣ, гдѣ только въ почвѣ много мелкихъ камней.

---

1) *П. Преображенскій*, Общепонятное руков. къ практич. сельск. хоз., ч. III, 2-го изд., стр. 152.

2) Промыслы Владимірск. губ., вып. II, (М. 1882 г.), стр. 114 и 234.

3) Олонецкія Губерн. Вѣд. 1900 г., № 78 (о Повѣнецкомъ уѣздѣ).

4) Вологодскія Губернск. Вѣдом. 1862 г., № 18 (*Вл. Поповъ*, Замѣтки о Трончинѣ).

5) *В. Бажаевъ*, Очерки крестьянск. сельск. хоз. въ Московской губ. (М. 1892), стр. 77.

6) Матер. по стат. Вятск. губ., т. IX, часть I, стр. 86—87.—Упоминаются „коловые сохи“ и въ Тверской губ. (см. Сборн. статист. свѣд. по Тв. г., т. V, стр. 122).

Другой видъ (см. чер. № 17) ральниковъ—„перовые“, т. е. съ перомъ. Единственное отличіе этихъ ральниковъ отъ „коловыхъ“—ихъ сравнительная ширина (въ верхней части) и, отчасти, острота ихъ полевого канта (т. е. смотрящаго въ поле ребра или лезвія),—острота тоже только относительная, такъ какъ совершенно острыхъ ральниковъ русская соха вообще не знаетъ.

Такимъ образомъ „перовыми сохами“ мы называемъ всѣ тѣ двузубыя сохи, ральники которыхъ не „коловые“, не смотрятъ „коломъ“ или долотомъ, а имѣютъ болѣе или менѣе широкое перо, т. е. верхній полевой уголъ.—Какъ ниже (§ 16) мы увидимъ, у нѣкоторыхъ видовъ русской сохи это перо одного изъ ральниковъ загибается вверхъ, образуя собою рѣзецъ.

„Перовыя сохи“ являются самымъ распространеннымъ въ Великороссіи видомъ двузубой сохи.

Народныя названія орудій и другихъ предметовъ отразили въ себѣ исторію этихъ послѣднихъ, причемъ весьма часто бываетъ, что это—единственная доступная изслѣдованію исторія. Имѣя это въ виду, мы и пытаемся дать объясненіе, по возможности, всѣхъ народныхъ названій различныхъ сошныхъ принадлежностей.

Слово *разсоха*, стоящее въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ словомъ *соха*, нами уже объяснено выше. *Лукоть* (демянское и тверское названіе разсохи), въ ближайшей связи съ словомъ *лукъ* (орудіе), указываетъ на изогнутый видъ разсохи. *Плотина*, *плота* (Тверск. губ.), *плотиво* (Новгородск. губ.) или *плутило* (Олонецк. губ.),—эти названія подчеркиваютъ „плотность“, т. е. крѣпость, данной части сохи.—Эсты называютъ сошную разсоху *рауапуу*, что значитъ „дерево, относящееся къ желѣзу“ (къ ральнику).

Рогалъ и *рогачъ*,—эти названія для сошной рукоятки описываютъ ея форму, нѣсколько похожую на коровью голову съ двумя рогами. *Сголовье* или *оголовье* (Архангельск. губ.), *сголовышъ* (Вятск. губ.)—указываютъ на положеніе рогаля въ верху, „въ головѣ“ сохи. *Острякъ* (Калужск. губ.).—на острые концы рогаля.

Валекъ—по поводу его круглой формы. *Кворецъ* или *скворецъ* (Муромск. у. Владим. губ.), *корецъ* (Тихвинск. у. Новгор. губ. и Болковск. у. Орловской губ. [1]),—это слово, въ полную противо-

---

[1]) По сообщеніи *А. И. Сахарова* изъ Болховскаго уѣзда.

положность всѣмъ другимъ русскимъ названіямъ сошныхъ принадлежностей, кажется, не русскаго происхожденія. Его нельзя отдѣлять отъ русскаго *шкворень*—слова, заимствованнаго русскими изъ нѣмецкаго языка. „Скворецъ“ и „корецъ“—русскія передѣлки чужого слова.—*Исподникъ* (Кашинск. у.)—такъ какъ онъ находится на внутренней („исподней“) сторонѣ разсохи.

Ральникъ получилъ свое имя въ наслѣдство отъ старѣйшаго предшественника сохи—рала: при появленіи первыхъ сохъ землепашцы, вѣроятно, употребляли для нихъ желѣзные наконечники своихъ старыхъ ралъ, тѣмъ болѣе что желѣзо было тогда очень дорого. *Ральникъ*, по словопроизводству, собственно означаетъ: принадлежность (наконечникъ?) рала.“ *Сошникъ* имѣетъ точно такое же отношеніе къ слову: соха, какъ *ральникъ* съ слову: рало. *Омежъ* (неправильно пишутъ иногда: омежъ, вѣроятно соединяя съ словомъ межа́) и *лемешъ* мы считаемъ однимъ и тѣмъ же словомъ, только разно произносимымъ въ различныхъ говорахъ,—подобно тому какъ одно и то же слово древнерусское *одва* (наше едва) и бѣлорусское *ледва*. Предполагая древнерусское (нигдѣ и никѣмъ не отмѣченное, но естественно вытекающее) *емешъ*, мы роднимъ это слово съ церковно-славянскимъ глаголомъ *емлю* „беру“. Литовское *емикас* „тотъ, кто беретъ“ вполнѣ соотвѣтствуетъ, по звукамъ и по значенію, нашему слову. Смыслъ названія: омеши какъ бы берутъ, подхватываютъ (предварительно подрѣзавъ) куски земли снизу и вытаскиваютъ ихъ оттуда на свѣтъ Божій.

§ 11. (*Обжи*). Вторая сторона треугольника, лежащаго въ основаніи сошною остова,—обжи. Это ничто иное, какъ оглобли для запряжки лошади, только обжи короче оглобель, такъ какъ чаще запряжка въ соху бываетъ безъ дуги. Въ переднихъ концахъ обежъ дѣлаются особыя отверстія или же вставляются колышки, за которые обжи и привязываются къ гужамъ хомута.

То или иное положеніе обежъ при пахотѣ имѣетъ то значеніе, что съ нимъ связано урегулированіе глубины вспашки. Собственно регуляторомъ служитъ черезсѣдельникъ, къ которому привязываются передніе концы обежъ: чѣмъ ниже будетъ опущенъ черезсѣдельникъ, тѣмъ ниже опустятся передніе концы обежъ и тѣмъ круче (прямѣе) будутъ стоять,—а значитъ и глубже пахать,—ральники. И наоборотъ, чѣмъ выше будетъ поднято на черезсѣдель-

никъ, тѣмъ положе (горизонтальнѣе) пойдутъ ральники—и тѣмъ мельче будетъ пахота.—Въ прежнее время, крѣпостные на барщинѣ спѣшили, при появленіи прикащика, подъ видомъ поправки упряжи, пониже опустить на черезсѣдельникъ, такъ же поступаютъ теперь работники въ экономіяхъ. „Никто себѣ не врагъ,"—замѣчаетъ по этому поводу одинъ старинный авторъ.

Изъ двухъ видовъ запряжки лошади въ соху болѣе распространенною является запряжка безъ дуги. Обстоятельство это говоритъ о неровности почвъ и, главное, плохомъ качествѣ лошадей, на которыхъ издревле приходилось пахать русскому крестьянину; а также и о томъ, что русскій землепашецъ своихъ собственныхъ силъ и труда совсѣмъ не жалѣетъ. Впрочемъ, географическое распредѣленіе этихъ двухъ видовъ запряжки очень капризно: часто въ одной и тойже мѣстности запрягаютъ такъ и иначе. Исключеніе представляетъ Вятская губернія, гдѣ виды запряжекъ распредѣляются по народностямъ: русскіе пашутъ безъ дуги, а вотяки—всегда съ дугою [1]).

Разсмотримъ преимущества и недостатки того и другого вида запряжки. При дужной запряжкѣ соха держится устойчивѣе, не падаетъ на бокъ и не стремится особенно углубляться въ землю, почему пахарю управлять сохою легче; не приходится держать ее все время „на вѣсу"; но за то труднѣе вынимать соху изъ земли (оглобли упираются и мѣшаютъ), а когда лошадь сбивается съ борозды, то соха выскакиваетъ изъ земли. Лошадь при дужной запряжкѣ идетъ ровнѣе; у ней не такъ обиваются плечи, не третъ веревками бока. Часто вообще думаютъ, что лошади при запряжкѣ съ дугою легче [2]). Но это справедливо только развѣ для сильныхъ и хорошихъ лошадей; къ слабымъ же и замореннымъ лошадямъ совсѣмъ не примѣнимо. Вотъ что намъ пишетъ *А. И. Сахаровъ* изъ Болховскаго уѣзда, Орловской губ., сравнивая плужную запряжку (которую можно въ данномъ разѣ сравнить съ сошною дужною запряжкою) съ сошною запряжкою (безъ дуги): „Соху крестьянская лошадь везетъ плечами и спиной: благодаря сѣделкѣ, половина сошной тяги падаетъ на плечи лошади и половина на

[1]) Краткое сельскохозяйственное описаніе Елабужскаго уѣзда (Вятка, 1892), стр. 15; Этнографическ. Обозрѣніе 1904 г., IV, стр. 44 (*С. К. Кузнецовъ*, Общинные порядки у вотяковъ Мамадышскаго у.).

[2]) *В. Черемшанскій*, Описаніе Оренбургской губ. въ сельскохоз., этнографич. и промышл. отнош. (Уфа, 1859), стр.

спину. Помимо того, хорошій пахарь въ сохѣ беретъ на себя почти цѣлую треть тяги, поддерживая соху руками, а въ трудныхъ мѣстахъ и почти совсѣмъ вынимая ее изъ земли. Такимъ образомъ, сошная тяга распредѣляется такъ: одна треть падаетъ на плечи лошади, другая треть на спину лошади и послѣдняя треть приходится, при жепаніи пахаря, на его долю, Не удивительно, что самыя заморенныя (чтó столь обычно при скудномъ кормѣ зимою) лошади все же кое-какъ пашутъ въ сохѣ; въ плугѣ же такая лошадь совсѣмъ выбьется изъ силъ, на десятой же бороздѣ, и пахарь ничѣмъ ей помочь не можетъ". Наконецъ, при дужной запряжкѣ пахарь, очищая ральники лопаткою отъ приставшей къ нимъ земли, сильно дергаетъ лошадь, чего не бываетъ при запряжкѣ безъ дуги,

Нерѣдко правая оглобля у сохи бываетъ кривая—выгнута въ поле, чтобы лошадь могла идти по старой бороздѣ. Такова, наприм., соха Вятской губ. (опять-таки русская, а не вотская: у послѣдней обжи прямыя). Рѣже бываетъ, что обѣ оглобли выгнуты полукругами; встрѣчается это только у улучшенныхъ сохъ-односторонокъ, наприм. у „Лядовской сохи" и у „Ярославской косули". Въ такихъ оглобляхъ, по словамъ крестьянъ, лошади легче пахать.

Обжи вдалбливаются въ рогаль обыкновенно на разстояніи около 4 вершковъ одна отъ другой, но потомъ постепенно все болѣе и болѣе расходятся въ стороны. На разстояніи около полутара аршина отъ рогаля онѣ скрѣпляется между собою поперечиной, въ которой потомъ укрѣпляется стужень или подвой (см. § 12). Поперечина эта извѣстна подъ разными именами: *перечень* (въ Вятской губ.), *спорникъ* (Череповскій уѣздъ; „спираетъ" или упираетъ обжи); *перевяс-локъ* (въ Любимскомъ у.); *пасынокъ* (въ Красноуфимск. у. Пермск. губ.); *веретно* (въ Тихвинск. уѣздѣ).

Пространство между рогалемъ и перечнемъ извѣстно подъ именемъ „двора" (Пермская губ.). Часть обежъ, находящаяся „въ дворѣ", должна быть очень прочною: если обжи здѣсь будутъ гнуться, то соха будетъ забѣгать въ глубину.

Вся длина обежъ, при дужной запряжкѣ, бываетъ до 4 аршинъ и болѣе, чтобы ральники не могли задѣть ногъ лошади и ранить ее. При запряжкѣ безъ дуги обжи короче.

Иногда встрѣчаются сохи, у которыхъ рукоятками для пахаря служатъ не концы рогаля, а загнутые вверхъ концы обежъ. Послѣднія въ такомъ случаѣ называются иногда „крючками", а

рогаль безъ „роговъ"—„валькомъ". Такія сохи встрѣчаются,, напримѣръ, въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ [1]). у яранской (Вятской губ.) черкуши рукоятками иногда служатъ обращенные вверхъ сучки, оставленные на заднихъ концахъ обежъ, а рогаль тоже безъ ручекъ [2]).

Что до самаго слова *обжи*, то мы склонны объяснять его изъ предполагаемаго *обужи* и считаемъ составными частями предлогъ *объ* и вымершій глаголъ, родственный словамъ: *уже* „веревка", *узы*. *узникъ*. *Обжа* въ такомъ случаѣ означало бы: „то, къ чему привязываются постромки или пагужки". Въ оренбургскомъ названіи обежъ „*вобужи*" [3]) предполагаемая нами старая форма слова еще сохранилась.

§ 12. *Подвои и полица*. Третья и послѣдняя сторона сошнаго треугольника представлена въ обычной русской сохѣ въ видѣ веревочнаго или прутяного (изъ древесной вицы, чаше черемуховой, почему и зовется иногда „черёмухой") „*подвоя*". На видъ, такимъ образомъ, часть эта очень невзрачна, но она играетъ въ сохѣ очень важную роль, служа для урегулированія глубины вспашки и для укрѣпленія полицы.

Подвóй (отъ глагола подвивáть) соединяетъ нижнюю часть разсохи съ серединою обежъ и съ перечнемъ между ними. Къ разсохѣ онъ прикрѣпляется обыкновенно около такъ называемой „бородки", т. е. того мѣста, гдѣ кончается выемъ или широкая щель между раздвоенными концами разсохи. Обогнувъ эту часть разсохи, подвой направляется кверху и здѣсь огибаетъ обжи въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ скрѣпляются перечнемъ, а отчасти и самый перечень. Такъ какъ подвой идетъ „крестъ-накрестъ", то онъ зовется еще „перекрестомъ" (Вятск. г.).

Въ послѣднее время веревочные и прутяные подвои стали замѣнять деревяннымъ стержнемъ (стужень, войло, притужина, струна) или же желѣзнымъ прутомъ съ винтами на концахъ. Тотъ и другой обыкновенно самыхъ обежъ уже не касаются, а укрѣпляются въ пе-

---

[1]) *В. Черемшанскій*, Тамъ же, стр. 299.

[2]) Матеріалы по статистикѣ Вятской губ., т. IX, ч. I, стр. 35.

[3]) *В. Черемшанскій*, Тамъ же—Начальное *в* здѣсь такого же происхожденія, какъ въ народныхъ словахъ: *вострый* и *воспа* (оспа, отъ глагола *осыпаться*).

речнѣ между обжами. Соху съ желѣзнымъ стужнемъ называютъ кое-гдѣ „винтовкой“ (въ отличіе отъ „подвойной сохи“ [1]), а также „сохой-оралкой“ (см. § 13). Соху съ деревяннымъ стужнемъ многіе вятскіе авторы“ [2]) называютъ „нолинскою сохою“ (по мѣсту предпочительнаго распространенія ея въ Нолинскомъ уѣздѣ), въ отличіе отъ „вятской сохи“ (т. е. сохи Вятскаго уѣзда)—подвойной. Но эти географическія названія очень не точны и мы отвергаемъ ихъ совершенно, какъ ненужныя. Сохи съ деревянными стужнями распространены въ очень различныхъ мѣстностяхъ Великороссіи и, представляя собою простое улучшеніе старой подвойной сохи, географическому опредѣленію совсѣмъ не поддаются. Въ Пермской губ., наприм., онѣ извѣстны были еще въ самомъ началѣ XIX вѣка, рядомъ и вмѣстѣ съ подвойными (изъ черемуховыхъ вицъ [3]).

Главное неудобство подвойныхъ сохъ въ томъ, что подвои, особенно изъ вицы, очень непрочны, расползаются и препятствуютъ правильному урегулированію глубины вспашки. Кромѣ того, они мѣшаютъ сколько-нибудь глубокой вспашкѣ, такъ какъ тогда „черемуха“ должна идти въ землѣ. (Впрочемъ, такая исторія—обычное дѣло, почему и самые подвои нерѣдко зовутся „земляника́ми,“ наприм. въ Демянскомъ и Смоленскомъ уѣздахъ).

Регулированіе глубины вспашки при прутяныхъ подвояхъ подвояхъ достигается тѣмъ, что они „подвиваются“ (скручиваются) или раскручиваются при помощи вставленной между ними палочки. Скручивая подвои, уменьшаютъ тѣмъ самымъ уголъ между разсохой и обжами,—и ральники устанавливаются положе (горизонтальнѣе), почему пашутъ мельче; наоборотъ, раскручивая подвои, увеличиваютъ сошной уголъ—и пахота будетъ глубже.—При прутяныхъ подвояхъ тоже самое достигается простою ихъ перевязкою, причемъ они стягиваются туже или слабѣе.—Если роль

---

[1]) *Н. Смирновъ.* Экономическій бытъ крестьянъ Саратовскаго и Кузнецкаго уѣздовъ. М. 1884, стр. 42.

[2]) Матеріалы по статист. Вятской губ., т. V (В. 1889), стр. 55—56; Вятскія Губ. Вѣдом. 1893 г., № 89.

[3]) Хозяйственное описаніе Пермской губерніи по гражданскому и естественному ея состоянію, ч. II, (Спб. 1813), стр. 72.—Срв. *В. Черемшанскій*, стр. 301.

подвоевъ играетъ желѣзный стержень, то на концахъ его бываютъ всегда винтовыя нарѣзки и, подвинчивая гайкою, регулируютъ глубину вспашки. У деревяннаго стужня роль гайки съ винтомъ играютъ клинья: на концахъ стужня дѣлается нѣсколько отверстій для клиньевъ; вбивая клинъ въ одно отверстіе, укорачиваютъ стужень, въ другое—удлиняютъ его.

Изъ многочисленныхъ названій подвоя намъ осталось объяснить еще только два: *стужень* и *войло*. Первое въ родствѣ со словами: тугой и тяга, и означаетъ „нѣчто стягивающее"; второе происходитъ отъ глагола *вить* (срв. пить: пойло) и означаетъ „то, чѣмъ свиваютъ."—Деревянный стужень зовутъ еще „подосельникомъ" (Оренбургск. губ.),—по сходству съ тою дрогою телѣги, которая проходитъ подъ осью; а также „клюшкой" (тамъ же): если стужень выгнутъ, что́ бываетъ обыкновенно у косули.

Другое важное значеніе подвоевъ то, что въ нихъ укрѣпляется сошная полица (шабала́, присо́хъ, отвалъ, напо́локъ. кляпнй). При веревочныхъ подвояхъ полица вкладывается своею рукояткою между веревками въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ скручиваются; при прутяныхъ—привязывается къ подвою и при деревянномъ стужнѣ—проходитъ своею рукояткою черезъ этотъ послѣдній или также связывается съ нимъ. Другой конецъ полицы, ея лопасть, всегда кладется на одинъ изъ ральниковъ.

Полица имѣетъ большею частью видъ лопатки, но различной формы; (чер. № 18) иногда она съужена книзу, иногда же съужена середина, и т. п. Почти всегда она нѣсколько горбоватая, т. е. смотритъ жолобомъ; это главнымъ образомъ для бо́льшого удобст в накладывать полицу на ральникъ. Лопасть полицы желѣзная, а ручка деревянная; для прикрѣпленія къ ручкѣ у лопасти имѣется трубица (трубка). (См. черт. № 18).

У обыкновенной великорусской сохи (такъ называемой „перекладной") полица перекладывается съ одного ральника на другой при каждомъ поворотѣ сохи (почему и самую полицу, наприм. въ Калужской губ., называютъ „перекладкою"), что даетъ возможность отваливать пластъ на любую сторону. Такою сохою пашутъ „взадъ-впередъ", т. е., проведя борозду, возвращаются обратно рядомъ съ нею. Напротивъ, сохи съ неподвижно укрѣпленною полицею (такъ назыв. „односторонки") не могутъ отваливать пластъ на обѣ стороны, почему и пашутъ ими кругомъ, подобно плугу.

Въ русскомъ народѣ существуетъ поговорка; „не соха пашетъ, а полица“ [1]). Поговорка эта глубоко вѣрна и лишній разъ подтверждаетъ полную правильность установленнаго нами выше мнѣнія (см. §§ 2 и 3) о первоначальномъ и основномъ значеніи слова *пахать*. Дѣйствительно, соха безъ полицы совсѣмъ не „пашетъ“, а только „черкаетъ“ или “цапаетъ“ почву. Загребаетъ и сметаетъ взрытую землю именно и только полица. Вотъ почему изобрѣтеніе полицы должно было произвести въ свое время цѣлый переворотъ въ дѣлѣ пахоты,—переворотъ, теперь для насъ совершенне непонятный.

Были ли полицы у однозубыхъ ралъ?—на этотъ вопросъ мы имѣемъ основанія отвѣчать отрицательно. Хотя западно-славянскія рала (ушедшія вообще очень далеко отъ первобытныхъ ралъ) и снабжены полицами или отвалами, но у малорусскаго рала полицы никогда не было. Мало того, мы имѣемъ нѣсколько видовъ сохи—т. е. сравнительно уже усовершенствованнаго, по сравненію съ раломъ, орудія—, у которыхъ также нѣтъ полицы; таковы—черкуша и цапулька. Другое основаніе, почему мы думаемъ, что полицы были впервые примѣнены къ двузубымъ сохамъ, а не къ однозубому рало, заключается въ одномъ изъ названій полицы, а именно: *присохъ* или *присошек*. Изъ этого древняго названія явствуетъ, что полица—принадлежность именно сохи, какъ бы состоитъ при сохѣ (а не при ралѣ).

Изъ другихъ названій разсматриваемой принадлежности сохи, вмѣсто правильнаго „полица“ весьма часто неправильно пишутъ: „палица“, очевидно родня это названіе съ словомъ па́лка. Такое производство ошибочно. Сошная *полица*—одно слово съ *полицею* или *полкою* въ крестьянскихъ избахъ; не даромъ же и сошную полицу называютъ иногда „по́лкою“ (Пермская губ. [2]), а иногда также „по́лицей“. Смыслъ названія тотъ, что полица ставится подъ угломъ къ ральникамъ, какъ бы въ качествѣ „приполка“ къ нимъ.—Того же самаго происхожденія и значенія и бѣлорусское названіе сошной полицы—„напо́локъ“ или „напо́лка“.

---

[1]) Сборникъ Отдѣл. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, т. 68, стр. 26 (*А. И. Сахаровъ*).

[2]) Рукописный словарикъ Соликамскаго у., въ отвѣтѣ на программу Ак. Наукъ № 136.

Сѣверо-восточное (въ Вятской и Пермской губерніяхъ, а также въ Сибири) названіе полицы—„шабалá“ или „шабáлка“. Слово это не совсѣмъ яснаго происхожденія. Тѣмъ же именемъ называютъ еще родъ желѣзной ложки, съ дырами по серединѣ, которою нагребаютъ горячіе угли или вынимаютъ пельмени изъ отвара, а также, иногда, и всякую посудину, наприм. ковшъ, чашку [1]). Въ виду имѣлась, очевидно, желобовидная форма полицы.—Весьма замѣчательно, что эсты называютъ полицу „сошкой ложкой“ (адра-лузикас или соха лузикас). Мы склонны считать это простымъ переводомъ русскаго названія.—Вотяки называютъ полицу русскимъ словомъ: шабалá.

Въ словарѣ *В. Даля* мы нашли еще одно названіе для сошной полицы, а именно: *кляпки* („сошныя полки, полицы“, объясняетъ словарникъ [2]). Но мы опасаемся, не кроется ли тутъ недоразумѣніе. Полица у русской сохи всегда одна, и названіэ во множественномъ числѣ для нея не пристало. По „Лексикону городского и сельскаго хозяйства“ Двигубскаго, „*кляпень*“—не полица, а тоненькій брусокъ или даже веревка, идущая отъ разсохи къ отвалу и служащая для поддержки послѣдняго [3]). Едвали не эти кляпки и имѣлъ въ виду Даль.

Говоря о сошной полицѣ, нельзя пройти молчаніемъ лопаточку, которою пахарь оскребаетъ прилипшую къ ральникамъ землю. Иначе зовутъ ее: „истыкъ“ (Ростовск. у. Ярославск. г.). Очень возможно, что въ ней мы имѣемъ тотъ первообразъ, изъ котораго впослѣдствіи развилась полица. Есть извѣстіе, что эту лопаточку называютъ также „полицей“ (въ Обоянскомъ уѣздѣ Курской губ. [4]). Это вполнѣ естественно при предположеніи, что полица нѣкогда одновременно служила и отваломъ, и истыкомъ.

Покончивъ [5]) съ описаніемъ сохи, мы назовемъ тѣ имена (точнѣе говоря: эпитеты), подъ которыми слыветъ „перекладная“ соха въ различныхъ мѣстахъ Россіи, въ отличіе отъ болѣе усовершенствованныхъ видовъ того же орудія, т. е. „сохъ.односторонокъ“.

---

[1]) Опытъ Областнаго Словаря, стр. 261.

[2]) Подъ словомъ: кляпъ.

[3]) Томъ XI (1839 г.), стр. 9 и 11.

[4]) Дополненіе къ Опыту Областнаго Словаря, стр. 172.

[5]) Литературу о двуральной сохѣ съ полицею см. ниже, въ главѣ о географическомъ распредѣленіи различныхъ видовъ сохи по губерніямъ (§§ 32—79).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Уфимской и Оренбургской губ. двузубую соху съ перекладною полицею называютъ *„русанкой“* [1]), т. е. какъ бы преимущественно русскою.—Сибиряки называютъ нашу соху *„рогалюхой“* и *„рукопашкой“* [2]) въ отличіе отъ сибирской „колесухи“ (§ 16), а также *„рогулькой“* (въ Иркутской губ. [3]); послѣднее названіе—пренебрежительное; явилось оно, какъ плодъ сравненія маленькихъ ральничковъ нашей сохи съ громадными лемехами сибирскихъ сабановъ.—О нижегородскомъ имени для простой сохи: *„благуша“* мы уже говорили (§ 8).—Гильденштедтъ [4]) передаетъ, что въ Нѣжинскомъ уѣздѣ Черниговск. г. перекладная соха съ одинаковыми ральниками, въ отличіе отъ „косиной“ (?) сохи съ рѣзцомъ (т. е. двуральной косули, о которыхъ см. § 16), носила имя „ренной (?) сохи“. Это названіе, подобно многимъ другимъ, приводимымъ у Гильденштедта русскимъ терминамъ, вѣроятно испорчено (быть можетъ, даже опечатка?). Слова *ренный* не существуетъ въ русскомъ языкѣ. Мы читаемъ вмѣсто „ренный“—*ральный*. „Ральная соха“,—такой эпитетъ перекладной сохи вполнѣ естественъ: она очень и очень напоминаетъ собою рало. Изъ указаннаго же названія явствуетъ, что и самъ народъ видитъ и подчеркиваетъ это сходство, эту связь великорусской сохи съ малорусскимъ раломъ.—Объ осташковскомъ (Тверск. губ.) названіи: „соха-пла́ха“, о ростовскомъ: „плота́“ и о борисовскомъ „дрында“ см. по указателю.

Общее ласковое и нѣжное названіе для сохи въ русскомъ народѣ: „соха-матушка“, „соха-кормилица“, а шутливое—*“Андреевна“*. „Съ солдатъ придешь, да прямо за Андреевну!“ говоритъ олонецкій мужичокъ [5]).—„У матушки-сошки золотые рожки“; этою поговоркою русскій народъ выразилъ, какъ много пользы и богатства приноситъ ему простая двузубая (съ двумя „золотыми рожками“) соха.

---

[1]) В. Черемшанскій, Описаніе Оренб. губ., стр. 300.

[2]) Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельск. жит. Енисейской и Иркутской губ., т. IV, вып. IV, (Ирк. 1893), стр. 52

[3]) Тамъ же, тома II-го, вып. IV (М. 1890), стр. 22.—Въ Верхоленскомъ округѣ будто бы „сами крестьяне называютъ рогалюху *„допотопной“*. (Тамъ же, тома II-го, вып. VI, стр. 155).

[4]) Путешествіе, т. II. стр. 492.

[5]) *Г. Куликовскій*, Словарь областнаго олонецк. нарѣчія, стр. 1

„Соха,—по народной пословицѣ,—кормитъ“, точно такъ же, какъ „веретено одѣваетъ“. Вотъ почему русскій народъ и совѣтуетъ: „держись за сошенку, за кривую ноженьку“, даромъ что „межъ сохой да межъ бороной не ухоронишься“,—не ухоронишься отъ нападокъ сильнаго, а подчасъ и отъ голода. Не забыть и того, что „пашню пашутъ—руками не машутъ“: дѣло это не такъ то легко!

Идеалъ пахаря нарисованъ русскимъ народомъ въ поэтическомъ лицѣ былиннаго героя Микулы Селяниновича. Припомнимъ описаніе идеальной сохи и работы этого народнаго героя, какъ онѣ воспѣваются и поднесь олонецкими землепашцами:

А орётъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
А у ратая сошка поскрипываетъ,
Да по камешкамъ омешики прочиркиваютъ.
. . . . . .
А орётъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ,
Въ край онъ уѣдетъ—другого не видать.
То коренья, каменья вывертываетъ,
Да великіе онъ каменья всѣ въ борозду валитъ.
. . . . . .
Сошка у ратая клёновая,
Омешики на сошкѣ булатные,
Присошечекъ у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна золота [1]).

А вотъ какъ наказывалъ пахать землю царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ своемъ царскомъ наказѣ вяземскимъ воеводамъ въ 1622 году: „А какъ тѣхъ Государевыхъ дворцовыхъ селъ крестьяне пашню пахати учнутъ, и къ нимъ приставити дѣтей боярскихъ, а приказати имъ, чтобы крестьяне *пашню упахивали гораздо, и мягко, и не черезъ борозду* [2]), и пахали-бъ землю лутчую“ [3]).

§ 13. *Сохи для парной запряжки; сохи-двойчатки и оралки.* Выше мы описали устройство двуральной сохи въ томъ ея видѣ,

[1]) *А. Гильфердингъ*, Онежскія былины, т. II, стр. 6 и 518 (въ Сборникѣ Отд. русск. яз. и слов. И. А. Наукъ, т. 60).

[2]) Пахать *черезъ борозду* едвали не означаетъ: „пахать на оба омеша“ (см. § 14).

[3]) Акты Историческіе, собраные и изданные Археографическою Коммиссіею, т. III, № 116, стр. 175.

въ какомъ она извѣстна въ бо́льшей части великорусскихъ губерній. О дальнѣйшемъ усовершенствованіи этой сохи, о тѣхъ ея видахъ, которые представляютъ собою переходъ отъ перекладной сохи къ косулѣ (и вообще къ орудіямъ плужного типа) рѣчь будетъ въ слѣдующихъ главахъ. Здѣсь же мы опишемъ нѣкоторыя мѣстныя отступленія въ устройствѣ двуральныхъ сохъ, поскольку отступленія эти не касаются ея ральниковъ и отвала и потому, по принятой нами классификаціи сохъ, не могутъ быть названы особыми, самостоятельными, видами сохи.

Отступленія эти касаются, во-первыхъ, обежъ или оглобель сохи, вообще—способа ея запряжки, и во-вторыхъ, устройства разсохи и подвоевъ.

А. Хотя малоруссы пашутъ вообще не сохою, а плугомъ, но кое-гдѣ, особенно на границахъ съ Великороссіею, извѣстны у нихъ и двуральныя сохи. А такъ какъ малоруссы пашутъ не на коняхъ, а на быкахъ, а послѣднихъ и для легкой сохи („одноконки", какъ ее называютъ хохлы) нужна пара, то потребовалось примѣнить обыкновенную русскую соху къ парной бычьей запряжкѣ. Два способа такого примѣненія описаны еще Гильденштедтомъ въ 1768 году.

Первый способъ: обжи сохи дѣлаются крайне короткими (въ три раза короче обычныхъ), такъ что они только чуточку выставляются впереди перечня. За то послѣдній дѣлается гораздо толще обыкновеннаго и въ серединѣ его укрѣпляется дышло, въ одну сажень длиною. Къ этому дышлу припрягается пара воловъ обычнымъ способомъ.—Такимъ образомъ, у этой сохи передка и колесъ нѣтъ.

Другой способъ, употреблявшійся во времена Гильденштедта въ Черниговской губерніи: обежъ у сохи совсѣмъ не бываетъ, а ихъ замѣняетъ одна толстая длинная жердь („стебло"), съ заднимъ концомъ которой и скрѣплена верхняя часть сошной разсохи. Для бо́льшей прочности, стебло это еще соединено и съ нижней частью разсохи особой неподвижной распоркой (соотвѣтствующей подвоямъ обычной сохи). Рукоятка для пахаря вставляется въ задній конецъ стебла. Передній же конецъ его привязывается къ передку на колесахъ. Послѣдній отличается отъ плужного передка только тѣмъ, что у него оба колеса одинаковой величины (у украинскаго плуга одно колесо ниже другого).

Измѣненіе въ глубинѣ вспашки производятъ, привязывая передокъ или ближе къ переднему концу стебла (тогда пахота мельче?) или нѣсколько ближе къ разсохѣ. Впрягаютъ въ такую передковую соху 4-хъ быковъ [1]).

Очень близкое къ этому устройство имѣютъ сибирскія „колесухи“ или „колесянки“, тоже передковыя сохи, которыя будутъ описаны нами подробно ниже (§ 16).

Б. Недостатокъ подходящаго лѣса для цѣльныхъ сошныхъ разсохъ, т. е. недостатокъ широкихъ, крѣпкихъ и выгнутыхъ деревянныхъ плахъ, давно уже побудилъ русскихъ землепашцевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлать разсохи не изъ цѣльныхъ плахъ, а составлять ихъ изъ двухъ отдѣльныхъ выгнутыхъ брусьевъ. Брусья эти скрѣпляются двумя поперечными распорками или спицами, изъ которыхъ верхняя часть служитъ и „рогалемъ“, т. е. рукоятками для пахаря.

Древнѣйшее описаніе такого рода сохи съ составною плотиною относится къ Кашинскому уѣзду Тверской губ. [2]). Нижняя распорка между двумя частями плотины здѣсь носитъ названіе: *подмѣтъ*“ (въ родствѣ съ глаголомъ *метать* „пахать въ первый разъ“?), а верхняя, концы которой служатъ ручками,—„рогачъ“. Длина той и другой—три вершка.—Укрѣпленіе обежъ у этой кашинской сохи нѣсколько своеобразно: онѣ не вдалбливаются въ рогачъ, который, видимо, слишкомъ тонокъ для этой цѣли, да

---

[1]) *Гильденштедтъ*, Путеш. II. стр. 492 и черт. 52 и 53.—У Жмуди употребленъ подобный же способъ парной запряжки въ соху, но только безъ передка: дышло вбивается своимъ заднимъ концомъ въ рогаль сохи или же въ разсоху пониже рогаля (*Д. Реутовичъ*, Хозяйство Жмуди, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1852 г., томъ 114, отд. IV, стр. 5).

[2]) Труды Вольнаго Экономич. Общества, часть 26, 1774 года, стр. 27—28. (*Вас. Приклонскій*, Отвѣты на экономическіе отвѣты... по Кашинскому уѣзду).—На основаніи этого описанія нѣкоторые составители руководствъ (П. Преображенскій, Общепон. руков. III, 149), приписываютъ составную плотину „тверской сохѣ“ вообще, но очень не точно: въ другихъ уѣздахъ Тверской губ. составныя плотины у сохъ почти совсѣмъ неизвѣстны, и, напримѣръ, въ Осташковскомъ уѣздѣ обыкновенная соха извѣстна даже подъ именемъ „соха—*плаха*“ (Сборн стат. свѣд. по Тверской губ., т. XII, вып. I, стр. 89), очевидно по виду ея плотины.

кажется (несовсѣмъ ясно изъ краткаго описанія) не вдалбливаются и въ разсоху, а стискиваются между рогачемъ и т. наз. исподникомъ (т. е. валькомъ или кворцомъ: см. § 10). Вотъ буквальныя слова автора: „А чтобы оглобли не опускались, то придѣлывается вверхъ же у ножекъ [1]), только изнутри, полочка или „исподникъ", пониже нѣсколько рогача, между коимъ и рогачемъ оглобли утверждаются, обвертываясь натуго вэревкою" [2]).

Позднѣе употребленіе составныхъ плотинъ отмѣчено въ Калужской губерніи, гдѣ онѣ употребляются рядомъ съ цѣльными разсохами (и послѣднія, кажется, чаще [3]).—Наконецъ, „составленные изъ двухъ дубовыхъ брусковъ" разсохи употребительны еще въ Кузнецкомъ уѣздѣ Саратовской губ.; по свидѣтельству 1884 года [4]), появились онѣ здѣсь только" въ послѣднее время, вслѣдствіе недостатка въ крупномъ сосновомъ лѣсѣ" и носятъ особое названіе: „двойчатка".

Составную же плотину имѣетъ такъ называемая *„соха-оралка"*, употребляемая въ Тамбовской и другихъ южно-великорусскихъ губерніяхъ, а также и „желѣзныя сохи", „Соха-оралка" принадлежитъ къ обычному виду двуральныхъ сохъ съ перекладною полицею, отличаясь отъ нихъ только устройствомъ своего станка. Рукоятками у нея служатъ верхушки „разсошниковъ", т. е. тѣхъ двухъ искривленныхъ брусьевъ, изъ которыхъ составлена плотина (разсоха) этой сохи. Оглобли прикрѣплются *къ срединѣ* (по длинѣ) разсошниковъ, подъ острымъ угломъ къ этимъ послѣднимъ. Подвои замѣнены желѣзными стержнями съ винтовыми нарѣзками на концахъ ихъ и гайками; это обстоятельство придаетъ разсохѣ бо́льшую устойчивость, а также облегчаетъ ре-

[1]) Ножками авторъ называетъ составленную изъ двухъ брусьевъ плотину сохи. „Вверхъ у ножекъ" означаетъ: вверху плотины. Выше авторъ говорилъ о рогачѣ, а объ оглобляхъ рѣчи еще не было.

[2]) Стр. 28.

[3]) Памятная книжка Калужской губ. ка 1861 годъ, изд. Калуж. Губ. Стат. Ком., стр. 356 (*В. Дейлидовичъ*, Очеркъ сельск. хоз. въ Кал. губ.).

[4]) Н. *Смирновъ*, Экономическій бытъ крестьянъ Саратовск. и Кузнецк. уѣздовъ. М. 1884.

гулированіе глубины вспашки, для чего нужно только подвинчивать или развинчивать гайки [1]).

Сохи съ подобными желѣзными стержнями вмѣсто подвоевъ все болѣе и болѣе распространяются теперь въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества. Въ отличіе отъ старыхъ „подвойныхъ сохъ" ихъ называютъ то „винтовками" [2]), то „желѣзянками" [3]).

Въ Тамбовской, Воронежской и другихъ южно-великорусскихъ губерніяхъ нерѣдки въ наше время тазыв. *желѣзныя сохи*, весь остовъ (станокъ) которыхъ сдѣланъ изъ желѣза, а не изъ дерева. По своему устройству сохи эти весьма напоминаютъ только что описанную „оралку". Два желѣзныхъ, искривленныхъ вверху и внизу прута, круто скрѣплены одинъ съ другимъ двумя желѣзными же поперечинами и замѣняютъ сошную разсоху. Нижніе ихъ концы служатъ ральниками, а верхніе—рукоятками для пахаря. Вся желѣзная полица виситъ на особомъ кольцѣ, перекладываясь съ одного ральника на другой.

---

[1]) Описаніе „сохи-оралки" въ Сборникѣ статистическ. свѣдѣній по Уфимской губерніи", т. II, стр. 691—692.—Въ Стерлитамацкій у., Уфимской губ. такія сохи занесены тамбовскими переселенцами въ 1872—73 годахъ.

[2]) Въ Саратовскомъ у. (Н. *Смировъ*, стр. 42).

[3]) М

III. Соха-односторонка.

14. Переходъ отъ перекладной сохи къ односторонкѣ; пахота на полъ-омеша, на полтора и на оба омеша. 15. Простѣйшій видъ односторонки, такъ назыв. Литовская соха. 16. Соха съ брылой; сибирская колесуха; туринка; кунгурская соха. 17 Чертежъ или отрѣзъ. 18. Соха съ отрѣзомъ. 19. Соха съ двумя омешами на одной сторонѣ.

§ 14. (*Переходъ отъ перекладной сохи къ односторонкѣ*). Описанная нами въ предшествующей главѣ двуральная соха съ перекладной полицей стоитъ какъ бы на серединѣ между „черкающими“ (древнѣйшими) пахотными орудіями съ одной стороны и между „орющими“ (новѣйшими, плужнаго типа) съ другой, соединяя въ себѣ преимущества тѣхъ и другихъ. Перекладная соха и рыхлитъ почву, и вмѣстѣ съ тѣмъ отваливаетъ пластъ.

Однако двуральная перекладная соха ближе къ черкающимъ орудіямъ, нежели къ орудіямъ орющимъ; другими словами: ближе къ первобытному ралу, нежели къ современному плугу. Разрыхленіе и вспушеніе почвы достигается перекладною сохою, особенно „коловою“, почти неоставляющею послѣ себя комьевъ въ совершенной степени. На очень тяжелыхъ почвахъ она въ этомъ отношеніи даже прямо незамѣнима, почему и употребляется на такихъ почвахъ даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладающими пахотными орудіями являются плугъ и косуля (напр. въ Владимірской губ.). Мало того, самый переходъ отъ черкающаго орудія къ перекладной сохѣ и наоборотъ весьма легокъ: стóитъ только къ черкушѣ или къ цапулькѣ придѣлать полицу,—и получится, хотя и неособенно казистая, но все же самая настоящая перекладная соха; и наоборотъ: отнимите у перекладной сохи полицу —и вы получите обыкновеннѣйшую черкушу. Напротивъ, отъ орющихъ (плужнаго типа) орудій перекладная соха отстоитъ еще очень далеко. Отвалъ ея устроенъ такъ несовершенно, что объ опрокидываніи, оборачиваніи пласта не можетъ быть и рѣчи: достаточ-

но и того, что она не даетъ взрытой землѣ разсыпаться по обѣ стороны борозды, а осыпаетъ ее на одну сторону [1]). Кромѣ того, у перекладной сохи совсѣмъ нѣтъ рѣжущаго—точнѣе говоря: отрѣзывающаго—органа; омеши ея всегда болѣе или менѣе тупы, да они и расположены такъ, что если и подрѣзываютъ немного пластъ, такъ не столько съ боку, сколько съ низу (а чаще подъ угломъ, вслѣдствіе чего и получаются жолобовидныя или корытообразныя борозды, на которыхъ застаивается вода и хлѣбъ ростетъ неровный).

Эти недостатки перекладной сохи особенно чувствуются на новыхъ мѣстахъ, при вспашкѣ новой, старой залежи (залога) и вообще задернѣвшей почвы. Не менѣе чувствительны они и на старыхъ земляхъ при истощеніи почвы: необходимый въ такихъ случаяхъ навозъ перекладная соха заваливаетъ (точнѣе: засыпаетъ) слишкомъ недостаточно, почему онъ высыхаетъ и промывается дождями, обращаясь въ сухую солому.

Принявъ во вниманіе только что высказанныя соображенія, можно уже напередъ сказать, *гдѣ* перекладная соха должна была оказаться особенно несостоятельною и *гдѣ*, поэтому, должны были появиться настойчивыя попытки къ ея улучшенію, въ цѣляхъ сближенія ея устройства съ орющими орудіями. Естественно, что такою областью долженъ былъ оказаться сѣверъ Великороссіи, особенно же сѣверо-востокъ Европы, гдѣ почва малоплодородная много (было еще недавно) новыхъ мѣстъ и не такъ часты каменистыя почвы.

И дѣйствительно, на всемъ сѣверѣ и особенно на сѣверо-востокѣ Великороссіи мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ попытокъ сблизить „матушку-соху“ съ орудіями орющаго, плужнаго типа, улучшить ее прибавкою рѣжущихъ органовъ и усовершенствованіемъ отвала. Однѣ, древнѣйшія изъ этихъ попытокъ еще очень крѣпко держатся за взрыхляющую работу старой сохи, боятся потерять это ея преимущество,—почему эти попытки не смѣлы, творческій полетъ воображенія въ нихъ связанъ и слабъ. Дру-

[1]) Очень часто случается, что плохо устроенная полица дозволяетъ осыпаться землѣ и на невспаханное еще мѣсто; шабáлка зелени́тъ“,—говорится объ этомъ въ народѣ, такъ какъ на засыпанныхъ такимъ образомъ, безъ вспашки, полоскахъ остаются корни сорныхъ травъ,—зелени.

гія попытки гораздо смѣлѣе; онѣ совсѣмъ не боятся поступиться рыхлящею работою сохи, передавая эту работу особому орудію — „черкушѣ", и соха у нихъ, уже не двуральная, а однолемешная, превратилась въ настоящее орющее орудіе плужного типа. Плодомъ первыхъ попытокъ явился рядъ двуральныхъ сохъ-односторонокъ, плодомъ вторыхъ — однолемешныя косули и курашимки.

Первая попытка улучшить перекладную соху, придавъ ей нѣкоторыя преимущества орющихъ орудій плужнаго типа касается исключительно самаго способа пахоты, не сопровождаясь рѣшительно никакими перемѣнами въ самомъ ея устройствѣ. Самая полица остается здѣсь еще перекладною, почему мы и имѣемъ пока дѣло еще не съ сохою-односторонкой, а только съ переходною ступенью къ этому послѣднему типу.

Перекладной сохѣ, какъ мы говорили выше, не достаетъ рѣжущаго органа, который бы отрѣзывалъ пластъ земли сбоку. Между тѣмъ, у ней два омеша, расположенныхъ другъ къ другу подъ тупымъ угломъ (т. е. жолобомъ), Не измѣняя совсѣмъ такой установки омешей, легко однако же сдѣлать такъ, что одинъ изъ нихъ будетъ стоять ребромъ, а другой лежать пластью. Для этого требуется только ту разсоху, на которой укрѣплены эти лемеши, наклонить на тотъ или иной бокъ: склоняя разсоху вправо, мы правый омешъ положимъ пластью (горизонтально), а лѣвый поставимъ на ребро (вертикально); наоборотъ, наклонивъ разсоху влѣво, мы лѣвый омешъ положимъ пластью, а правый поставимъ на ребро. Легко представить себѣ и рядъ промежуточныхъ положеній обоихъ лемешей, въ зависимости отъ того, какъ великъ мы дѣлаемъ наклонъ разсохи въ ту или иную сторону, и отъ того еще, подъ какимъ угломъ другъ къ другу насажены омеши на разсоху. Въ народномъ языкѣ существуютъ и особыя названія для того или иного положенія омешей при пахотѣ, „Пахать) (или: брать) *на оба омеша*",—это значитъ: держать разсоху прямо, такъ что оба омеша сохраняютъ свое нормальное положеніе, оставаясь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были насажены на разсоху. Въ такомъ случаѣ ширина отваливаемаго пласта и ширина борозды будетъ равна ширинѣ обоихъ омешей; это будетъ, такимъ образомъ „широкая или рѣдкая вспашка". *Пахать* или брать *на одинъ омешъ*",—это значитъ: пахать, наклонивъ разсоху на бокъ въ такой степени, что одинъ изъ омешей становится на ребро, а другой лежитъ пластью. Первый омешъ здѣсь уже не

подрѣзываетъ и не отрываетъ земли, а только отрѣзываетъ ее сбоку. Ширина пласта и ширина борозды здѣсь, такимъ образомъ, будетъ равною ширинѣ только одного омеша. Борозды, значитъ, будутъ почти [1]) въ два раза уже, а значитъ и въ два раза *чаще*, чѣмъ при вспашкѣ на оба омеша. Это будетъ такъ назыв. „частая вспашка". Таковы двѣ крайнія степени. Между ними возможны посредствующія ступени. Самая обычная — пахарь „беретъ на полтара омеша". Это значитъ, что наклонъ разсохи дѣлается неособенно великъ, и омешъ не становится на ребро, а только стоитъ немного прямѣе обычнаго и нѣсколько приближается къ вертикальному положенію. Это будетъ „средняя вспашка"; ширина пласта при ней равна не всей ширинѣ омешей, а только ширинѣ одного цѣлаго омеша + (плюсъ) половинѣ ширины другого омеша.

Такія измѣненія въ ширинѣ вспахиваемаго пласта, при помощи наклона разсохи на-бокъ, встрѣчаются вездѣ, гдѣ только извѣстны перекладныя сохи. Зависятъ они всецѣло отъ личности пахаря. Захочетъ пахарь лучше взрыхлить и вспушить землю, и онъ будетъ „брать на полъ-омеша", дѣлая на каждой сажени пашни десять или даже болѣе бороздъ; захочетъ вспахать поскорѣе— и будетъ „брать на оба лемеша", дѣлая на томъ же пространствѣ пашни не болѣе шести—семи бороздъ. При обычныхъ „перовыхъ" (т. е. широкихъ вверху, а не „коловыхъ") ральникахъ это тѣмъ необходимѣе, что иначе (въ виду того, что первый сошникъ въ своей верхней части по крайней мѣрѣ въ два раза шире, нежели въ нижней части) пашня сверху будетъ производить впечатлѣніе вспаханной сплошь, а чуточку пониже будутъ всюду невспаханные гребни (т. наз. огрѣхи), только сверху засыпанные рыхлой землей.—Главной цѣлью самой насадки омешей на разсоху подъ тупымъ угломъ, насадки общераспространенной, служитъ именно возможность пахать, когда нужно, на одинъ омешъ или на полтора омеша [2]). При горизонтальномъ положеніи омешей такой возможности не существуетъ.

---

[1]) Именно *почти*, такъ какъ ширина *постановленныхъ подъ угломъ* другъ къ другу двухъ омешей не въ 2 раза больше ширины каждаго отдѣльнаго омеша, а только въ $1^3/_4$ раза.

[2]) Въ литературѣ мы встрѣтили указаніе на различіе вспашки въ указанномъ отношеніи у *Вас. Преображенскаго* Описаніе Тверской губ. въ сельскохозяйственномъ отношеніи (Спб. 1854, стр. 239), и

Изъ сказаннаго вотекаютъ, между прочимъ, слѣдующіе выводы: 1) перекладная соха даетъ широкій просторъ пахарю пахать по его личному усмотрѣнію: широко или узко (часто или рѣдко) и является, такимъ образомъ, орудіемъ, легко приспособляемымъ къ самымъ разнообразнымъ условіямъ; но пахать ею очень не легко: если вообще ее приходится пахарю держать всегда „на вѣсу", такъ какъ она не имѣетъ подошвы и точкою опоры для нея служатъ острые концы омешей,—то при болѣе тщательной (частой) вспашкѣ, когда пахарь „беретъ на полъ-омеша", этого еще мало: здѣсь пахарю приходится еще держать все время соху въ одиноковомъ наклонномъ положеніи.

Теперь для насъ понятнѣе будетъ и старая русская поговорка: „пашню пашутъ—руками не машутъ".

§ 15. (*Простѣйшій видъ сохи-односторонки*). Только что описанный нами способъ пахоты соединяетъ въ себѣ съ наличностью отрѣзывающаго пластъ сбоку органа (которымъ здѣсъ служитъ любой изъ омешей, поставленный на ребро) преимущества перекладной сохи (т. е. возможность пахать взадъ-впередъ, что такъ важно на обычныхъ у нашихъ малоземельныхъ крестьянъ узкихъ и мелкихъ полосахъ, гдѣ плугу „и заворотиться негдѣ", а также на косогорахъ) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняетъ возможность измѣнять ширину пласта, беря то на полъ-омеша, то на оба или на полтора омеша. Въ этомъ преимущества описаннаго способа пахоты, появленіе котораго можно относить къ тому отдаленному времени, когда впервые стали устанавливать ральники сохи подъ тупымъ угломъ.

Д. Реутовича: Хозяйство Жмуди (Библ. для Чтенія, 1852 г., томъ 114, отд. IV, стр. 4). У жмудской сохи имѣется и маленькое приспособленіе для удобнѣшаго держанія сохи пахаремъ на-косо: у ней не двѣ рукоятки, а три; кромѣ обычныхъ двухъ (концовъ рогаля), рукояткою же, продольною, служитъ верхняя часть разсохи, выдавшаяся поверхъ рогаля и соотвѣтственнымъ образомъ обтесанная. Пахарь всегда держитъ соху за эту продольную рукоятку и за тотъ конецъ рогаля, который находится на сторонѣ наклона разсохи въ данную минуту. Жмудинъ пашетъ въ полъ-омеша на тяжелыхъ почвахъ, а также тамъ, гдѣ нужно пахать глубже.

Неудобства описаннаго способа пахоты очевиды. Тяжесть работы для пахаря увеличивается почти вдвое. Борозды получаются слишкомъ узкими, вслѣдствіе чего пахота идетъ очень медленно.

Избѣжать этихъ неудобствъ старается вторая попытка на пути къ переходу отъ сохи къ плугу, Въ ней омеши разъ навсегда укрѣпляются въ разсохѣ такъ, что одинъ изъ нихъ стоитъ ребромъ, а другой лежитъ пластью (горизонтально). Пахарю, значитъ, не для чего уже наклонять соху на бокъ. Но за то нельзя уже и пахать взадъ-впередъ, перекладывая полицу съ омеша на омешъ и черезъ то отваливая пластъ то на ту, то на другую сторону. Полица здѣсь установлена неподвижно на одномъ изъ омешей [1]), и здѣсь, такимъ образомъ, мы впервые встрѣчаемся съ „сохой-односторонкой", т. е. отваливающей пластъ земли только на одну сторону [2]).

Такая соха употребляется, напримѣръ въ Рузскомъ, а отчасти и въ Волоколамскомъ и Дмитровскомъ уѣздахъ Московской губерніи. Изъ краткаго описанія ея *В. Бажаевымъ* [3]) мы, къ сожалѣнію, не узнаемъ, который именно сошникъ ея „установленъ горизонтально и соотвѣтствуетъ лемеху плуга" и который — „подъ извѣстнымъ угломъ и играетъ роль ножа". Но думаемъ, что подъ угломъ поставленъ лѣвый сошникъ и что къ нему же прикрѣплена неподвижно и полица.

Изъ другихъ особенностей этой московской сохи-односторонки отмѣтимъ, что она имѣетъ сбоку разсохи небольшое деревянное крыло („отросточекъ" В. Бажаева, а по-мѣстному: перо), помогающее отваливанію пласта. Обжи неподвижно укрѣплены въ рогалѣ (въ чемъ В. Бажаевъ усматриваетъ разницу отъ обычной мѣстной сохи).

---

[1]) Почти всегда на лѣвомъ; во всякомъ случаѣ на томъ, который стоитъ ребромъ.

[2]) Въ народѣ всѣ „сохи-односторонки" (терминъ, собственно, книжный, научный) называются „косулями", подъ какимъ именемъ слыветъ и описываемая соха въ Московской губерніи.

[3]) Очеркъ крестьянскаго сельск. хозяйства въ Московской губ. (М. 1892), стр. 74. У удѣльныхъ крестьянъ Московск. губ. такія сохи обычны были еще въ самомъ началѣ XIX вѣка, но употреблялись рядомъ и вмѣстѣ съ перекладными сохами (Обозр. сел. хоз. удѣльн. имѣній въ 1832—33 г.). Авторъ очень удачно называетъ ихъ „сохами на одинъ сошникъ", а перекладныя — „на два сошника". — Эти же сохи обычны въ Тверской губ. и въ Бѣлоруссіи.

Кстати здѣсь замѣтимъ, что упомянутое сейчасъ крыло (выступъ или досочка, прибитая на правомъ боку разсохи; по народной терминологіи: перышко, окрылокъ, кичига) составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей сохи-односторонки вообще. У перекладныхъ сохъ ея не бываетъ; единственное исключеніе — череповская соха (см. § 55), у которой имѣется маленькая „кичижка", также перекладная.

Сохи съ подобною же установкою омешей употребляются еще въ Тотемскомъ у. Вологодск. губ., но не какъ правило, а какъ исключеніе [1]).

Къ этому же самому типу сохъ-односторонокъ принадлежитъ и прославленная въ нашей сельско-хозяйственной литературѣ такъ называемая „Литовская соха". Отличія же этой сохи отъ обыкновенныхъ русскихъ сохъ заключаются не въ ральникахъ и не въ ихъ установкѣ, а въ сошномъ корпусѣ. (См. черт. № 19).

Самою большою (массивною) частью остова т. наз. Литовской сохи является „рогачъ" (рогаль), который не только служитъ рукоятками для пахаря, но и замѣняетъ для сохи оглобли. Рогачъ представляетъ собою длинную ($5^1/_2$ арш. дл.) жердь съ двумя поднятыми кверху кривыми рогами на заднемъ концѣ этой жерди. Къ рогамъ этимъ (они въ 1 арш. длины) придѣланы ручки, причемъ отъ лѣвой ручки идетъ книзу, почти къ серединѣ жерди (дышла) деревянный стужень (стержень). Къ переднему концу жерди рогача прикрѣпляется ярмо для запряжки воловъ, а къ заднему концу (въ мѣстѣ соединенія развѣтвляющихся кверху роговъ) снизу вдолблена сошная разсоха, на раздвоенные концы которой насаживаются два ральника. Подвои (они связываютъ нижнюю часть разсохи съ серединою дышла) веревочные или ременные, только они окружаютъ не самую разсоху, а особую деревянную подставку, приложенную къ разсохѣ снизу и сбоку.

Регулированіе глубины вспашки происходитъ самымъ обычнымъ въ русской сохѣ способомъ: въ отверстіе рогача, куда вставляется верхъ сошной разсохи, вбиваются клинья; въ зависимости

[1]) *П. Загорскій*, Первый шагъ и т. д., стр. 73. — *П. Преображенскій* (Общепонятн. руков. III, 149 и 150) приписываетъ „вертикальную установку" лѣваго омеша также „вятской" сохѣ, но это совершенно невѣрно: у нея омеши устанавливаются горизонтально, только перо лѣваго загнуто кверху. (См. § 16).

отъ того, съ которой стороны клинья вбить, уголъ между разсохою и дышломъ (жердью рогача) то уменьшается (тогда ральники идутъ положе и пашутъ мельче), то увеличивается (причемъ ральники идутъ прямѣе, круче, и пашутъ глубже).—Для той же цѣли служатъ и клинья, вбиваемыя между дышломъ и подвоями.

Сошники—какъ и вся соха—отличаются своею величиною: длиною каждый по $11^1/_2$ вершк. (изъ которыхъ $3^1/_2$ в. приходится на трубицу); лѣвый ральникъ шире праваго на 1 вершокъ: ширина перваго (въ верхней части) $3^1/_2$ в., второго—$2^1/_2$. Установка ральниковъ та же самая, какую мы только что видѣли въ московской сохѣ: правый ральникъ поставленъ плоско (горизонтально) къ землѣ, а лѣвый—подъ тупымъ угломъ (107° въ переднемъ концѣ ральниковъ и 126° въ заднемъ) къ первому.

Для отваливанія пласта служатъ два прямые полукруглые бруса, изъ которыхъ одинъ прикрѣпленъ къ лѣвому ральнику и подымаетъ пластъ, другой—къ правому и переворачиваетъ его.

Какъ видимъ, рѣшительно ничего новаго по сравненію съ обыкновенной русской сохой здѣсь нѣтъ. Это просто-на-просто большая соха, предназначенная главнымъ образомъ для подъема новей, особенно изъ-подъ зарослей. Самое названіе ея [1]), довольно прочно установившееся въ нашей сельско-хозяйственной литературѣ, подобно многимъ другимъ географическимъ названіямъ русскихъ сохъ, неособенно точно. Для Литвы эта соха не совсѣмъ характерна, такъ какъ въ бо́льшей части Литвы употребляются совсѣмъ другія сохи, и напримѣръ *Реутовичъ* считаетъ одноральную перекладную соху болѣе харантерною для Литвы (см. § 46). Съ другой стороороны, та же самая соха употребительна и у русскихъ, наприм. въ Волынской губ. Вотъ почему мы хотѣли бы предложить для этой громоздкой сохи названіе *„польсской сохи“*, такъ какъ она вообще употребляется въ полѣсьяхъ юго-западнаго края.

Нельзя не отмѣтить, что описанная „литовская соха“ употребительна и въ германской Пруссіи подъ именемъ „стагуты“ или „зо́хе“ (срв. § 30).

[1]) Подъ именемъ „Литовской сохи“ она впервые подробно была описана *Б. Михельсономъ* въ 1849 г. (Журн. Мин. Госуд. Имущ., ч. 30, стр. 141—147). Описанная Михельсономъ соха употреблялась въ Рѣчицкомъ уѣздѣ Минской губерніи).

§ 16. (*Соха съ брылой; сибирская колесуха; туринка и кунгурская соха*). Недостатокъ только что описаннаго, Московскаго и бѣлорусскаго, вида сохи-односторонки въ томъ, что отваливаемые ею пласты слишкомъ узки. Ширина ихъ равна ширинѣ только одного омеша. Другой омешъ (поставленный на ребро) совсѣмъ пропадаетъ для ширины пласта, служа только для отрѣзыванія его (пласта) сбоку.

Устранить этотъ недостатокъ, приспособить и лѣвый омешъ для пахоты (т. е. для подрѣзыванія пласта снизу), не лишая однако же его отрѣзывающей способности,—эту цѣль преслѣдуетъ дальнѣйшая попытка усовершенствованія сохи-односторонки, плодомъ коей явились такъ называемыя „сохи съ брылой“ или „сохи съ рѣзцомъ“.

Ральники этой сохи устанавливаются въ одной горизонтальной плоскости, т. е. оба лежатъ пластью. Оба они достаточно широки (всегда съ „перомъ“, т. е. не коловые, какъ то, впрочемъ, и у прежде описанныхъ нами видовъ односторонки), но лѣвый изъ нихъ чаще бываетъ шире другого. „Перо“ или лѣвый край этого лѣваго омеша загибается вверхъ подъ прямымъ или, чаще, почти подъ прямымъ (нѣсколько тупѣе прямого) угломъ, что́ и называется „брылой“ или „рѣзцомъ“. „Брыла“ эта играетъ роль отрѣза, т. е. отрѣзываетъ пластъ сбоку. Правый же ральникъ, равно какъ и другая половина лѣваго, подрѣзываютъ пластъ снизу.

Въ Приуральи и въ Сибири лѣвый ральникъ такой сохи, т. е. ральникъ съ брылой, называютъ „мужичкомъ“ (у громадныхъ сибирскихъ колесухъ и „мужикомъ“), а правый ральникъ, который меньше другого и плоскій,—„женкой“, „женочкой“, „бабой“.

Неподвижная полица укрѣпляется всегда къ „мужичку“; нижняя часть ея лопасти ставится въ уголъ, образуемый „брылой“ „мужичка“ къ плоскости этого ральника.

„Соха съ брылой“ представляетъ собою очень распространенный видъ одностороннихъ сохъ, причемъ видъ этотъ продолжаетъ завоевывать себѣ новыя области для распространенія даже и въ наши дни; по крайней мѣрѣ, въ самое недавнее время. На сѣверо-востокѣ Европы это—самая распространенная соха; отсюда она была занесена въ Сибирь, гдѣ и по-днесь господствуетъ. На западѣ „соха съ брылой“ встрѣчается въ Тверской губерніи.

Древнѣйшее описаніе этого вида русской сохи принадлежитъ *П. Рычкову* и напечатано имъ въ 1758 году въ „Письмѣ о земле-

дѣльствѣ въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ" [1]). Авторъ подробно и хорошо описываетъ „соху съ брылой" въ томъ видѣ, въ какомъ она употреблялась тогда преимущественно у вотяковъ Казанской губерніи; русскіе же, по словамъ П. Рычкова, пашутъ преимущественно обыкновенными (т. е. перекладными) сохами. По сравненію съ теперешними „сохами съ брылой" описанная Рычковымъ соха не представляетъ рѣшительно никакихъ отличій, исключая развѣ только ея распространенія (теперь она преимущественно у русскихъ, а не у вотяковъ). Самое названіе этой сохи „косуля", подъ которымъ его описываетъ Рычковъ, сохранилось до сихъ поръ въ народѣ: народъ называетъ „косулями" всѣ сохи-односторонки, въ томъ числѣ и „соху съ брылой."

Разсматриваемый видъ сохи-односторонки очень часто называютъ еще „*Вятскою сохою*" [2]). Названіе это согласно съ дѣйствительностью въ томъ отношеніи, что „сохи съ брылой" сильно распространены на Вяткѣ и какихъ-либо другихъ двуральныхъ сохъ здѣсь почти нѣтъ. Однако областью Вятскаго края распространеніе описываемой сохи отнюдь не исчерпывается, равно какъ нѣтъ никакихъ основаній и считать Вятскую губернію первоначальною родиною „сохъ съ брылою" или центромъ, откуда онѣ распространились въ другихъ мѣстностяхъ. Вотъ почему мы лично противъ такого, географическаго, названія „сохи съ брылой". И это тѣмъ болѣе, что употребляемая въ Вятской губ. соха съ брылой отличается отъ другихъ подобныхъ сохъ наличностью такъ называемаго „крыла" или „открылка", т. е. деревянной доски, прибитой къ правому боку разсохи и служащей для лучшаго отваливанія пласта. (См. черт. № 20 и 21).

Отвергая это, равно какъ и другія подобныя названія, мы стоимъ за названіе; „соха съ брылой", которое, по крайней мѣрѣ, хорошо подчеркиваемъ самую отличительную черту даннаго вида сохи—загибъ пера у сошника кверху, нѣсколько напоминающій „брылу", т. е. отвислую губу у человѣка.

---

[1]) Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія, 1758 года, май, стр. 436.

[2]) Наприм., Записки Имп. Казанск. Эконом. Общ. 1859 г., VI, ч. I, № 4, стр. 134 (ст. *Н. Барановскаго*), а также въ разныхъ энциклопедіяхъ и т. п.

Чтобы покончить съ географическимъ распространеніемъ этой сохи, скажемъ еще, что она очень обычна въ Вологодской губерніи [1]),—всюду, гдѣ только ее еще не вытѣснили косули или другія болѣе усовершенствованныя сохи; въ Пермской губ. [2]), гдѣ только ее не вытѣснили курашимки; въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ [3]) и въ Сибири, о которой рѣчь будетъ ниже.

Гильденштедтъ описалъ [4]) въ 1768 году одинъ видъ Нѣжинской сохи, названный у него „косиною сохою" (въ отличіе отъ „ральной"), который мы склонны считать за соху съ брылой. Правда, ученый путешественникъ не говоритъ прямо о брылѣ нѣжинской сохи, но онъ отмѣчаетъ, что „у лѣваго сошника имѣется вырѣзъ для укрѣпленія полицы", въ чемъ отличіе этого сошника, такъ называемаго здѣсь „рѣзца", отъ лѣваго—„лежня" (эти мѣстныя названія приведены у Гильденштедта, хотя, по обыкновенію, въ искаженномъ видѣ). Если же принять во вниманіе, что брыла нашей сохи часто представляетъ собою „мало замѣтный при поверхностномъ обзорѣ выступъ" [5]),—то весьма легко будетъ предположить, что ученый нѣмецъ принялъ „брылу" за простой вырѣзъ для укрѣпленія полицы. (Что уголъ сошной брылы служитъ вообще для укрѣпленія полицы, о томъ мы говорили выше). Иначе совсѣмъ неясно, почему описанная Гильденштедтомъ „косиная соха"—односторонка, а „ральная"—перекладная, такъ какъ никакой другой разницы въ устройствѣ ихъ нѣтъ. Неясно будетъ также и то, почему лѣвый сошникъ „косиной сохи" зовется „рѣзцомъ", а правый—„лежнемъ".

Возможное же предположеніе, что „косиная соха" Гильденштедта представляетъ собою обычную двуральную соху съ поставленнымъ на ребро (насаженнымъ вертикально) лѣвымъ сошникомъ (см. § 15), исключается, во-первыхъ, тѣмъ, что у сохи послѣдняго рода нѣтъ совсѣмъ надобности въ особомъ вырѣзѣ въ углу

1) *Эд. Лоде*, Хозяйств. обозр. Волог. губ. (Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1843., ч. VII, отд. II, стр. 181). *П. Загорскій*, Первый шагъ и т. д., стр. 74. Срв. также ниже §.

2) Хозяйственное опис. Пермск. губ. 1813 г., ч. II, стр. 73.

3) *В. Черемшанскій*, Опис. Оренб. губ., стр. 300—301.

4) Путешествіе, т. II, стр. 491—492.

5) Такъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству *П. Загорскаго*, Первый шагъ и т. д. стр. 74.

сошника для укрѣпленія полицы, такъ какъ полица можетъ тутъ прекрасно держаться и безъ такого вырѣза; во-вторыхъ, наблюдательный путешественникъ непремѣнно замѣтилъ бы такую разницу въ установкѣ сошниковъ, разницу, которая не бросается въ глаза развѣ только слѣпому.

Одна изъ отличительныхъ особенностей разсмотрѣннаго вида сохи состоитъ въ томъ, что омеши въ ней устанавливаются совершенно горизонтально, т. е. лежатъ на землѣ пластью. Въ виду этого описанная соха съ брылой устойчивѣе другихъ видовъ сохи; точкою опоры для нея служатъ не острые концы омешей, а самая ихъ плоскость. Иногда, для удобнѣйшей насадки омешей и для бо́льшей устойчивости сохи, самая разсоха выбирается съ "ножкой" или „пятой", т. е. въ самой своей нижней оконечности не выгнута, а оканчивается прямо лежащимъ колѣномъ, на которомъ соха и стоитъ. Здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ уже зачаточный „полозъ" или подошву сохи.

Но такая „пята" — еще не общее явленіе для „сохи съ брылой". Бо́льшее развитіе получила она у такъ называемой „курашимки" (§ 27), гдѣ мы ее и разсмотримъ, тѣмъ болѣе что для курашимки „пята́" служитъ необходимымъ признакомъ. — Теперь же мы остановимся еще на сибирскихъ сохахъ съ брылой.

Въ Сибири перекладныя сохи извѣстны только у позднѣйшихъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи. Коренные же сибиряки пользуются лишь сохами-односторонками и больше всего — „сохою съ брылой." Отсюда, кстати замѣтить, можно съ большею достовѣрностью заключать, что во времена перваго знакомства русскихъ съ Сибирью соха съ брылой была уже распространена на сѣверо-востокѣ Европы: первые переселенцы, видимо, принесли *ее* съ собою въ Сибирь.

Въ Сибири русскимъ пришлось и теперь еще приходится поднимать новыя, крайне твердыя, степныя и лѣсныя почвы. Для лучшаго приспособленія къ такимъ почвамъ соха съ брылой прежде всего увеличивалась въ размѣрахъ; въ дальнѣйшемъ же она приспособлялась для парной (или даже четверной) запряжки и снабжалась передкомъ на колесахъ. Тутъ сказалось и сильное вліяніе татарскаго сабана (плуга), который давно уже, видимо, былъ въ употребленіи у нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ Пріуралья и Сибири. Плодомъ этого вліянія въ Сибири появились, рядомъ съ прежними двуральными сохами, однолемешные сабаны

а сошной отвалъ и сошная пята получили весьма значительное развитіе.

Но объ этихъ нововведеніяхъ въ сибирской сохѣ мы скажемъ ниже, когда будетъ рѣчь о курашимкахъ и сабанахъ (§§ 27). Теперь же мы опишемъ обыкновенную сибирскую „колесуху“, которая есть ничто иное, какъ громадная соха съ брылой, снабженная передкомъ на колесахъ.

Разсоха у сибирской „колесухи“ или „колесянки“ обыкновенно бываетъ съ „ножкой“ или „пятой“, т. е. нижній конецъ ея образуетъ собою колѣно (8—12 вершк. длин.), находящееся по отношенію къ прочей части разсохи подъ угломъ въ 135—140°. На это колѣно надѣваются ральники. На верхъ разсохи надѣвается обычный рогаль съ ручками для пахаря. Въ самую же разсоху, немного выше того угла, отъ котораго начинается „ножка“, вдѣлывается грядиль (мѣстныя названія: „стрѣла“, „кобякъ“), т. е. жердь длины въ 2—$^1/_2$ арш., а въ поперечникѣ отъ 2 до $2^1/_2$ вершк. Для большей устойчивости „стрѣла“ скрѣпляется съ ножкой разсохи еще особой распоркой или брускомъ (такъ назыв. подстрѣлокъ или кривулька). Черезъ удлиненіе и укорачиваніе этой распорки регулируютъ глубину вспашки. Въ недавнее время деревянный подстрѣлокъ стали замѣнять желѣзнымъ стержнемъ съ винтовымъ нарѣзомъ и гайкой на верху.

Передній конецъ стрѣлы привязывается къ оси (2 арш. длин.), на которую надѣваются колеса; изрѣдка лѣвое колесо, идущее по цѣлизнѣ, бываетъ ниже праваго, идущаго бороздою. Удлиняя или укорачивая разстояніе между разсохой и осью (передкомъ), можно опять-таки регулировать глубину вспашки. Для этого ось привязываютъ къ стрѣлѣ то ближе къ переднему концу послѣдней, то дальше отъ него: чѣмъ длиннѣе стрѣла, тѣмъ круче стоятъ ральники и тѣтъ глубже вспашка.

Ширину пласта и борозды также можно нѣсколько регулировать, но въ слабой степени. Для этого вбиваютъ клинья въ то отверстіе разсохи, въ которое вставлена стрѣла. Вбивая клинья вправо или влѣво, отодвигаютъ тѣмъ самымъ и ральники въ ту или иную сторону.

Лѣвая оглобля не надѣвается, подобно правой, между колесомъ и чекою оси передка, а вдѣлывается въ самую ось приблизительно на серединѣ между лѣвымъ колесомъ и точкою скрѣпленія оси со стрѣлою. Ральники, благодаря этому, лежатъ не про-

тивъ середины оси, а гораздо лѣвѣе этой середины. Такимъ путемъ достигается то, что лошадь въ оглобляхъ легко можетъ идти послѣднею бороздою, проводя, однако же, новую борозду рядомъ съ предшествующею, безъ всякихъ „огрѣховъ".

Вмѣсто чекъ, въ концы оси передка всаживаются длинные прутья, верхніе концы которыхъ соединены между собою такимъ же прутомъ. Это такъ называемая „возжанка"; на ней, при пахотѣ, лежатъ возжи.

Ральники устанавливаются въ одной плоскости; длиною они 7—9вершк., шириною 5—6. Перо лѣваго („мужичка") загнуто кверху. Отваломъ служитъ деревянная доска длиною отъ 1—1½ арш., а шириною вершк. 8; она обыкновенно плоская и укрѣпляется у загнутаго пера „мужичка" подъ угломъ къ ральникамъ въ 130—140°.

Для пахоты на такой колесухѣ необходимо не менѣе 2 лошадей; нерѣдко пашутъ и на 3-хъ, на 4-хъ. Средняя стоимость такой сохи въ Сибири 7—10 рублей.

Описанная „колесуха"—самое типичное теперь для Сибири пахотное орудіе. Но оно далеко не древнѣйшее здѣсь, а только въ XIX вѣкѣ постепенно вытѣсняетъ старую „рогалюху" (т. е. соху безъ передка), причемъ процессъ этого вытѣсненія не закончился и до нашихъ дней. „Рогалюха" же ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ обыкновенной „сохи съ брылою"; пашутъ ею на одной лошади.

Въ качествѣ разновидности сибирской сохи можно отмѣтить „туринку", т. е. соху Туринскаго округа Тобольской губ. Единственное отличіе ея отъ общаго типа въ отсутствіи отвала. Роль послѣдняго играетъ здѣсь „выдолбленное въ разсохѣ, надъ мѣстомъ прикрѣпленія сошника, сферическое углубленіе, направляющее и заворачивающее отрѣзываемый сошникомъ пластъ въ лѣвую сторону" [1]); на правомъ боку разсохи у туринки „крыло", нѣсколько искривленное впередъ; оно помогаетъ переворачиванію пласта.

Посредствующей ступенью между европейскою „сохою съ брылой" съ одной стороны и сибирскою двуральною „колесухой" съ другой можно признать „кунгурскую соху" [2]). Въ литерату-

[1]) *А. Кауфманнъ* (Матер. для изслѣдов. эконом. быта госуд. кр. Зап. Сиб. IX, 209).

[2]) Которую необходимо отличать отъ „кунгурскаго сабана" или „кунгурки (синонимы курашимки).

рѣ имѣется единственное подробное описаніе этой сохи, въ книгѣ *Г. Фирстова* [1]). Послѣдній же наблюдалъ соху эту не на ея родинѣ, въ Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губ., а въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губ.

Отличія эти „кунгурской сохи" отъ обыкновенной сохи съ брылой крайне не существенны. Форма ральниковъ обычная, только „брыла" или загибъ лѣваго ральника больше ($2^1/_2$ вершка вышиною) и стоитъ всегда вертикально къ плоскости ральниковъ, лежащихъ совершенно горизонтально. Лѣвый сошникъ шире другого: его перо 5 вершк. въ ширину, а перо праваго $3^3/_4$ в.; длина каждаго, считая съ трубицей, 8 вершковъ. Отваломъ служитъ деревянная доска въ 1 аршинъ дл. и въ $5^1/_2$ вершк. шир. Переднимъ своимъ концомъ она упирается въ загибъ лѣваго сошника, образуя съ нимъ весьма открытый уголъ, а съ поверхностью сошниковъ—прямой уголъ. Задній же конецъ отвала касается праваго бока разсохи и нѣсколько выходитъ за него. Къ разсохѣ и деревянному стужню сохи отвалъ прибивается желѣзными гвоздями.

Въ виду поразительнаго сходства этой „кунгурской сохи" съ описанною выше сибирской колесухой (отличающейся только наличностью передка), можно спросить: не сибирское ли это видоизмѣненіе европейской сохи, только вновь возвратившееся въ Европу и прошедшее черезъ руки кунгурскихъ кузнецовъ?

Кунгурскую двуральную соху знаетъ также *В. Черемшанскій* [2]); онъ укзываетъ еще на одно ея отличіе, касающееся ея запряжки: обѣ ея оглобли выгнуты, а концы ихъ соединены „вязовкой", т. е. вязовымъ прутомъ. Бываетъ де такая соха и съ однимъ омешомъ,—въ чемъ опять сходство съ сибирской колесухой.

§ 17. (*Чертежъ или отрѣзъ*). Дальнѣйшая попытка къ усовершенствованію сохи-односторонки отличается отъ всѣхъ прочихъ попытокъ раздвоеніемъ сохи на два отдѣльныхъ и самостоятельныхъ орудія: чертежъ и собственно соху. Тотъ „рѣзецъ", которымъ служила въ предшествующемъ видѣ сохи „брыла" или загибъ пера лѣваго сошника, здѣсь выдѣленъ въ самостоятельное орудіе—

---

[1]) Земледѣльческія орудія восточной полосы Россіи, стр. 99.

[2]) Опис. Оренбургск. губерн., стр. 301.

„чертежъ“ (или: чертецъ, разрѣзъ, рѣзецъ, а встарину: отрѣзъ). Соха, такимъ образомъ, осталась безъ „брылы“, т. е. стала опять самою простою, обыкновенною сохою. И дѣйствительно, съ чертежомъ употребляются часто даже перекладныя сохи (если, разумѣется, онѣ въ данной мѣстности сохранились).

Чертежъ имѣетъ видъ обыкновенной сохи, только вмѣсто разсохи у него простая лапа—крѣпкій, почти прямой брусокъ безъ радвоеннаго конца. Рогаль и оглобля—обыкновенныя сошныя. На нижній конецъ лапы надѣвается (см. черт. № 22 и 23) желѣзный треугольный ножъ (такъ назыв. „отрѣзъ“ или „рѣзъ“), остріемъ впередъ. Очень часто такимъ „рѣзомъ“ служитъ обыкновенный сошной ральникъ (отъ сохи-односторонки—лѣвый), только насаженный не пластью, а остріемъ впередъ. Иногда же „рѣзъ“ напоминаетъ собою ножъ (рѣзакъ) косули или плуга.

Чертежомъ разрѣзываютъ твердую землю—сильно задернѣвшій залогъ, лѣсную подсѣку съ сохранившимися, послѣ выкорчевки, корнями деревьевъ и т. п. Непосредственно вслѣдъ за чертежомъ, по тому же самому направленію слѣдуетъ пахарь съ сохою. Проведенная чертежомъ линія въ которой корни травъ или деревьевъ, вмѣстѣ съ землею, перерѣзаны на 2—4 вершка глубиною, помогаетъ сохѣ отваливать пластъ. Самая непрочная и неказистая соха легко справляется въ такомъ случаѣ со своею работою (гдѣ, такъ сказать, „разжовано и въ ротъ положено“) и никогда не сломается отъ напора древесныхъ корней, что̀ такъ легко на лѣсныхъ подсѣкахъ при вспашкѣ сохой безъ чертежа.

Описанный чертежъ, до появленія косуль съ отрѣзами, былъ въ очень широкомъ употребленіи на всемъ сѣверѣ Великороссіи. Въ настоящее время косули въ значительной степени его вытѣснили, но далеко не совсѣмъ. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губ., въ уѣздѣ, только одна половина котораго—лѣсная, а другая—безлѣсная, при подворной переписи 1889—90 г.г. было насчитано 838 штукъ чертежей [1]), На всемъ прочемъ пространствѣ громадной Вятской губ. чертежи также въ большомъ употребленіи [2]).

Въ началѣ XIX вѣка чертежи были въ большомъ употребленіи въ заволжскихъ и закамскихъ мѣстностяхъ Казанской и Нижегород-

---

[1]) Матеріалы по статист. Вятск. губ., т. IX, ч. I, стр. 93.

[2]) *Н. Романовъ*, Краткіе очерки уѣздовъ Вятск. губ., стр. 13; Матер. по стат., т. I, стр. 64.

ской губерній. „За Волгой и особенно за Камой“, — свидѣтельствуетъ современникъ: „гдѣ земли меньше разработаны, паръ „прорѣзываютъ“ сначала „рѣзцомъ“, а потомъ пашутъ сохой; совокупное употребленіе этихъ двухъ орудій... составляетъ несовершенную плужную пашню „(Обозр. сельск. хоз. удѣльн. имѣній въ 1832—33 г.г.“, стр. 69. — *Двигуб ній*, въ своемъ „Лексиконѣ городского и сельск. хозяйства“ (томъ XI, стр. 29, прим.), очень неудачно смѣшиваетъ такой „рѣзецъ“ съ малорусскимъ раломъ: это совершенно различныя орудія).

Лифляндскій помѣщикъ изъ Гакгофа, *Р. Вангерінеймъ* описалъ въ 1769 году [1]) лифляндскую „разрѣзную соху“ или „соху, употребляемую къ разсѣканію кореньевъ и ко спахиванію новой земли“. Это — тотъ же самый чертежъ, только пользованіе имъ чуточку отличается: имъ подсѣки пашутъ „вдоль и поперекъ“, а потомъ высунувшіеся корни вытаскиваютъ и вспахиваютъ плугомъ. Значитъ, здѣсь соха не слѣдуетъ непосредственно за чертожомъ.

Въ Ярославской и Тверской губерніяхъ чертежъ сохранилъ кое-гдѣ свое старое имя: „отрѣзъ“. *А. Преображенскій* изъ Моложскаго уѣзда, описывая мѣстные способы распашки новой, сообщаетъ: „бываетъ, что когда надо выламывать слишкомъ толстые пни, то лошадь идетъ съ однимъ *отрѣзомъ*, а за нею другая въ косулѣ“ [2]). Въ Зубцовскомъ и Тверскомъ уѣздахъ чертежи также употребляются по-днесь для подъема новей и извѣстны здѣсь подъ именемъ „отрѣзовъ“ [3]), т. е. подъ тѣмъ-же самымъ именемъ, подъ которымъ они извѣстны были въ этой губерніи и въ концѣ XVIII вѣка [4]). Въ качествѣ курьеза укажемъ, что одинъ тверской авторъ назыв. тверской чертежъ „русскимъ“ плугомъ [5]).

На запасномъ дворѣ царя Алексѣя Михайловича въ селѣ Измайловѣ состояло *1130 отрѣзовъ*, что говоритъ объ очень широкомъ употребленіи этого орудія встарину: сохъ тогда же тамъ было только 400 [6]).

[1]) Труды Вольнаго Эконом. Общ., ч. XI, 1769 г., стр. 68 и слѣд.

[2]) Этнографич. Сборн. И. Р. Геогр. Общ., т. I, (Спб. 1853) стр. 79.

[3]) Сборн. статист. свѣд. по Тверской губ. VII, стр. 156 и т. VIII, вып. I, стр. 112.

[4]) Генеральное Соображеніе по Тверской губ., стр. 129.

[5]) Сборн. стат. свѣд. VIII, вып. II, стр. 280.

[6]) Земледѣльческій Журналъ И. Моск. Общ. сельск. хоз. 1821 г., № II, стр. 152.

Можно предпологать, что встрѣчающееся въ актахъ XVII вѣка выраженіе „*подсѣки черкать*“ [1]) означало именно разрѣзываніе подсѣкъ чертежомъ; но не исключена возможность, что оно равносильно болѣе обыкновенному въ актахъ выраженію: „чертежище чертить“, что́ означало особый видъ расчистки подсѣкъ, сохранившійся кое-гдѣ и до нашихъ дней.

§ 18. (*Саха съ отрѣзомъ*). Неудобство особаго чертежа, какъ отдѣльнаго отъ сохи орудія, въ томъ, что для него нужна особая лошадь и особый работникъ. Случись у мужичка только одна лошадь (что́ такъ часто бываетъ) или будь въ семьѣ только одинъ взрослый работникъ,—и пользованіе чертежомъ крайне затруднено.

Соединить чертежъ съ сохою въ одно орудіе—вотъ самый естественный выходъ изъ такого затрудненія. И выходъ этотъ не замедлилъ явиться. Двуральная соха съ „прямымъ отрѣзомъ“ употреблялась прежде въ Вологодскомъ уѣздѣ и извѣстна была здѣсь подъ именемъ „косули“ (какъ мы уже замѣчали, этимъ именемъ народъ называетъ всѣ сохи-односторонки). Ральники этой сохи, по сравненію съ омешами обыкновенной (перекладной) сохи, „токмо ту разноту имѣютъ, что лѣвой сошникъ покривѣе“ [2]), т. е. съ брылой.

Двуральная соха, извѣстная у старыхъ авторовъ подъ именемъ „сердобольской или корельской косули“ (въ виду употребленія ея у корелъ), также была съ отрѣзомъ или съ „рѣзцомъ“. О ральникахъ этой, вымершей теперь, сохи мы знаемъ только то, что „лѣвый (изъ нихъ) длиннѣе праваго впередъ выставляется“ и что оба ральника „плоски“ [3]), т. е. не загнуты.

Въ наше время двуральныя сохи съ отрѣзомъ крайне рѣдки. Встрѣчаются онѣ въ одной половинѣ Тотемскаго уѣзда, въ той, гдѣ неизвѣстны „сохи съ брылами“ [4]); да еще въ Котельни-

[1]) Напримѣръ въ приходо-расходныхъ книгахъ вологодскихъ монастырей (см. Вологод. Губ. Вѣдом. 1860 г., № 1; акты 1650 и 1651 г.г.).

[2]) *Алексѣй Заспцкій*, Экономич. отвѣты, касающіеся до земледѣлія въ Вологодскомъ уѣздѣ (Тр. Вольн. Эконом. Общ., ч. 23, 1773 г., стр. 234).

[3]) Труды Вольн. Эконом. Общества, ч. 60, 1808 г., стр. 279, § 31.

[4]) *П. Загорскій*, Первый шагъ и т. д., стр. 73—74.

ческомъ уѣздѣ онѣ отмѣчены въ одной волости [1]). На сельско-хозяйственную выставку 1858 года въ гор. Вяткѣ крестьяниномъ Вятской губ. Хитринымъ была представлена модель обыкновенной „вятской сохи" съ отрѣзомъ, который былъ вполнѣ схожъ сь косульнымъ отрѣзомъ [2]).

§ 19. (*Двуральная соха съ омешами на одной сторонѣ*). Послѣдній, совсѣмъ уже приближающійся къ косулѣ, видъ сохи-односторонки имѣетъ оба омеша на одной сторонѣ. Употребляется такая соха въ Вологодской губерніи. *Эд. Лоде* въ 1842 году призналъ ее самою типичною сохою для средней части этой губерніи, т. е. уѣздовъ: Никольскаго, Вельскаго, Тотемскаго, Устюжскаго и Сольвычегодскаго. Отрѣза (ножа) у этой сохи не было. Полица (отвалъ) была „придѣлана къ переднему лемеху" [3]).

По сообщенію другого автора, около Кубенскаго озера, въ Вологодской же губерніи, употребительна соха, отличающаяся отъ косули *только тѣмъ*, что „вмѣсто одного лемеха имѣетъ два". Употребляется она съ пользою на каменистой и хрящеватой почвахъ: мелкіе камешки свободно проваливаются въ промежутокъ между двумя ральниками и потому не портятъ послѣднихъ [4]).

---

1) Матеріалы по стат. Вятск. губ., т. X, ч. I, стр. 84.

2) Зап. Каз. Эком. Общ., 1859, № 4, стр. 136.—Срв. ниже § 55.

3) Журн. Минист. Госуд. Имущ., ч. VII, 1843 г., отд. II, стр. 163.

4) *Ф. Целлинскій*, Косуля (Записки Казанск. Экономич. Общ., 1854 г., ч. I (февраль), отд. II, стр. 122.

IV. Косуля.

20. Имя; сходство косули съ сохою. 21. Описаніе косюли и ея виды: костромская к., ярославская; клопикъ и межеумокъ. 22. Исторія косули и постепенный ходъ ея распространенія.

§ 20. (*Имя косули; сходство ея съ сохою*). Народное слово *косуля* означаетъ собственно: „косая“ или: „нѣчто косое“; въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о пахотныхъ орудіяхъ: „косая соха“ (срв. „косиная соха“ Гильденштедта: выше, § 16). *Косыми* же русскій народъ называетъ всѣ тѣ предметы и всѣхъ тѣхъ живыхъ существъ, въ которыхъ нѣтъ, какъ говорится, симметріи (соотвѣтствія частей), т. е. у которыхъ одна половина корпуса не вполнѣ соотвѣтствуетъ другой половинѣ.

Теперь понятно, почему русскій народъ называетъ „косу́лями“ всѣ виды сохъ-односторонокъ, т. е. двуральныхъ сохъ съ неперекладною полицею. У этихъ сохъ именно нѣтъ полнаго соотвѣтствія частей: онѣ работаютъ, отваливаютъ пластъ, *только на одну* сторону и не могутъ отваливать на другую; полица у нихъ всегда *на одной* сторонѣ, и самые ральники—если не различнаго вида и устройства, то по крайней мѣрѣ различной установки, т. е. не парны. Эти то признаки сохъ-односторонокъ, рѣзко отличающіе ихъ отъ перекладныхъ сохъ (у послѣднихъ лѣвая половина корпуса *вполнѣ тожественна* съ правою половиной), и дали русскому народу поводъ окрестить всѣ виды сохъ-односторонокъ не особенно лестнымъ [1]) прозвищемъ „косуль“.

Этими же самыми свойствами асимметріи (несоотвѣтствія частей), и даже, пожалуй, въ бо́льшей степени, отличается и тотъ видъ пахотнаго орудія, который извѣстенъ подъ именемъ „косу-

[1]) Въ примѣненіи къ человѣку слово *косуля* въ народѣ считается бранью.

ли“ въ сельскохозяйственной литературѣ, т. е. косуля однолемешная. Здѣсь на одной сторонѣ находится лемехъ и отвалъ, а на другой нѣтъ, ни того ни другого; отваливаніе пласта происходитъ также всегда на одну сторону. Вотъ почему имя *косули* какъ нельзя болѣе пристало и къ этому виду пахотныхъ орудій [1]).

Но народъ, какъ мы уже о томъ говорили выше, не любитъ называть „сохами“ одноральныя орудія, будучи вѣренъ въ данномъ случаѣ основному, первоначальному значенію слова *соха* (см. выше § 6). А такъ какъ *косуля* прежде всего означаетъ: „косая соха“, то и это имя прилагать къ однолемешнымъ орудіямъ народный языкъ не особенно склоненъ, и если дѣлаетъ это, то главнымъ образомъ, кажется, подъ напоромъ культурныхъ вліяній. По крайней мѣрѣ, довольно часто въ народѣ однолемешныя косули слывутъ подъ иными именами, напримѣръ: самолетъ, орало и даже сабанъ [2]).

Замѣтимъ еще, что встарину терминологія нашихъ сельскихъ хозяевъ была вообще ближе къ народному языку: сохи односторонки они называли также „косулями“, а однолемешную косулю, видимо въ отличіе отъ этихъ сохъ, окрестили несовсѣмъ точнымъ именемъ „ярославской косули“.

Какъ бы то ни было, но и это сходство въ именахъ, а еще болѣе, конечно, цѣлый рядъ тѣхъ переходныхъ типовъ отъ сохи къ однолемешной косулѣ, который былъ нами разсмотрѣнъ въ предъидущей главѣ,—все это весьма краснорѣчиво говоритъ о ближайшемъ родствѣ сохи съ косулей. Приведемъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе одного ученаго агронома: „Если мы станемъ разсматривать коллекцію (собраніе) различнаго устройства сохъ и косуль, употребляемыхъ въ губерніяхъ Ярославской и Костромской и въ прилегающихъ къ нимъ частяхъ Вологодской, Вятской, Нижегородской и др.,—то увидимъ, что переходъ отъ

---

[1]) Ходячее мнѣніе, будто-бы косуля получила свое названіе оттого, что у нея одна „оглобля косая“ (Н. *Соковнинъ*, Популярный курсъ начальн. основ. земледѣлія изд. 2, стр. 207).—совершенно не вѣрно. Косая оглобля (чтобы дать лошади возможность идти по невспаханной землѣ) отнюдь не служитъ существеннымъ признакомъ косули; у косули часто даже обѣ оглобли одинаковаго вида (обѣ прямыя или обѣ выгнутыя); у двуральныхъ сохъ косая оглобля столь же обычна.

[2]) Послѣднее названіе отмѣчено въ Нолинскомъ уѣздѣ (Матер. по статист. Вятск. губ., т. V, стр. 58).

сохи къ косулѣ такъ незамѣтенъ, что нельзя опредѣлить, гдѣ въ этой коллекціи оканчивается соха и гдѣ начинается косуля" [1]. Мы для токого опредѣленія взяли условно чисто внѣшній признакъ: наличность одного или двухъ омешей, причемъ всѣ двуральные виды отнесли къ числу сохъ, а одноральные—къ косулямъ.

§ 21. (*Описаніе косули и ея виды*). Корпусъ (остовъ) косули въ своихъ существенныхъ чертахъ ничѣмъ не отличается отъ сошного корпуса. Въ основѣ его лежитъ также треугольникъ, образуемый—съ одной стороны плотиной (разсохой), съ другой оглоблями и съ третьей—деревяннымъ стержнемъ, соединяющимъ нижнюю часть плотины съ перечнемъ между оглоблями и замѣняющимъ собою подвои. (См. черт. № 24). Никакихъ новыхъ частей въ остовѣ косули также нѣтъ, если не считать отрѣза (ножа, рѣзака), который составляетъ необходимую принадлежность косули, но который встрѣчается изрѣдка и у сохъ-односторонокъ (§ 18-й).

Остается указать только отличія косульныхъ частей отъ соотвѣтствующихъ частей сохи.

Разъ у косули всегда бываетъ отрѣзъ или ножъ, рѣжущій пластъ прямо, т. е. исполняющій ту работу, которая лежитъ, въ сохахъ-односторонкахъ, на лѣвомъ омешѣ,—то ясно, что этотъ лѣвый омешъ становится въ косулѣ уже не нужнымъ. Другими словами: лѣвый ральникъ сохи-односторонки, отрѣзывающій пластъ сбоку (подъ прямымъ угломъ) какъ-бы перенесенъ въ косулѣ впередъ и представленъ въ иномъ видѣ—въ формѣ длиннаго ножа. На долю правого омеша, сдѣлавшагося теперь уже единственнымъ, осталось—подрѣзывать пластъ снизу. Этимъ опредѣляется и самая форма косульнаго лемеха [2], который, естественно, долженъ лежать горизонтально и быть болѣе или менѣе широкимъ.

Если у разныхъ видовъ косули форма лемеха бываетъ болѣе или менѣе различною, то разница эта имѣетъ въ виду пре-

---

1) *Ф. Целлинскій*, Косуля (Зап. Казанск. Эконом. Общ. 1854, ч. I стр. 119).

2) По отношеніи къ (однолемешной) косулѣ народъ не употребляетъ большею частью названій: ральникъ, омешъ, а тѣмъ болѣе: сошникъ, а исключительно—*лемехъ*.

имущественно наилучшее отваливаніе пласта. Дѣло въ томъ, что отвалъ у косули большею частью находится въ тѣснѣйшей связи съ лемехомъ; встрѣчаются косули (напримѣръ въ Вятской губ.), у которыхъ лемехъ и отвалъ представлены въ видѣ одного цѣльнаго, только соотвѣтствующимъ образомъ выгнутаго, желѣзнаго листа.

Такъ какъ лемехъ у косули одинъ и насаживается онъ, вмѣстѣ и рядомъ съ отваломъ, сбоку,—то для косульной стойки (разсохи) нѣтъ никакого смысла быть раздвоенною на концѣ, какъ то всегда бываетъ у сошной стойки. Вотъ почему къ данной части косульнаго остова не подходитъ названіе: разсоха, и въ народѣ вмѣсто него всегда употребляютъ иное слово: плоти́на.

Особое, и нѣсколько странное, имя существуетъ еще въ народномъ языкѣ для косульнаго деревяннаго стужня, который соединяетъ разсоху съ перечнемъ между оглоблями. Стужень этотъ всегда бываетъ выгнутъ въ лѣвую (полевую) сторону, такъ какъ черезъ середину его проходитъ отрѣзъ косули, проходящій также и черезъ лѣвую оглоблю косули. Помимо названій: грядиль, сту́жень (Вятск. губ.), во́йло (Вологодск. у.; въ этомъ названіи сохранилась память о подвояхъ, которые и замѣнены были стужнемъ), упо́рка (Архангельск. у., сковоро́дникъ или отрѣ́зное дерево (Череповскій у.; отрѣ́зное,—такъ какъ въ немъ „сидитъ" отрѣзъ), подмо́га,—называютъ его еще именами: армо́ (Яранскій и Царевококш. у.) и ольмо (Казанская губ. [1]), причемъ оба эти, довольно странныя, названія находятся, повидимому, въ какой-то связи между собою.

Лемехъ у косули иногда прикрѣпляется къ нижнему концу разсохи посредствомъ трубицы, точно такъ же, какъ и сошные ральники; а иногда привинчивается винтами съ гайками. Равнымъ образомъ ножъ или отрѣзъ иногда бываетъ весь желѣзный, а иногда состоитъ изъ деревянной рукоятки и желѣзнаго острія, насаживаемаго на рукоятку опять-таки при помощи трубицы. Эти мелочи, равно какъ и форма лемеха и отвала часто мѣняются—въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Напримѣръ, при Г. Фирстовѣ, лемехъ яранской косули всегда имѣлъ трубицу, а теперь такихъ лемеховъ въ Яранскомъ уѣздѣ почти совсѣмъ нѣтъ; из-

---

[1]) Послѣднее названіе встрѣчается только у *Г. Фирстова*. Орудія сѣв.-вост. Европы, стр. 125.

мѣнилась и самая форма лемеха, а отвалъ стали дѣлать не изъ дерева, а изъ желѣза. Словомъ, всѣ эти признаки не существенны для косули и на нихъ нельзя основывать дѣленіе различныхъ видовъ косули на группы. Столь же несущественнымъ и измѣнчивымъ признакомъ нужно признать и двуконную или одноконную запряжку въ косулѣ. Сравнительно недавно еще въ томъ же Яранскомъ уѣздѣ употреблялись исключительно двуконныя косули, а теперь ихъ нѣтъ здѣсь и въ поминѣ (онѣ и въ другихъ мѣстахъ исчезли), хотя типъ косули остался тотъ же самый.

Изъ сказаннаго видно, что при желаніи, можно насчитать болѣе десятка различныхъ видовъ косули; но это будетъ совершенно тщетная работа. Необходимо же отличать только два главныхъ вида косули; одинъ изъ нихъ принято называть „ярославскою косулею", а другой—„костромскою косулею". Хотя названія эти и неособенно точны, но они такъ прочно привились, что мы ихъ сохраняемъ.

Сдѣланное нами выше описаніе косули имѣетъ въ виду преимущественно костромской типъ косули,—наиболѣе распространенный. У него именно оглобли укрѣпляются задними своими концами въ рогалѣ, какъ и у сохи, причемъ самыя оглобли или совершенно прямыя или, чаще, правая выгнута, а лѣвая прямая. Стужень здѣсь соединяетъ *нижнюю* часть плотины съ перечнемъ оглобель; и верхняя часть рукоятки отрѣза укрѣпляется въ лѣвой оглоблѣ, а середина отрѣза проходитъ черезъ середину стужня.

Таковы отличительные признаки „костромской косули.

Въ „ярославской косулѣ" иначе. Задняя часть оглобель укрѣпляются не въ рогалѣ, а въ серединѣ или даже въ нижнемъ концѣ плотины, неподалеку отъ лемеха. Этимъ очень облегчается трудъ лошади, и косуля идетъ по бороздѣ ровнѣе. Въ мѣстѣ своего скрѣпленія съ плотиною оглобли соединены вмѣстѣ и иногда даже составляютъ одно цѣлое; только потомъ онѣ расширяются, а послѣ перечня, гдѣ впрягается лошадь, имѣютъ обѣ полукруглый видъ, такъ что охватываютъ лошадь какъ бы кругомъ.—Стужень, сообразно съ такимъ (см. черт. № 25) укрѣпленіемъ оглобель, устраивается иначе: онъ соединяетъ верхній конецъ плотины съ перечнемъ оглобель; причемъ верхъ рукоятки ножа укрѣпляется въ стужнѣ, а середина его проходитъ черезъ лѣвую оглоблю.

Какъ мы уже замѣтили, названія: „ярославская“, „костромская“ косуля не точны: въ Ярославской губ. легко встрѣтить косулю костромского типа (въ Любимскомъ уѣздѣ ихъ только и знаютъ); „костромская“ косуля широко распространена въ Вятской и Казанской губерніяхъ, отчасти въ Вологодской и даже Тверской.

Изъ другихъ, мелкихъ, видовъ косули стóитъ отмѣтить разновидность „костромской косули“, встрѣчающуюся въ Царевококшайскомъ уѣздѣ Казанской губ. Верхній конецъ плотины здѣсь не вдалбливается въ рогаль, а стискивается между двумя поперечными брусками (точь-въ-точь какъ разсоха перекладной сохи прищемляется между рогалемъ и валькомъ или корцомъ); нижній же конецъ плотины связывается съ оглоблями особою веревкою [1]). Эта веревка—прямое наслѣдіе сошныхъ подвоевъ, которое обыкновенно наблюдается и въ косулѣ Вятской губ., только представлено здѣсь не веревкою, а двумя желѣзными стержнями, идущими по бокамъ стужня (грядиля).

Въ Яранскомъ уѣздѣ Вятской губ. отличаютъ отъ косули еще такъ назыв. „клóпикъ“. Это та же косуля (костромского типа), только меньшихъ размѣровъ, вслѣдствіе чего она несравненно легче въ работѣ; но за то и пласты ея уже и мельче [2]).

Старые авторы говорятъ еще объ особомъ видѣ косули, такъ назыв. „межеумкѣ“. Межеумокъ употреблялся въ началѣ XIX вѣка у удѣльныхъ крестьянъ Шевалдовскаго приказа Костромской губ. Оглобли у него обѣ кривыя (выгнуты), но укрѣплены своими задними концами въ рогалѣ; отвалъ выгнутъ (Обозр. сельск. хоз. удѣльн. кр. 1832—33 г.г., стр. 57 [3]) то же повторяетъ и *Двигубскій* въ своей первой русской сельскохозяйственной энциклопедіи: т. XI, 31—32).—Здѣсь необходимо еще замѣтить, что названные авторы „ярославской косулѣ“ или „оралу“ приписываютъ обѣ оглобли прямыя, а „костромской“—правую кривую, лѣвую—прямую; обѣ кривыя оглобли, по нимъ, только у межеумка.

Что касается регулированія глубины вспашки, то оно въ косулѣ—одинаково во всѣхъ ея видахъ—достигается тѣмъ же спо-

---

[1]) Зап. Казанск. Эконом. Общ. 1854, ч. I, стр. 122.
[2]) Матер. по стат. Вятск. губ., т. IX, ч. I, стр. 33.
[3]) Зап. Казан. Экон. Общ., 1854 г., ч. I, стр. 122.

собомъ, что́ и въ сохѣ: поднятіемъ и опусканіемъ черезсѣдельника. Ширину же вспашки регулируютъ, вколачивая клинья съ лѣвой или правой стороны отрѣза въ томъ мѣстѣ, гдѣ верхъ его проходитъ черезъ лѣвую оглоблю (у костромской косули) или черезъ стужень (у ярославской косули). Вбивая клинъ слѣва тѣмъ самымъ отодвигаютъ нижній конецъ отрѣза отъ лемеха влѣво, слѣдствіемъ чего получится бо́льшая ширина пласта; наоборотъ, клинъ справа уменьшитъ разстояніе между ножомъ (нижнимъ концомъ отрѣза) и лемехомъ, вслѣдствіе чего пластъ будетъ отрѣзываться у́же.

Отличительныя черты косульной работы тѣ же самыя, что́ и въ сохѣ-односторонкѣ. Ножъ (замѣнившій себою лѣвый омешъ сохи) отрѣзываетъ пластъ сбоку, лемехъ подрѣзываетъ его снизу; отдѣленный такимъ образомъ съ двухъ сторонъ отъ материка пластъ тотчасъ же (не поднимаясь вверхъ по разсохѣ на полицу, какъ это у перекладной сохи) отклоняется въ правую сторону на отвалъ, который и переворачиваетъ пластъ.

§ 22. (*Исторія косули и постепенный ходъ ея распространенія*). О прошломъ косули нѣтъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Тутъ большой просторъ для личныхъ домысловъ. И вотъ, одни авторы утверждаютъ, что косуля употребляется „съ незапамятныхъ временъ“, другіе считаютъ ее совсѣмъ недавнимъ орудіемъ, третьи приписываютъ ей иностранное происхожденіе..

Покончимъ прежде всего съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ, которое смѣло можно назвать предразсудкомъ.

Еще въ 1808 году *Вильг. Фриде* писалъ о косулѣ: „Россійская соха съ рѣзцомъ или косуля походитъ на обыкновенный нѣмецкій плугъ, отъ котораго, какъ кажется, и заняла свой образецъ или модель“ [1]).—Въ 1836 году одинъ авторъ изъ „Земледельческой Газеты“ высказался опредѣленнѣе: „Ярославская косюля столь похожа на старинный Брабантскій плугъ, что сильно заставляетъ подозрѣвать въ ней не Русское происхожденіе“ [2]).

[1]) Труды Вольн. Эконом. Общ., часть 60, стр. 278, § 30 (Удостоенный награды Общ., отвѣтъ на задачу 1804 г., о сравнительной добротѣ пахотныхъ орудій въ Россіи).

[2]) Землед. Газ. 1836 г., № 48, стр. 380.—Авторъ старинной книжки „Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 я

Послѣ всего того, что мы говорили выше о переходныхъ орудіяхъ отъ сохи къ косулѣ (§§ 14—19), мнѣніе объ иностранномъ происхожденіи косули врядъ ли нуждается въ пространномъ опроверженіи. Мы видѣли, что переходныя орудія отъ сохи къ косулѣ такъ многочисленны, а главное—такъ близко и органически связаны одно съ другимъ, столь послѣдовательно вытекаютъ одно изъ другого, что на долю иностраннаго вліянія не остается рѣшительно ничего: въ частой лѣстницѣ переходныхъ типовъ нѣтъ ни малѣйшаго пробѣла, куда бы можно было приткнуть это вліяніе, гдѣ бы его можно съ вѣроятностью предположить.

Сказать и то, что у нашихъ западныхъ сосѣдей совсѣмъ нѣтъ вполнѣ сходнаго съ русской косулей пахотнаго орудія, которое могло бы послужить ближайшимъ образцомъ для косули. Старый Брабантскій плугъ, на который (см. черт. № 26) указываетъ цитованный нами выше авторъ,—орудіе совсѣмъ иного типа. Это орудіе съ полозомъ (подошвой), котораго у русской косули никогда не бываетъ; кромѣ того, въ самой основѣ корпуса стараго Брабантскаго плуга лежитъ не треугольникъ (какъ то въ русской косулѣ и въ русской сохѣ), а четыреугольникъ. Таково это „поразительное сходство"!

Вообще, мы не видимъ рѣшительно никакихъ основаній къ признанію за косулей иностраннаго происхожденія; мы смѣло и рѣшительно называемъ ее русскимъ національнымъ орудіемъ, созданіемъ русскаго народнаго генія, которымъ народъ нашъ справедливо можетъ гордится.

Приведемъ по этому поводу нѣсколько восторженный отзывъ о русской косулѣ одного агронома-практика: „Въ Россіи мы имѣемъ пахотное орудіе, въ которомъ соединено столько выгодъ и преимуществъ, что едва ли у заграничныхъ хозяевъ, служащихъ для насъ образцами, найдется подобное орудіе, которое, при рав-

---

1833-мъ годахъ" (Изданіе Департамента Удѣловъ. Спб. 1836) пишетъ: „*Говорятъ*, что когда Петръ Великій *посылалъ крестьянъ заграницу* учиться земледѣлію, то они, видѣвъ иностранные плуги, изъ нихъ составили земледѣльческое орудіе, приноровленное къ ихъ быту, и назвали его „косулей", которая съ тѣхъ поръ и вошла въ употребленіе. Устроеніе косули, сходное съ плугомъ,—продолжаетъ нашъ авторъ:—дѣлаетъ этотъ разсказъ правдоподобнымъ" (стр. 55, примѣч.).—Едва ли нужно доказывать, что эта выдумка не подтверждается исторіей.

ной нашему простотѣ и дешевизнѣ устройства, удовлетворяло бы главнымъ условіямъ хорошей пахоты на столько, на сколько удовлетворяетъ этому наше простое, но хитрое орудіе, изобрѣтенное смѣтливымъ умомъ русскаго хозяина" [1]).

Если даже и предположить, что первый русскій кузнецъ, сковавшій косулю, или тотъ русскій хозяинъ, въ головѣ котораго впервые создался образъ косули, имѣли въ виду нѣкоторыя свойства тѣхъ заграничныхъ плуговъ, которые они могли наблюдать хотя бы на „запасномъ дворѣ" царя Алексѣя Михаиловича или же въ хозяйствахъ богатыхъ помѣщиковъ изъ числа высокопоставленныхъ сановниковъ,—такъ и тогда необходимо будетъ признать, что въ русской косулѣ несравненно болѣе туземныхъ, родныхъ элементовъ (частей), нежели иностранныхъ, и что послѣдніе, если они и были, такъ переродились и видоизмѣнились въ умѣ русскаго изобрѣтателя, что они стали уже русскими, родными, а не чужими.

Другіе авторы, напротивъ, приписываютъ русской косулѣ слишкомъ древнее происхожденіе. „*Много прошло вѣковъ*",—пишетъ одинъ [2]): „съ тѣхъ поръ, какъ костромскіе хлѣбопашцы употребляютъ косулю". „Косуля употребляется у насъ *съ незапамятныхъ временъ*",—утверждаетъ другой [3]). Но они не даютъ рѣшительно никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о глубокой древности косули.

Только *Эд. Лоде* пытается дать слабое обоснованіе этому мнѣнію. Въ своемъ отчетѣ о командировкѣ въ 1842 году отъ Министерства Госуд. Имущ. въ Вологодскую губернію онъ пишетъ: „Во многихъ мѣстахъ Вологодской губерніи я часто замѣчалъ довольно большія пространства, поросшія толстымъ лѣсомъ, видимо носящія признаки прежней пахотной обработки. Отличительные слѣды бороздъ и загоновъ, неизглаженные вѣками, свидѣтельству-

---

[1]) *Ф. И. Целлинскій* (завѣдывающій Казанск. сельск. фермою), Косуля (Зап. Каз. Эконом. Общ., 1854, ч. I, отд. II, стр. 111). Срв. подобные же отзывы другихъ сельскихъ хозяевъ, приведенные въ Сѣверн. Вѣстн. 1888 г., IV, стр. 154—155 (статья *В. В.*).

[2]) *С. Дмитріевъ*, Опытъ практич. замѣч. кинешемск. землед. и т. д., стр. 48. Тоже самое повторяетъ и *Я. Крживоблоцкій*, Костромская губ., стр. 208.

[3]) *Г. Фирстовъ*, Земледѣльческія орудія Восточной полосы Россіи, стр. 120.

ютъ о томъ, что *косуля или весьма подобное ей орудіе* (курсивъ нашъ) находилось въ употребленіи у вологжанъ до смутныхъ еще временъ начала XVII в., къ которымъ должно отнести сіи опустошенія... Извѣстно, что въ 1613 и 1615 годахъ сіи мѣста подвергались разграбленію польскихъ бродягъ" [1]). Цитованный нами Г. Фирстовъ приводитъ это замѣчаніе Лоде въ доказательство глубокой древности косули безъ всякихъ возраженій. На Фирстова уже ссылаются другіе авторы (наприм. г. Горячкинъ въ „Полной энциклопедіи русскаго сельскаго хозяйства" [2]). И легенда создалась.—„Такъ пишется исторія".

Между тѣмъ, Эд. Лоде выразился очень осторожно: „косуля *или* весьма подобное ей орудіе". Мы же можемъ съ большою увѣренностью утверждать, что это было именно только подобное косулѣ орудіе, а отнюдь не косуля. Дѣло въ томъ, что отличить борозду, проведенную сохою-односторонкою съ предшествующимъ ей чертежомъ (см, § 17), отъ косульной борозды совсѣмъ нельзя; видъ ихъ совершенно одинаковъ; тотъ же самый видъ борозды даетъ и двуральная соха съ отрѣзомъ (§ 18). А мы доподлинно знаемъ, что еще въ 1773 году въ Вологодскомъ уѣздѣ совсѣмъ не было (однолемешныхъ) косуль, а были только двуральныя сохи съ отрѣзами и безъ нихъ [3]). Эд. Лоде наблюдалъ слѣды бороздъ, проведенныхъ такою сохою съ отрѣзомъ, а еще скорѣе—съ чертежомъ.

Впрочемъ, для начала XVII столѣтія существованіе косули вообще вполнѣ допустимо,—только врядъ ли была она тогда въ дебряхъ вологодскихъ лѣсовъ.

И. М. Снѣгиревъ и *А. Мартыновъ*, въ своей брошюрѣ "Дворцовое царское село Измайлово, родовая вотчина Романовыхъ" [4]), говорятъ о грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 1663 года, на имя оружейничаго Хитрово, которою Государь повелѣлъ сдѣлать, на желѣзныхъ заводахъ, для Измайлова 600 сошниковъ, 100 плуговъ, *200 косулей*, 1000 топоровъ и 1400 косъ. Но названные авторы ссылаются при этомъ на „Земледѣльческій Журналъ". 1821

---

[1]) „Хозяйственное обозр. Вологодск. губ: (въ Журн. Мин. Госуд. Имущ., ч. VII, 1843 г., стр. 28, прим.).

[2]) Изд. Девріена; томъ IX, подъ словомъ: соха.

[3]) Труды Вольн. Эконом. Общ., часть 23, 1773 г., стр. 234.

[4]) Москва 1866; стр. 9. Никакихъ другихъ свѣдѣній о этой грамотѣ, равно какъ и текста ея мы разыскать не могли.

года, гдѣ ни о грамотѣ 1663 года, ни о косуляхъ въ Измайловѣ нѣтъ никакихъ указаній.

Извѣстно, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ поселилъ въ с. Измайловѣ крестьянъ изъ другихъ своихъ деревень и устроилъ здѣсь нѣчто въ родѣ образцовой сельскохозяйственной фермы. Сынъ его, Алексѣй Михаиловичъ, расширилъ это дѣло и улучшилъ его постановку. Изъ сохранившихся до насъ приходно-расходныхъ книгъ того времени мы узнаемъ, что на громадномъ „запасномъ дворѣ" въ с. Измайловѣ хранились, между другими земледѣльческими орудіями, „отрѣзы" (т. е. чертежи: см. § 17; ихъ было 1130 штукъ [1]), но о косуляхъ нѣтъ рѣчи; упоминаются, напротивъ „сохи" (400 штукъ) и „сошники съ полицами" (48 штукъ [2]).

Въ ученой сельскохозяйственной литературѣ первыя извѣстія о „косулѣ" имѣютъ въ виду не однолемешную косулю, а двуральную соху-односторонку. Таковы свидѣтельства *П. Рычкова* о казанской и оренбургской „косулѣ" [3]), *Олишева* [4]) и *А. Засѣцкаго* [5]) о вологодской косулѣ, и нѣкотор. др. Первое свѣдѣніе объ однолемешной косулѣ относится къ 1767 году, когда, на страницахъ „Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества" [6]), появился рисунокъ (довольно плохой) косули Переяславскаго уѣзда Владимірской губерніи. Изъ рисунка видно, что у мѣстной косули одинъ лемехъ и одинъ отрѣзъ (ножъ), укрѣпленный въ лѣвой оглоблѣ. Запряжка—одноконная, съ дугою. Рукояткою, за которую держитъ пахарь, служитъ верхняя часть разсохи, возвышающаяся довольно далеко надъ концами оглобель. Вообще, сколько можно судить по плохому рисунку, устройство переяславской косули ближе къ типу „ярославской косули", нежели „костромской".

[1]) Думать, что это были косульные отрѣзы, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній; самое число ихъ говоритъ противъ такого предположенія.

[2]) *А. Малиновскій*, О преждебывшихъ въ селѣ Измайловѣ царскихъ хозяйственныхъ заведеніяхъ (Земледѣльч. Журн. 1821 г., № II, стр. 152).

[3]) Соч. и перев., къ пользѣ и увес. служащія, 1758 г., май, стр. 436—438, и Тр. Вольн. Эконом. Общ., ч. VII, 1767 г., стр. 139.

[4]) Тр. Вольн. Эконом, Общ., ч. II. 1766 г., стр. 107—108.

[5]) Тамъ же, часть 23, 1773 г., стр. 234.

[6]) Часть VII, стр. 88 и 92—93.

Изъ Галицкаго уѣзда Костромской губ. имѣется свѣдѣніе отъ 1768 года, что тамъ „пашутъ косулями“ [1]); есть основанія полагать, что это были однолемешныя косули.

Дальнѣйшія извѣстія о косуляхъ относятся уже къ XIX вѣку.

Нѣкоторый свѣтъ на прошлое косули должно пролить географическое распространеніе этого орудія, особенно—постепенный ходъ этого распространенія, который долженъ указать намъ мѣсто первоначальнаго возникновенія косули.

Косулю вообще можно назвать орудіемъ сѣверо-восточнаго угла Европы. Но на востокъ дальше Вятской губерніи она не пошла, и даже въ восточныхъ уѣздахъ этой губерніи распространилась очень слабо, главною причиною чему было соперничество курашимки, широко распространившейся здѣсь прежде косули. Въ Уфимской и Самарской, а отчасти и въ Оренбургской губерніяхъ косуля также извѣстна, но сюда она принесла сравнительно очень недавно переселенцами, преимущественно вятчанами. Въ Вятской губерніи распространеніе косули совершалась въ направленіи съ юго-запада (изъ Яранскаго уѣзда) на востокъ и на сѣверъ. У удѣльныхъ крестьянъ Яранскаго уѣзда (Пиштанскаго приказа) косуля была въ употребленіи уже въ самомъ началѣ XIX вѣка [2]). Сообщающій о томъ авторъ называетъ ее „царевосанчурскою косулей“. Царевосанчурскъ же (теперь заштатный городъ Яранскаго уѣзда) находился тогда въ Казанской губерніи.

Теперешнія косули Яранскаго уѣзда, при разновидности которыхъ отличаются другъ отъ друга нѣкоторыми мелкими особенностями [3]) свидѣтельствуютъ о различномъ ихъ происхожденіи—частью изъ Казанской губ., а частью изъ Костромской.

[1]) Труды Вольн. Экон. Общ., ч. X, 1768 г., стр. 82.

[2]) Обозр. сельск. хоз. удѣльн. имѣнія 1832—33 г., стр. 117. Косуля эта была двуконною (лошади запрягались гусемъ) и имѣла „тѣ же части, что и плугъ“.—Агрономъ *Б. Любанскій*, щедрою рукою черпывавшій изъ только что цитованнаго нами источника, называемъ мѣстныя косули „царевококшайскими“, причемъ добавляетъ: „Говорятъ, что царевококшайская косуля служила первообразомъ для ярославскихъ (Журн. Мин. Госуд. Имущ., ч. 42, стр. 219). Невольно припоминается поговорка: *„говорятъ*, что... куръ доятъ“.

[3]) Матер. по статист. Вятск. губ., т. IX, часть I, стр. 32. Здѣсь авторъ пытается установить три вида: Яранскій (собственно), Кукарскій и Царевосанчурскій. У послѣдняго лемехъ съ „бороздой“, отвалъ,

Въ предѣлахъ Казанской губерніи косуля распространена очень слабо. П. Рычковъ въ 1758 году указываетъ здѣсь только двуральную „косулю“ (соху съ брылой). Въ удѣльныхъ имѣніяхъ губерніи въ началѣ XIX вѣка косуль также не было (а только сохи и чертежъ). По Г. Фирстову (1854 г.), косули употребляются только въ сѣверныхъ уѣздахъ Казанск. губ.; подробно онъ описываетъ косулю Царевококшайскаго уѣзда (принадлежитъ къ „костромскому типу“). По словамъ *М. Лаптева* [1]), только черемиса въ Царевококшайкомъ уѣздѣ пашутъ косулей, а прочіе жители губерніи—сохой (и, изрѣдка, сабаномъ).

Въ предѣлахъ нынѣшней Костромской губерніи, сколько о томъ можно судить по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи весьма скуднымъ даннымъ, распространеніе косули шло также съ запада на востокъ. Если въ Галицкомъ уѣздѣ орали косулей уже въ 1768 году, а кинешемскій земледѣлецъ 1843 года находилъ возможнымъ даже утверждать, будтобы „много прошло вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ костромскіе хлѣбопашцы употребляютъ косулю“ [2]),—то уренскіе старообрядцы (Варнавинскаго уѣзда) въ 1832—33 годахъ боялись еще употреблять однолемешную косулю, какъ „*новизну*“, хотя и прекрасно сознавали преимущества косули передъ своею „кривушею“ (сохою односторонкою, въ вертикально поставленнымъ лѣвымъ омешемъ) [3]).

Юго-западный предѣлъ распространенія косули падаетъ на Тверскую губернію. Здѣсь косули извѣстны даже въ Зубцов-

деревянный, только обитый желѣзнымъ листомъ. У „яранскаго“ вида—„борозда“ лемеха срѣзана, самый лемехъ болѣе закругленъ и отвалъ желѣзный. У кукарской и царевосанчурской косуль лемехъ, по сообщенію цитуемаго источника, съ трубуцей (но судя по рисунку въ „Матеріалахъ по описанію промысловъ Вятской губ., вып. I, это не точно: на рисункѣ лемехъ „кукарской козули“ безъ трубицы). Косули съ деревянными отвалами нашъ авторъ склоненъ выводить изъ Костромской губерніи.

[1]) Казанская губернія. Матеріалы для географіи и статистики. Спб. 1861 г., стр 266.

[2]) *С. Дмитріевъ*, Опытъ практич. замѣч. и т. д., стр. 48 изд. 2-го. Хотя самое увѣреніе автора очень не точно, но оно съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о томъ, что память о времени появленія косули въ краѣ успѣла уже исчезнуть,—для чего потребно немало времени.

[3]) Обозр. сельск. хоз. удѣльн. имѣн., стр. 58.

скомъ [1]) и кое-гдѣ въ Тверскомъ [2]) уѣздахъ, но преимущественно онѣ встрѣчаются на сѣверо-востокѣ губерніи: въ сѣверныхъ волостяхъ Кашинскаго уѣзда и пограничныхъ съ ними Бѣжецкаго и Весьегонскаго, да и то не особенно часто [3]). Появленіе косули въ предѣлахъ Тверской губерніи нужно отнести къ недавнему сравнительно времени: старыя сельскохозяйственныя описанія губерніи (хотя бы 1854 г.) совсѣмъ еще не упоминаютъ о косулѣ. А картина современнаго употребленія косули въ губерніи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что орудіе это проникло сюда изъ сосѣдней Ярославской губеніи.

Здѣсь, такимъ образомъ, мы сталкиваемся уже съ инымъ теченіемъ—съ востока на западъ.

Сѣвернѣе, въ Новгородской губерніи, косуля извѣстна въ Череповскомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ.—Еще сѣвернѣе, въ Олонецкой губерніи, по свидѣтельству Г. Фирстова (стр. 120), косуля употребительна въ юго-восточныхъ уѣздахъ.—Въ сосѣдней Вологодской губерніи, по свидѣтельству Эл. Лоде (1842), косуля служитъ главнымъ пахотнымъ орудіемъ въ югозападныхъ уѣздахъ—Грязовецкомъ, Вологодскомъ и Кадниковскомъ, а также въ западной части Вельскаго и въ небольшой части Тотемскаго (около села Шуйскаго). Хотя Эд. Лоде и называетъ мѣстную косулю „подобною ярославской и владимірской", но въ дѣйствительности здѣсь распространена косуля „костромская". О томъ мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ [4]). Во всей прочей области Вологодской губ. при Эд. Лоде однолемешной косули еще не было, но послѣ она кое-гдѣ распространилась, наприм. въ Никольскомъ уѣздѣ.

Наконецъ, южная граница распространенія косули проходитъ по губерніямъ: Московской, Владимірской и Нижегородской.

Въ Московской губерніи однолемешная косуля—крайне рѣдкій гость. Намъ извѣстно только одно указаніе на нее; въ селѣ Фрязикѣ Богородскаго уѣзда отмѣчена „одна косуля мѣстнаго из-

[1]) Сборникъ статист. свѣдѣній по Тверск. губ., т. VII (М. 1891), стр. 156.

[2]) Тамъ же, томъ VIII, вып. I, стр. 112.

[3]) Тамъ же, т. XIII, вып. II, стр. 91 и томъ X, стр. 50.

[4]) Зап. Каз. Экон. Общ. 1854, ч. I, отд. II, стр. 121; Вологодск. Губ. Вѣд. 1880, № 25; *П. Загорскій*, Первый шагъ и т. д. стр. 75.

готовленія" въ 1889 году [1]). Ясно, что не здѣсь, не около первопрестольной столицы и образцовыхъ царскихъ имѣній и фермы родина русской косули, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. И если грамотою царя Алексѣя Михаиловича 1662 г. и было приказано сдѣлать 200 косуль, то разумѣлись тутъ врядъ ли настоящія, однолемешныя косули, а скорѣе сохи-односторонки, которыя и теперь у московскихъ крестьянъ извѣстны подъ именемъ косуль и о которыхъ крестьяне эти иногда говорятъ, что „косуля не въ примѣръ лучше и легче плуга" [2]).

Что касается Владимірской губерніи, то если косуля извѣстна здѣсь не всюду, а кое-гдѣ еще и пашутъ сохой, то это объясняется исключительно родомъ почвы (каменистой), для которой косуля не годится. Въ другихъ же мѣстахъ косулю уже успѣлъ вытѣснить плугъ. При всемъ томъ, врядъ ли можно сомнѣваться, что движеніе косули шло здѣсь въ направленіи съ сѣвера на югъ. Въ южныхъ уѣздахъ губерніи—Судогодскомъ, Меленковскомъ и Муромскомъ косуль (равно какъ и плуговъ) весьма мало и теперь, по подсчету 1903 года 260 косуль на 39 тысячъ сохъ, тогда какъ въ уѣздахъ Гороховецкомъ, Суздальскомъ и Переяславскомъ косуль нѣсколько больше, чѣмъ сохъ, въ прочихъ же уѣздахъ косуль въ два раза больше, чѣмъ сохъ [3]).

Въ Нижегородской губерніи косули извѣстны только въ сѣверныхъ уѣздахъ.

Мы очертили такимъ образомъ кругъ, въ серединѣ котораго осталась губернія Ярославская. Въ этой послѣдней косуля пользуется широкимъ распространеніемъ, однако не всеобщимъ. Во многихъ мѣстахъ Углицкаго уѣзда, напримѣръ, косули совсѣмъ неизвѣстны [4]): пашутъ здѣсь „сохою съ брылой". Необходимо еще отмѣтить, что въ Ярославской губерніи, рядомъ съ косулею „ярославскаго" типа, употребляется и косуля „костромская" [5]); въ Лю-

---

1) Московская губернія въ сельскохозяйственномъ отношеніи за 1889 годъ, стр. 186.

2) *В. Бажаевъ*, Очерки крест. сельск. хоз. въ Моск. губ., стр. 74.

3) *А. Смирновъ*, Плуги и др. улучш. сельскохоз. орудія во Владимірской дер., стр. 5.

4) Устное сообщеніе *Н. Д. Соколова*.

5) Записки Казанск. Экон. Общ. 1854 г., ч. I, отд. II, стр. 121.

бимскомъ уѣздѣ, напримѣръ, „костромской“ типъ косули преобладаетъ [1]).

Равнымъ образомъ и въ Костромской губерніи встрѣчается „ярославская косуля“ [2]). Въ началѣ XIX вѣка послѣдняя употреблялась здѣсь преимущественно помѣщичьими крестьянами [3]), тогда какъ у удѣльныхъ и казенныхъ крестьянъ преобладали косюли „костромского типа“.

Нашъ выводъ изъ изложеннаго географическаго распространенія косули слѣдующій. Первоначальною родиною косули, откуда орудіе это распространилось потомъ во всѣ стороны, была или западная часть нынѣшней Костромской губерніи или же восточная часть нынѣшней губерніи Ярославской. Болѣе вѣроятнымъ представляется намъ первое предположеніе, такъ какъ западъ Костромской губ. скорѣе можно назвать центромъ района распространенія косули.

Изъ двухъ главныхъ видовъ косули—„ярославскаго“ и „костромского“—древнѣйшимъ нужно признать послѣдній, въ виду бо́льшой близости его къ двуральной сохѣ. „Ярославскую косулю“ мы считаемъ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ „костромской косули“, причемъ это усовершенствованіе врядъ ли обошлось безъ культурныхъ вліяній. Не даромъ же область распространенія „ярославской косули“ столь ничтожна, несмотря на всѣ преимущества этого вида.

[1]) По нашимъ личнымъ наблюденіямъ.
[2]) Зап. Казан. Эконом. Общ. 1854 г., ч. I, отд. II, стр. 120.
[3]) Обозр. сельск. хоз. удѣльн. имѣн. 1832—33 г г., стр. 37.

V. Плугъ и сабанъ.

23. Малороссійскій плугъ. 24. Татарскій сабанъ.

§ 23. (*Малорусскій плугъ*). Въ предъидущихъ главахъ мы разсматривали существующіе виды русскихъ сохъ въ той ихъ послѣдовательности, которую необходимо признать для постепенной смѣны этихъ орудій однихъ другими въ ихъ историческомъ прошломъ. Другими словами, мы постепенно шли отъ орудій древнѣйшихъ къ орудіямъ болѣе новымъ.

Начали мы свое изложеніе съ юга Россіи,—съ однозубаго рала, которое сохранилось теперь почти исключительно въ Малороссіи: вполнѣ соотвѣтствующее великорусское орудіе, однозубая черкуша, представляетъ собою въ наше время очень большую рѣдкость.

Но, слѣдя за различными видами сохъ, мы постепенно уходили съ юга все далѣе и далѣе на сѣверъ и сѣверо-востокъ, а югъ совсѣмъ упустили изъ виду. Между тѣмъ, на югѣ пахотныя орудія отнюдь не оставались все въ одномъ и томъ же, какъ бы застывшемъ, состояніи. Здѣсь протекала своя исторія, происходила иная смѣна пахотныхъ орудій однихъ другими; и эта исторія южныхъ орудій текла совершенно независимо отъ исторіи орудій сѣверныхъ.

Теперь мы обратимся къ южнорусскимъ пахотнымъ орудіямъ. Не касаясь пока ихъ исторіи,—о чемъ будетъ рѣчь ниже (§§ 29 и 30),—мы опишемъ главное пахотное орудіе малоруссовъ—„украинскій плугъ“.

Корпусъ (остовъ) малорусскаго плуга, въ основѣ своей, имѣетъ, въ сущности, также (подобно сохѣ) видъ треугольника. Одну изъ сторонъ этого треугольника составляетъ грядиль (дышло), соотвѣтствующій обжамъ сохи; другую сторону—чепыги (рукоятки) вмѣстѣ съ полозомъ, соотвѣтствующимъ сошной разсохѣ, и третью —стойка, замѣняющая сошные подвои. Главное отличіе отъ сохи въ томъ, что чепыги (онѣ соотвѣтствуютъ рогалю сохи, но имѣ-

ютъ совсѣмъ иной видъ) съ полозомъ имѣютъ видъ не прямой и даже не вогнутой линіи, а линіи ломаной. Линія эта образуетъ собою, въ мѣстѣ соединенія чепыгъ съ полозомъ, уголъ, въ виду чего лежащая въ основѣ плужнаго корпуса фигура приближается къ четыреугольнику, Напротивъ, у сохи фигура эта— чистый треугольникъ.

Грядиль (или „валъ", дышло) представляетъ собою длинное, (4 ар.) толстое, постепенно съуживающееся къ переднему концу бревно, большею частью осиновое. Здѣсь его конецъ укрѣпленъ въ лѣвой рукояткѣ (чепыгѣ), а передній соединяется съ осью передка („привряга"). Посредствомъ особой стойки грядиль соединенъ съ серединою полоза. Въ грядилѣ укрѣпляется ножъ (рѣзакъ, отрѣзъ), составляющій необходимую принадлежность украинскаго плуга.

Впереди стойки грядиль имѣетъ выгибъ вверхъ, какъ бы горбъ; въ этотъ-то горбъ и укрѣпляется рѣзакъ. Цѣль выгиба— отдалить грядиль въ этомъ мѣстѣ отъ земли, не измѣняя угла, образуемаго заднимъ его концомъ чепыгами и полозомъ; этимъ достигается, что и высокія травы не задѣваютъ за грядиль въ данномъ мѣстѣ, не набиваются въ уголъ между рѣзакомъ и дышломъ и не затрудняютъ хода орудія.

Вмѣстѣ съ выгибомъ вверхъ, грядиль въ указанномъ мѣстѣ имѣетъ одновременно еще выгнутость влѣво. Благодаря этому, укрѣпляемый въ грядилѣ ножъ находится лѣвѣе насаженнаго на полозъ лемеха.

Дышло укрѣпляется въ чепыгѣ такъ, что оно образуетъ съ поверхностью почвы и съ полозомъ плуга уголъ въ 10°. Это—въ задней части дышла. Передній же конецъ его, вслѣдствіе выгнутости около рѣзака вверхъ, идетъ почти параллельно землѣ.

Вторая, задняя, часть плужнаго треугольника представлена въ видѣ ломаной линіи, одна часть которой составляетъ рукоятки или „чепыги" плуга, а другая—полозъ. Чепыги соотвѣтствуютъ сошному рогалю. Это два кривые, длинные (иногда больше двухъ аршинъ) сука, соединяющіеся съ заднимъ концомъ полоза подъ тупымъ угломъ и идущіе отъ него кверху. Вверху онѣ постепенно разсходятся въ разныя стороны, (такъ что разстояніе между ними въ самой верхней части бываетъ въ 1 аршинъ и даже болѣе), а на серединѣ своей длины соединяются между собою деревянною перекладиной.

Въ лѣвую рукоятку вставляется, на разстояніи въ $2^1/_2$ вершка отъ полоза, задній коненъ дышла. Къ правой же чепыгѣ прикрѣпляется задній край отвала.

Чепыги обыкновенно представляютъ собою одно цѣлое съ полозомъ. Для этого выбирается еловое или дубовое дерево съ двумя толстыми, расходящимися въ разныя стороны сучками, расположенными подъ тупымъ угломъ къ стволу дерева. Изъ ствола дѣлается полозъ, а изъ сучьевъ—чепыги.

Длиною полозъ (или „подошва") бываетъ обыкновенно около аршина, Задній конецъ его (т. назыв. пята) толще: онъ даетъ начало чепыгамъ, передній конецъ (т. наз. колодка) тоньше; на него надѣвается, посредствомъ трубницы, лемехъ. Послѣдній имѣетъ обыкновенно видъ прямоугольнаго треугольника. Лѣвая сторона его лежитъ на одной линіи съ лѣвымъ бокомъ полоза; она обращена къ непаханной землѣ („въ поле") и бываетъ тупая (около дюйма толщины). Правая сторона лемеха имѣетъ перо (т. е. уголъ въ своей верхней части) и бываетъ болѣе или менѣе острою. Нижняя плоскость лемеха служитъ прямымъ продолженіемъ нижней поверхности полоза и идетъ, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, по дну борозды: лемехъ подрѣзываетъ пластъ земли снизу, а полозъ служитъ тѣмъ основаніемъ, на которомъ держится весь плугъ. Такъ какъ полозъ деревянный и не подбитъ желѣзомъ, то треніе его о землю очень сильное; вотъ почему полозъ (въ сохѣ его никогда не бываетъ), сообщая плугу устойчивость, въ тоже время крайне затрудняетъ движеніе плуга.

Третья сторона плужнаго треугольника—т. назыв. стойка. Это деревянный брусъ, который нижнимъ своимъ концомъ укрѣпляется въ полозѣ около лемеха подъ прямымъ угломъ къ нему, а верхнимъ—въ грядилѣ. Лѣвая сторона стойки лежитъ въ одной плоскости съ лѣвымъ бокомъ полоза. Разстояніе между полозомъ и дышломъ въ мѣстѣ соединенія ихъ стойкою бываетъ обыкновенно въ 4—5 вершковъ. Во время работы плуга стойка испытываетъ очень сильное сопротивленіе, почему и дѣлается всегда очень прочною, чаще изъ дуба.

Иногда стойка представлена въ видѣ двухъ или даже трехъ брусковъ; самый передній изъ нихъ бываетъ обыкновенно желѣзнымъ и соединяетъ съ грядилемъ уже не полозъ, а лемехъ; это—такъ назыв. „передняя столба". Два другіе („жабка" и „задняя столба")—деревянные.

Отвалъ („полычка“, иногда: крыло, доска) представленъ въ видѣ большой (иногда до 2-хъ аршинъ длины) четыреугольной продолговатой (ширина обыкновенно въ $2^1/_2$ раза меньше длины) доски, поверхность которой совершенно прямая. Одинъ конецъ этой доски прикрѣпленъ веревками или гвоздями, къ стойкѣ плуга, а другой—къ правой чепыгѣ.

Работа плуга происходитъ такъ: рѣзакъ („чересло“) отрѣзываетъ пластъ земли сбоку; лемехъ подрѣзываетъ его снизу и приподнимаетъ, передавая на отвалъ, который его опрокидываетъ.

Регулированіе глубины вспашки производится при помощи клиньевъ, вбиваемыхъ въ мѣсто соединенія грядиля съ лѣвой чепыгой: забивая клинъ выше грядиля, тѣмъ самымъ приподнимаютъ передній конецъ дышла, увеличиваютъ уголъ между полозомъ и дышломъ, вслѣдствіе чего плугъ пашетъ глубже; наоборотъ, забивая клинъ снизу грядиля, тѣмъ самымъ устанавливаютъ плугъ на меньшую глубину.

Регулированіе ширины пласта производятъ при помощи клиньевъ, забиваемыхъ въ мѣстѣ соединенія рѣзака съ дышломъ: забивая клинъ справа, со стороны лемеха, тѣмъ самымъ нагибаютъ конецъ рѣзака за борозду, почему и клинъ этотъ, вбиваемый всегда снизу, носитъ имя „заборозенника“; плугъ тогда пашетъ шире; и наоборотъ: загоняя клинъ слѣва (это такъ назыв. пасклинъ; онъ забивается всегда сверху), ставятъ плугъ на меньшую ширину.

Другая часть малороссійскаго плуга носитъ имя: „припрягъ“. Это—передокъ плуга. Онъ состоитъ изъ оси („колюшни“) на колесахъ и „правила“ или войца“. Лѣвое колесо, идущее по бороздѣ, всегда меньше праваго (вершка на 4; вообще же разница въ ихъ величинѣ равна глубинѣ вспашки), идущаго по невспаханной еще землѣ. Нерѣдко случается, что, во избѣжаніе необходимости дѣлать колеса разной величины, лѣвое (или „подручное“) колесо бываетъ той же самой величины, что и правое, только безъ обода; такое колесо не катится, а упирается каждой своей спицей въ землю и крайне затрудняетъ ходъ плуга. Дѣлается это въ случаяхъ, когда для плуга употребляютъ колеса отъ старой, негодной телѣги.

На верхнюю часть оси накладывается передній конецъ грядиля. Передвигая этотъ конецъ впередъ и взадъ, регулируютъ глубину вспашки: чѣмъ длиннѣе разстояніе между передкомъ и плужнымъ корпусомъ, тѣмъ глубже пашетъ плугъ.

Правило представляетъ собою деревянный, довольно длинный (до 2-хъ аршинъ) брусъ, укрѣпленный своимъ заднимъ концомъ въ правой сторонѣ подушки оси и идущій отсюда нѣсколько влѣво. Къ правилу спереди прикрѣпляются „бревенчаки“ или „вій“, служащіе для запряжки воловъ.

Литература: Описаніе малороссійскаго плуга у *Гильденштедта*. Путешествіе, т. II, стр. 482—484 (то же самое на русскомъ языкѣ—въ „Технологическомъ Журналѣ“ 1804 г., томъ I, часть II, съ рисунками); *Г. Фирстовъ*, Земледѣльч. оруд. вост. полосы Европы, стр. 4—23; Журн. Мин. Госуд. Имущ., часть I, отд. II, (ст. *Витте*).

Для характеристики малороссійскаго плуга приведемъ еще эту, нѣсколько утрированную, но въ общемъ вѣрную картину, нарисованную *П. Пареновымъ* въ 1873 г. „Малорусскіе крестьяне вспахиваютъ свои земли плугами, изготовляемыми для нихъ особыми мастерами, какіе имѣются въ каждомъ селѣ. Иногда такой мастеръ пріобрѣтаетъ своимъ искусствомъ славу на нѣсколько селъ въ окружности. Произведенія свои они сооружаютъ по чистому вдохновенію, ибо никакихъ правилъ, опредѣленныхъ разъ на всегда и ими признанныхъ за лучшія, у нихъ не имѣется. Нерѣдко случается, что такое чадо вдохновенія вовсе отказывается пахать: или забираетъ куда-нибудь въ сторону, или залѣзаетъ, несмотря ни на какія усилія, постоянно въ землю, такъ что или ломается или останавливаетъ запряженный скотъ, или, наоборотъ, лѣзетъ вонъ изъ земли, какъ его ни надавливаетъ усердный пахарь. Дивятся мужики такому чуду и долго, повѣсивъ головы, не могутъ рѣшить, что такое приключилось съ плугомъ. А вдохновенный, по окончаніи работы, нектаромъ шинкаря (кабатчика) творецъ чуда бойко увѣряетъ, что все отъ Бога, и что должно быть дядя Никита заказалъ ему плугъ въ нехорошій день“ (Русскій Вѣстникъ, томъ 106, стр. 640).

§ 24. (*Татарскій сабанъ*). Полное сходство съ только что описаннымъ украинскимъ плугомъ представляетъ собою „татарскій сабанъ“, употребляемый и теперь кое-гдѣ на востокѣ Европы, напримѣръ въ Уфимской и Оренбургской губерн., какъ инородческими племенами, такъ и русскими. По поводу замѣчательнаго сходства этихъ двухъ орудій, отличающихся главнымъ обра-

зомъ только величиною (сабанъ нѣсколько меньше) и нѣкоторыми мелочами въ устройствѣ передка, еще *Г. Фирстовъ* [1]) замѣчаетъ: „Догадка, что сабанъ есть передѣланный малороссійскій плугъ, а не національное татарское орудіе, хотя и носящее свое названіе, подтверждается тѣмъ, что жители нашихъ южныхъ губерній уже задолго до покоренія Руси монголами были народомъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ".

Гильденштедтъ, въ своемъ описаніи малорусскаго плуга, замѣчаетъ, что плугъ этотъ употребляется, помимо малороссіянъ, еще и „у молдаванцевъ, татаръ, черкесовъ, грузинцевъ, и персіянъ".

Путешествовавшій въ 1768 и 69-мъ году по Россіи акад. Лепехинъ, постепенно двигавшійся на востокъ, впервые встрѣтилъ сабанъ въ предѣлахъ нынѣшней Самарской губерніи, по р. Черемшану, въ селѣ Бѣсовкѣ. Орудіе это, по отзыву Лепехина, „много имѣетъ сходства съ плугомъ" [2]). Тотъ же самый сабанъ описанъ, еще въ 1758 году, *П. Рычковымъ*,—въ томъ видѣ, въ какомъ онъ употреблялся у татаръ и другихъ инородцевъ Казанской и Оренбургской губерній [3]). Палласъ отмѣтилъ „татарскій плугъ *сабанъ*" у татаръ, мещеряковъ и башкиръ Уфимской губерніи [4]).

Въ позднѣйшее время употребленіе тяжелаго татарскаго сабана отмѣчаетъ *В. Черемшанскій* [5]) въ Оренбургской губ. Употребляется онъ также у русскихъ крестьянъ Ставропольскаго у. Самарской губерніи [6]), въ Уфимскомъ и Стерлитамацкомъ уѣздахъ, преимущественно у башкиръ [7]), въ Белебеевскомъ уѣздѣ [8]) и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ [9]).

---

[1]) Землед. оруд. вост. пол. Росс., 24.

[2]) Дневныя записки путешествія *Ивана Лепехина* по разн. провинц. Росс. госуд. ч. I, изд. 2, стр. 126.

[3]) Сочин. и перев., къ пользѣ и увес. служ. 1758 г., май, стр. 433—435.

[4]) *П. С. Палласъ*, Путешествіе по разн. провинц. Россійск. имп., 2 изд., т. II, кн. I, стр. 8. 65 и 66.

[5]) Опис. Оренб. губ. 305—307.

[6]) Сборникъ статист. свѣдѣній по Самарской губ., т. II, стр. 89.

[7]) Сборн. статистич. свѣд. по Уфимск. губ., т. I, стр. 352 и т. II, стр. 692.

[8]) Матер. по статист. Вятск. губ., т. IV, стр. 47, примѣч.

[9]) Наприм. въ Черемисской вол., Камышловскаго уѣзда (Матер. для сельскохоз. статист. Пермск. губ. II, 96).

Давать подробное описаніе татарскаго сабана мы считаемъ излишнимъ: устройство его слишкомъ близко къ описанному выше малороссійскому плугу. Укажемъ только главныя отличія въ сабанѣ отъ этого послѣдняго. Лемехъ татарскаго сабана имѣетъ видъ не прямоугольнаго треугольника (какъ у малороссійскаго плуга), а большею частью — разносторонняго треугольника. Конецъ сабаннаго рѣзака не совпадаетъ съ концомъ лемеха, а идетъ впереди его на $1^1/_2$ вершка и влѣво на $^3/_4$ вершка. Полозъ татарскаго сабана бываетъ раздвоеннымъ, т. е. состоитъ изъ двухъ брусьевъ.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя своеобразныя названія разныхъ частей татарскаго сабана. По Лепехину, лемехъ сабана называется въ Самарской губерніи: *ладонь*, а *лемегомъ* здѣсь называютъ полозъ, на который ладонь надѣвается; рукоятки здѣсь называютъ *ногами*, грядиль (дышло)—*стрѣлою*, а стойку *клюкою*. По В. Черемшанскому, дышло также зовется *стрѣлою*; роль стойки въ оренбургскомъ сабанѣ играютъ два бруска: желѣзная *матка* (или *столбикъ*) и деревянный треугольный *конекъ*. П. Рычковъ приводитъ татарскія названія: *сабанъ-укъ* (въ переводѣ на русскій: „сабанный лукъ“)—грядиль; полозъ вмѣстѣ съ рукоятками—*сабанъ-анасъ* (т. е. сабанная матка); рѣзакъ—*шертъ*. Изъ этихъ названій *укъ* и *шертъ* (а не шертъ) употребительны и у русскихъ жителей Уфимской губерніи, пользующихся татарскими сабанами. *Стрѣла*—самое обычное имя для сабаннаго дышла вездѣ, гдѣ только сабанъ извѣстенъ.

Сабанъ, точно такъ же какъ и малорусскій плугъ,—крайне тяжелое и неуклюжее орудіе. Употребляется исключительно почти при подъемѣ нови или старой залежи; его съ трудомъ тащатъ двѣ лошади, и чаще запрягаютъ въ него отъ 3 до 5 лошадей или 3—6 паръ воловъ.

Отъ этихъ тяжелыхъ и громоздкихъ татарскихъ сабановъ необходимо отличать легкіе, большею частью одноконные, „сабаны“, весьма употребительные у русскихъ на сѣверо-востокѣ Европы. О нихъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ (§§ 25 и 27).

VI. Лемехъ и курашимка.

25. Еще о сибирской колесухѣ. 26. Ламехъ или одноральная соха. 27. Переходные типы отъ сабана къ сохѣ. Лядовская соха и появленіе курашимокъ, исторія распространенія курашимокъ; описаніе курашимки, чегандинка, зуевка, кыласовка. 28. Гипотеза о чудскомъ происхожденіи курашимки.

§ 25. (*Еще о сибирской колесухѣ*). Въ предшествующей главѣ мы дали описаніе малороссійскаго плуга и татарскаго сабана не только въ цѣляхъ полноты своего труда о „русской сохѣ", но и въ виду того вліянія, какое оказали названныя орудія на нѣкоторые виды собственно русской сохи.

Сибирская „колесуха", которую мы подробно описали выше (§ 16), это самое распространенное теперь въ Сибири пахотное орудіе, является, въ сущности говоря, чѣмъ-то среднимъ между сохою и сабаномъ, является, такъ сказать, какъ бы ублюдкомъ, полученнымъ отъ скрещенія русской сохи съ татарскимъ сабаномъ (ведущимъ, въ свою очередь, свое начало отъ малороссійскаго плуга). Передокъ на колесахъ, стрѣла и подошва здѣсь взяты отъ татарскаго сабана; все прочее—отъ русской двуральной сохи.

Хотя относительно исторіи происхожденія и распространенія „сибирской сохи" или „колесухи" мы и не имѣемъ никакихъ документальныхъ данныхъ,—однако исторія эта довольно ясна для насъ. Русская двуральная соха, „рогалюха" или „рогулька",—какъ ее окрестили сибиряки,—въ Сибири оказалась непригодною. Здѣсь русскимъ землепашцамъ-переселенцамъ почти всюду приходилось сталкиваться съ дѣвственною почвою—или никогда еще непахотною или же очень сильно задернѣвшею.

Тою же дѣвственностью почвы нужно объяснять также замѣчательную твердость и травянистость сибирскихъ почвъ. „Рогулька", главныя преимущества которой—легкость и хорошее разрыхленіе мягкой почвы, на такихъ почвахъ оказывается безпо-

мощною, Даже въ наше время, когда дѣвственныхъ почвъ сильно поубавилось, новымъ переселенцамъ въ Сибири приходится забрасывать свои „рассейскія“ сохи и замѣнять ихъ „сибирскими“ или „колесухами“.

Въ извѣстныхъ „матеріалахъ для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губерніи за 15 лѣтъ—съ конца 70-хъ годовъ по 1893-й годъ“ мы встрѣчаемся съ указаніями на это едва не на каждой страницѣ. „Покупаютъ колесухи; свои сохи бракуютъ какъ негодныя“ (рѣчь о чувашахъ Казанской губ. [1]). „Пашутъ сибирской *сохой-шабалой*; своей пробовали, да не идетъ“ (рѣчь о переселенцахъ изъ Путивльскаго уѣзда Курской губ. [2]). „Новоселы (изъ Курской губ.) заводятъ колесянки: свои сохи не берутъ земли, черезчуръ травянистой и тяжелой [3]). „Нѣкоторые (изъ Мамадышскаго у. Казанск. губ.) привезли свои сохи рогалюхи. Пробовали ими пахать, но неудачно: онѣ пригодны только для мягкой земли и пашутъ слишкомъ мелко. Теперь бросаютъ ихъ; пашутъ ими только „отъ горя“ тѣ, кто не въ состояніи завести сибирскихъ сохъ“ [4]). „Съ прихода черниговцы, по неопытности, потерпѣли нѣсколько неудачъ, наприм. вспахали на одноконной сохѣ и засѣяли по-россійски оставленную впустѣ залежь,—но и сѣмянъ не вернули... Теперь пашутъ такъ назыв. „шабалой“, сохой съ деревяннымъ отводомъ, пермянкой-колесухой“ [5]). „Русской сохой пахать (орловцамъ было) нельзя; кто былъ въ силахъ, завелъ сибирскія“ [6]). „Многіе пробовали начать пахоту на своихъ пензенскихъ одноконныхъ сохахъ, но еле справлялись съ ними даже по мягкимъ, паханнымъ земли, а залога и не въ состояніи были поднять.“ [7]).

Такія и подобныя замѣчанія встрѣчаемъ мы въ описаніи хозяйства позднѣйшихъ переселенцевъ въ Сибирь. Рогалюхи новые сибиряки бросаютъ совсѣмъ и только кое-гдѣ оставляютъ ихъ для вспашки мягкихъ земель или жнивья [8]).

---

1) Названные „Матеріалы“, т. I, (М. 1895 г.), стр. 3.
2) Тамъ же, стр. 29.
3) Тамъ же, стр. 32.
4) Тамъ же, стр. 69.
5) Тамъ же, стр. 254.
6) Тамъ же, стр. 295.
7) Тамъ же, стр. 370.
8) См. тамъ же, стр. 10. 17, 98, 249, 307, 447.

Мало того, даже крестьянскіе плуги часто оказываются несостоятельными на тяжелыхъ и твердыхъ почвахъ Сибири. Такъ, напримѣръ, харьковцы привезли въ Сибирь нѣсколько плуговъ съ родины; и что же? оказалось, что „мягкую землю ими можно пахать, а на залогѣ ломаются“ [1]). Другіе хохлы, переселясь въ Сибирь, только „собираются“ вызвать своихъ кузнецовъ и завести свои плуги, а пока пашутъ сибирскими сохами [2]). И только въ одномъ случаѣ мы встрѣтили указаніе на то, что самая сибирская соха подверглась, въ рукахъ переселенцевъ, измѣненіямъ: въ поселкѣ Потанинскомъ „многіе уподобили обыкновенную сибирскую соху хохлацкому деревянному плугу, замѣнивъ одну разсоху двумя ножками и впрягая лошадей въ дышло“ [3]).

Хотя „колесуха“ и носитъ теперь имя „сибирской сохи“ и ей противополагаются „русскія“ или, точнѣе, „россейскія“ сохи-рогалюхи,—но въ Сибири колесуха появилась не сразу. Сибиряки-старожилы еще помнятъ кое-гдѣ то время, когда колесухъ въ Сибири не было, а были только рогалюхи [4]). Въ Восточной Сибири и теперь еще рогалюхи болѣе распространены, нежели колесухи [5]), и служатъ даже главнымъ орудіемъ пахоты [6]). Что колесуха въ Сибири шла съ запада на востокъ,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Необходимо еще замѣтить, что сибирскія „рогалюхи“ отличаются отъ европейскихъ двуральныхъ сохъ (къ послѣднимъ лучше пристало уменьшительное имя „рогульки“) своею величиною, а отчасти и своимъ устройствомъ; это отнюдь не перекладныя сохи, а „сохи съ брылой“. По своимъ размѣрамъ сибирская „рогалюха“ гораздо больше европейской „рогульки“. Вотъ условія, благодаря которымъ рогалюхи служили сибирякамъ очень долго, а въ рукахъ новыхъ переселенцевъ въ Сибирь (б. ч. изъ среднихъ губерній, гдѣ сохи перекладныя) онѣ совершенно не годятся для сибирской почвы.

[1]) Тамъ же, стр. 91, срв. 115.

[2]) Тамъ же, стр. 102.

[3]) Тамъ же, стр. 458.

[4]) Матеріалы по изслѣдов. крестьянск. и инородч. хозяйства въ Томскомъ округѣ, т. II, вып. III. (Барнаулъ, 1900 г.), стр. 41.

[5]) Матеріалы по изслѣдов. земленольз. и хоз. быта Иркутск. и Енис. губ., т. II, вып. IV, стр. 21—22.

[6]) Н. *Крюковъ*, Западн. Забайкалье, стр. 55.

Что касается до первоначальной родины колесухи, то вѣроятнѣе всего считать ею нынѣшнюю Пермскую губернію, скорѣе всего зауральскіе уѣзды этой губерніи, гдѣ условія совершенно тожественны съ собственно-сибирскими.

„Хозяйственное описаніе Пермской губерніи по гражданскому и естеств. ея состоянію“ 1813 года говоритъ объ употребленіи въ Пермской губерніи однѣхъ только одноконныхъ сохъ. И авторы „Матеріаловъ для сельскохозяйственной статистики Пермской губерніи“ довѣряютъ этому свидѣтельству безъ всякихъ сомнѣній. Между тѣмъ, данныя земской статистики свидѣтельствуютъ, что курашимкѣ, начавшейся распространяться въ 1870 годахъ, въ Пермской губерніи всюду предшествовали двуконные „сабаны“ (иногда двуральные) и двуконныя сохи [1]); причемъ, наприм. въ Красноуфимскомъ уѣздѣ такой двуконный сабанъ существовалъ очень давно. Хотя сколько-нибудь подробнаго описанія этихъ „сабановъ“ въ нашемъ распоряженіи не имѣется, но есть указанія (изъ Шадринскаго уѣзда), что они были „на колесахъ“, т. е. съ передкомъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ со всѣми другими отрывочными свѣдѣніями объ этихъ двуконныхъ сабанахъ“, даютъ намъ право заключать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣми же самыми пахотными орудіями, какія теперь извѣстны подъ именемъ „сибирскихъ сохъ“ или „колесухъ“. Названіе „сабанъ“ для этихъ послѣднихъ столь же обычно. Автору „Хозяйств. опис. Пермск. губ.“ 1813 года эти колесухи могли просто-на-просто остаться неизвѣстными: Пермская губернія слишкомъ обширна.

Во всякомъ случаѣ, мы съ несомнѣнностью знаемъ, что сибирская колесуха употреблялась въ половинѣ XIX вѣка въ Челябинскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи: орудіе это описываетъ *В. Черемшанскій* [2]) подъ именемъ „сабана“ (съ двумя, а иногда и съ однимъ сошникомъ, съ передкомъ), который онъ справедливо отличаетъ отъ „татарскаго сабана“. Единственное отличіе описаннаго здѣсь орудія отъ колесухи въ наличности отрѣза (ножа), котораго у колесухи обычно не бываетъ.—А между тѣмъ, орудію

---

[1]) Матеріалы для сельскохоз. стат. Пермск. губ., вып. II, (III, 1880 г.), стр. 86 и 94; вып. I, стр. 23.

[2]) Опис. Оренб. губ., стр. 305. Стóитъ отмѣтить, что грядиль этого сабана носитъ здѣсь имя „*лисы*“ или „кріулины“; „стрѣлою“ же называется желѣзная, съ винтомъ, стойка.

этому легче всего было проникнуть въ названную губернію изъ предѣловъ нынѣшней Пермской губ.

Можно еще прибавить, что, при своихъ переселеніяхъ въ Сибирь, жители Пермской губерніи обыкновенно сохраняютъ у себя свои старыя сохи, т. е. сохи-колесухи. Въ цитованныхъ выше „Матеріалахъ для изученія быта переселенцевъ" мы встрѣчаемъ, напр., такія замѣчанія о переселенцахъ: „пермяки изстари пашутъ сибирскими сохами, а остальные примѣнились къ этимъ сохамъ" [1]; „пашутъ сибирскими сохами, которыя употреблялись и на родинѣ", т. е. въ Пермской губ. [2]). Въ нѣкоторые округи Иркутской губерніи колесухи были впервые привезены переселенцами изъ Пермской губерніи и отъ нихъ уже распространились и у прочихъ жителей [3]).

До сихъ поръ мы говорили о колесухѣ съ двумя ральниками. Столь же почти употребительны, особенно въ послѣднія десятилѣтія, и колесухи съ однимъ лемехомъ. Разница этихъ послѣднихъ отъ первыхъ только въ томъ, что у нихъ два ральника замѣнены однимъ лемехомъ, причемъ самая форма лемеха осталась та же самая: если оба ральника двуральной колесухи склепать въ одинъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они всегда насаживаются на „ножку" (т. е. подошву или полозъ) колесухи, то получится лемехъ одноральной колесухи. Послѣдній имѣетъ, такимъ образомъ, форму равнобедреннаго треугольника, у котораго лѣвый бокъ загнутъ вверхъ подъ прямымъ угломъ. Загибъ этотъ —прямое наслѣдіе сошной "брылы"; служитъ онъ вмѣсто рѣзца или ножа, отрѣзывающаго пластъ сбоку.

Такой единичный лемехъ сибирской колесухи слыветъ въ Сибири подъ именами: „ворона", „одинарецъ" (отъ слова: одинъ), а шуточно и „ординарецъ". „Одинарцемъ" называютъ кое-гдѣ и всю одноральную колесуху, т. е. самое орудіе; но гораздо чаще это послѣднее носитъ въ такомъ случаѣ имя „сабана". Хотя „сабаномъ" нерѣдко зовутъ въ Сибири и всякую колесуху [4]), но пре-

[1]) Томъ I, стр. 240.

[2]) Тамъ же, стр. 56.

[3]) Матеріалы по изслѣдов. земледѣльч. и хозяйств. быта Иркутской и Енисейской губ., т. II, вып. IV, стр. 22, примѣч.

[4]) Въ Пермской и Оренбургской губ. для колесухи нѣтъ даже и другого имени, кромѣ „сабана".

имущественно это имя присвояется колесухѣ съ однимъ лемехомъ [1]). Въ отличіе отъ „одинарцевъ“ или собственно-сабановъ, двуральныя колесухи называютъ кое-гдѣ „двойчатками“ [2]).

Эти „двойчатки“ считаются болѣе удобными на очень тяжелыхъ и твердыхъ почвахъ, тогда какъ „одинарцы“—на почвахъ мягкихъ.—Другое отличіе между ними касается ихъ историческаго прошлаго: хотя всѣ почти авторы, писавшіе или хотя бы только упоминающіе о колесухѣ, говорятъ о существованіи рядомъ и одновременно двухъ видовъ этого орудія: съ однимъ лемехомъ и съ двумя,—но имѣются и такія свидѣтельсва, что „одинарцы“ явились позднѣе двуральныхъ колесухъ [3]). И эти свидѣтельства заслуживаютъ полнаго довѣрія, такъ какъ они согласуются вполнѣ со всѣмъ тѣмъ, что́ мы знаемъ о колесухахъ.

Необходимо еще замѣтить, что тѣже самыя колесухи, какъ двуральныя, такъ и особенно однолемешныя, извѣстны въ Сибири еще подъ цѣлымъ рядомъ другихъ названій, чисто географическаго характера. Таковы: „тюменка“, „россейка“, „пермянка“, „кунгурскій сабанъ“ или „кунгурка“, „ваганка“ и др. [4]). Все это, повторяемъ, одно и то же орудіе, по своему устройству вполнѣ сходное съ обыкновенною сибирскою колесухою, иногда только съ какими-нибудь ничтожными измѣненіями въ мелочахъ. Происхожденіе свое имена эти ведутъ отъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ данныя орудія изготовляются или откуда они привозятся въ Сибирь. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время сибиряки, по крайней мѣрѣ въ Западной Сибири, не стали довольствоваться сохами мѣстнаго и домашняго изготовленія, какъ это было до сихъ поръ. На сибирскихъ рынкахъ появились во множествѣ сохи-колесухи заводской или кустарной работы, изготовляемыя преимущественно въ Пермской губерніи. Отсюда и названія „пермянка“, „кунгурка“, „россейка“, „Тюменками“, наприм., въ округѣ называютъ колесухи,

---

1) Матеріалы по изслѣдов. землепольз. и хоз. быта Иркутской и Енисейской губ., т. IV, вып. IV, стр. 49.

2) Матер. по изслѣд. крестьянск. и инородч. хозяйства въ Томскомъ окр., т. II. вып. III, стр. 38.

3) Тамъ же, стр. 39.

4) Тамъ же, стр. 39—40; матер. по изслѣдов. крестьянск. и инородч. хоз. въ Бійскомъ уѣздѣ, вып. I, стр. 54; вып. II, стр. 42; вып. III, стр. 59; Матер. для изуч. эконом. быта госуд. крестьянъ и инородц. Зап. Сибири, вып. I, стр. 163; вып. II, стр. 50.

изготовляемыя даже и не въ Тюмени, а въ Пермской губерніи; названіе же произошло только отъ того, что сабаны эти обыкновенно привозятся въ Томскъ и Колывань пароходами изъ города Тюмени [1]).

Разумѣется, что эти привозныя колесухи, какъ сдѣланныя мастерами своего дѣла, легче и лучше, почему и работа на нихъ производится быстрѣе. Отвалъ у такихъ сохъ большею частью желѣзный. Этимъ и объясняется сравнительно очень быстрое распространеніе въ Сибири такихъ привозныхъ орудій. Первый починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, кажется, переселенцамъ, которымъ волей-неволей приходилось заводить въ Сибири новыя сохи.

§ 26. (*Лемехъ или однoральная соха*). Въ описанной сибирской колесухѣ мы имѣемъ русскую соху, которую сибирякъ поставилъ на колесный передокъ, взятый имъ отъ татарскаго сабана. Отъ этого же послѣдняго сибирякъ взялъ еще полозъ (подошву, представленную въ колесухѣ въ видѣ „ножки“ или „пяты“ разсохи), а также широкую и большую отвальную доску, ту самую „шабалу“, которая дала нѣкоторымъ переселенцамъ поводъ окрестить сибирскую колесуху „сохой-шабалой“ или „телѣжною шабалой“ [2]), т. е. шабалой съ колесами. Въ дальнѣйшемъ же и два ральника сохи были соединены въ одинъ большой лемехъ, что опять-таки произошло врядъ ли безъ вліянія со стороны того же самаго „татарскаго сабана“.

Если, повторяемъ, колесуха представляетъ собою видоизмѣненіе русской сохи „по образу и подобію“ татарскаго сабана,— то въ прославленной „курашимкѣ“ мы имѣемъ татарскій сабанъ, снятый русскимъ кузнецомъ и землепашцемъ съ колеснаго передка и видоизмѣненный по подобію русской сохи. Отъ сабана въ курашимкѣ осталось только таже „ножка“ или „пята“ (т. е. подошва, полозъ), совершенно чуждая русской сохѣ, а также нѣкоторыя отличія въ устройствѣ отвала. Сказалось ли это вліяніе

---

1) Матеріары по изслѣд. крест. и инор. хоз. въ Томскомъ окр., томъ II, вып. III, стр. 39.

2) Матер. для изуч. быта переселенцевъ... Тобольской губ., т. I стр. 254 и 43.

также и въ лемехѣ курашимки и насколько оно сильно?—Этотъ послѣдній вопросъ не совсѣмъ ясенъ. Для наилучшаго его разрѣшенія необходимо познакомиться еще съ однимъ видомъ русскаго пахотнаго орудія, извѣстнаго подъ именами: "лемехъ" или „одноральная соха".

Главною областью распространенія лемеха служитъ въ наше время громадная Вятская губернія. Здѣсь лемехъ распространенъ почти повсюду и только въ недавнее сравнительно время вытѣсняется—на западѣ губерніи косулей, а на востокѣ—курашимкой. Распространеніе лемеха шло здѣсь, судя по даннымъ земской статистики [1]), въ направленіи съ юго-запада (изъ Яранскаго уѣзда) на востокъ и на сѣверъ, т. е. въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ распространялась здѣсь и косуля. Но лемехъ господствовалъ раньше косули и проникъ дальше послѣдней на востокъ. Такъ, въ Сарапульскомъ уѣздѣ въ 1889—90 годахъ было насчитано лемеховъ нѣсколько тысячъ штукъ, тогда какъ косуль только 99, да и тѣ занесены переселенцами изъ Нолинскаго уѣзда [2]).

Древнѣйшее упоминаніе о томъ пахотномъ орудіи, которое извѣстно теперь подъ именемъ лемеха, мы имѣемъ въ „Обозрѣніи сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 годахъ". Описывая крестьянское хозяйство въ удѣльныхъ имѣніяхъ Яранскаго и Уржумскаго уѣздовъ, авторъ даетъ понятіе о „вятской сохѣ", т. е. о сохѣ съ брылой, и затѣмъ продолжаетъ: „землю съ кореньями пашутъ въ двѣ лошади сохою, похожею на вышеописанную (т. е. на вятскую соху съ брылой), но съ однимъ нераздвоеннымъ сошникомъ, чтобы коренья, попадающіе въ промежутокъ сошниковъ, не останавливали орудія" [3]).

Такъ какъ тутъ разумѣется отнюдь не косуля, которую цитуемый авторъ только что описалъ выше подъ именемъ „царевосанчурской косули",—то есть всѣ основанія полагать, что это былъ именно нынѣшній „лемехъ" Вятской губерніи. Дѣло въ томъ, что если у обыкновенной „вятской сохи" (т. е. сохи съ брылой) сое-

---

[1]) Матеріалы по стат. Вятск. губ., т. I, стр. 74—75.

[2]) Тамъ же, т. IX, ч. I, стр. 92, 88 и 85. Мѣстные лемехи, впрочемъ, отчасти смѣшались съ тѣми легкими одноконными сабанами, о которыхъ рѣчь у насъ ниже (§ 27).

[3]) Обозрѣніе сельск. хоз., стр. 117.

динить оба ральника въ одно цѣлое, то получится именно „лемехъ.“ Ральникъ этого послѣдняго имѣетъ видъ широкаго равнобедреннаго треугольника (точнѣе, пожалуй: полукруглой желѣзной лопатки), лѣвый край котораго загнутъ подъ прямымъ угломъ кверху и служитъ вмѣсто отрѣза.

Слѣдующее, по времени, упоминаніе о разсматриваемомъ нами орудіи относится къ 1858 году. На бывшую въ этомъ году сельскохозяйственную выставку въ гор. Вяткѣ была представлена священникомъ Емельяновымъ изъ Вятской губерніи одноральная соха, по своему устройству тожественная съ нынѣшнимъ лемехомъ. Въ отчетахъ о выставкѣ она разсматривается, какъ простое видоизмѣненіе двуральной вятской сохи, сдѣланное названнымъ священникамъ [1]).

По даннымъ вятской земской статистики, въ Уржумскій уѣздъ лемехи проникли изъ Яранскаго „лѣтъ 20—30 тому назадъ“ (считая отъ 1880 года), а въ Малмыжскій уѣздъ—изъ Уржумскаго, „лѣтъ 10 тому назадъ“.—Что касается подробностей въ устройствѣ этого орудія, то онѣ въ разныхъ мѣстахъ губерніи несовсѣмъ одинаковы. Напримѣръ, иногда бываетъ у „лемеха“ желѣзная полица съ трубницей и деревянною ручкою, укрѣпляемою въ подвояхъ; иногда же—желѣзный отвалъ съ петлею назади, которою онъ и укрѣпляется на особомъ крючкѣ разсохи. Точно также, вмѣсто подвоевъ у однихъ „лемеховъ“ бываетъ деревянный стужень, а у другихъ—желѣзный стержень. Наконецъ, правая оглобля бываетъ то выгнутою, то прямою, какъ и лѣвая. Но главныя черты лемеха всюду одинаковы; это—описанное выше устройство ральника, который всегда одинъ; отсутствіе ножа или отрѣза; разсоха „лемеха“ оканчивается внизу небольшой „ножкой“ или „пятой“ (зародышевый полозъ), на которую и насаживается ральникъ [2]).

Въ Слободской уѣздъ Вятск. губ. лемехи проникли изъ Яранскаго у. въ 70 годахъ (Вятск. Губернск. Вѣд. 1879, № 16). Въ Мухинской волости этого уѣзда „лемехъ“ извѣстенъ подъ свое-

[1]) Зап. Казанск. Эконом. Общ. 1859, ч. I, № 4, стр. 135. (ст. Н. *Барановскаго*).

[2]) Свѣдѣнія о Вятскихъ лемехахъ въ „Матеріалахъ по статист. Вятск. губ.“, томъ I, стр. 74—75, т. II, 35, т. VII, ч. I, стр. 88, т. V, стр. 57, см. также „Матеріалы по описанію промысловъ Вятской губерніи“, вып. I, (Вятка 1889), стр. 218—219.

образнымъ именемъ: *леванъ*. „Широкій окрылокъ“,—замѣчаетъ наблюдать: „приближаетъ леванъ къ типу косуль“ [1]).—Въ Котельническомъ уѣздѣ „лемехомъ“ (по старой памяти?) называютъ иногда косулю [2]).

Что касается другихъ губерній, то „лемехъ“ встрѣчается еще въ Уфимскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ распространенъ „гораздо больше, чѣмъ соха съ (перекладной) полицей“. Имя „лемехъ“ тамъ, кажется, неизвѣстно. Наблюдатель называетъ это орудіе „сохою съ однимъ сошникомъ, имѣющимъ форму треугольника, верхній уголъ котораго загнутъ вверхъ и къ нему прилажена деревянная доска, напоминающая плужный отвалъ“ [3]). Тѣ же самыя „односошниковыя, съ деревянной доской“, сохи отмѣчены также въ Стерлитамацкомъ и Белебеевскомъ уѣздѣ [4]).

Мнѣ пришлось наблюдать такой же точно „лемехъ“ у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда.

Мы привели здѣсь рѣшительно все, что только могли узнать объ этомъ загадочномъ орудіи, носящемъ имя „лемеха“. Орудіе столь малоизвѣстно, столь невидно, а между тѣмъ родной братъ его, и притомъ братъ младшій, гремитъ, можно сказать, на всю Россію. Этотъ меньшій братъ лемеха—„курашимка“. Дѣло въ томъ, что сколько-нибудь существенныхъ отличій въ устройствѣ „лемеха“ и „курашимки“ совсѣмъ нѣтъ, въ частности, ральники у нихъ совершенно тожественны. При всемъ томъ исторія ихъ такъ различна!

„Лемехъ“ гораздо старше „курашимки“, появленіе которой относится къ 60—70 годамъ XIX столѣтія. Области, въ которыхъ возникли и широко распространились оба эти орудія, смежны между собою. При всемъ томъ, прямой связи между двумя этими, столь близкими одно къ другому, орудіями, не было. Исторія появленія „курашимки“ намъ сравнительно хорошо знакома и въ этой исторіи „лемехъ“ никакой роли не играетъ. Ясно, что два

[1]) Матер. по стат. Вятской губ., т. XI, ч. I, стр. 54.

[2]) Тамъ же, т. X, часть I, стр. 84; рукопись ***М. Корякина*** въ бумагахъ Вятск. Губ. Стат. Комит О лемехахъ Вятскаго уѣзда кое-что сообщаетъ ***В. Вахрушевъ*** (въ тѣхъ-же рукописяхъ Вятск. Стат. Ком.): лемехи здѣсь, въ противоположность сабанамъ и косулямъ, рѣдки, но изготовляются еще и теперь, по заказамъ, въ д. Шалевской, Якшинской волости.

[3]) Сборн. статист. свѣдѣній по Уфимск. губ , т. I, стр. 351.

[4]) Тамъ же, т. II, стр. 690 и т. IV, стр. 528.

эти орудія возникли совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга, возникли какъ плодъ одинаковыхъ условій.

Какія же это условія?

Пользующіеся „лемехомъ“ крестьяне указываютъ на то главное преимущество названнаго орудія передъ сохой, что лемехомъ лучше пахать почву, сильно заросшую сорными травами, особенно „полевикомъ“ и папоротникомъ. Корни полевика обыкновенно застреваютъ въ щели между двумя ральниками и тѣмъ затрудняютъ движеніе сохи. Для лошади „лемехъ“ также легче; и наконецъ, онъ дольше терпитъ: ральникъ его не такъ скоро истирается. Указываютъ еще, будто бы „лемехъ“ хорошо разрѣзаетъ крѣпкіе и глубокіе корни папоротника, которые ральниками сохи разрѣзаются съ большимъ трудомъ [1]. Но это обстоятельство зависитъ не отъ разницы въ устройствѣ этихъ двухъ орудій, а отъ того, что ральники сохи всегда болѣе или менѣе тупы, а ральникъ „лемеха“ острый.

Какъ видимъ, собственныя преимущества „лемеха“ передъ двуральною сохою „съ брылой“ очень не велики. И уже отсюда можно предполагать, что орудіе это не получило бы широкаго распространенія, если бы къ тому не было еще какой-либо внѣшней причины. Такую внѣшнюю причину мы видимъ въ примѣрѣ инородцевъ, пользующихся одноральными орудіями. Къ Яранскому уѣзду, который приходится признать едва ли не колыбелью „лемеха“, весьма близокъ Казанскій край, гдѣ издавна употреблялся „татарскій сабанъ“. Вліяніе этого послѣдняго мы усматриваемъ въ мѣстномъ „лемехѣ“, точно такъ какъ же, какъ это вліяніе сказалось въ „курашимкѣ“ и въ одноральной сибирской колесухѣ („сабанѣ“): ральники этихъ орудій совершенно тожественны съ ральникомъ „лемеха“.

Признаемся, что на основаніи одной этой черты сходства мы бы еще не рискнули утверждать наличность такого вліянія. Но есть и другая сходная черта. Разумѣемъ тотъ зачаточный полозъ (подошву), который русской сохѣ вообще совершенно чуждъ и который, однако, одинаково присутствуетъ, въ видѣ „пяты“ или „ножки“ разсохи, и у „лемеха“, и у “курашимки“, и у „колесухи“. Что эта особенность всѣхъ названныхъ орудій обязана вліянію татарскаго сабана,—въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе.

[1]) Матер. по стат. Вятск. губ., ч. I, 74.

§ 27. (*Курашимка*). Когда великоруссы, со своею легкою двуральною сохой, проникли въ приуральскія степи, они встрѣтили здѣсь большое затрудненіе при первой вспашкѣ этихъ степей. Легкая соха не годилась для этого. Невольно пришлось обратиться къ орудію туземныхъ жителей-инородцевъ, т. е. къ тяжелому татарскому сабану (см. § 24). Но это тяжелое, громоздкое и неуклюжее орудіе пришлось сильно не по нутру великоруссу, привыкшему къ своей легкой сохѣ—почти игрушкѣ. И вотъ, одни, какъ мы видѣли, создали переходное орудіе: увеличивъ въ размѣрахъ свою матушку-соху, поставили ее на занятый отъ сабана колесный передокъ (§ 25). Другіе задумали, напротивъ, снять сабанъ съ передка, чтобы черезъ то облегчить его и приблизить къ своей сохѣ.

Такъ возникли легкіе, одноконные „сабаны", изъ которыхъ потомъ образовалась и „курашимка", вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ, подобныхъ ей, пахотныхъ орудій.

Переходныхъ типовъ отъ сабана къ сохѣ было, конечно, весьма много. Не всѣ они описаны. Но и изъ описанныхъ мы назовемъ только нѣкоторые, болѣе интересные для насъ въ томъ или иномъ отношеніи.

Одинъ изъ такихъ переходныхъ типовъ описанъ Палласомъ подъ именемъ „Сибирской сохи" [1]). Орудіе это ближе къ сохѣ, нежели къ сабану: передка у него нѣтъ, а обыкновенная „плаха съ рогачами", т. е. плотина съ рогалемъ. Но „сошникъ не всегда двойной, а больше одинакой (т. е. одинъ), широкъ и подобенъ нѣмецкому, назади съ отвалкою". Послѣднія слова нужно понимать, кажется, въ томъ смыслѣ, что задняя часть лемеха служитъ вмѣсто отвала.—Палласъ встрѣтилъ такую соху въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ дер. Новой Имянной на р. Турѣ,

Въ половинѣ XIX столѣтія „легкіе одноконные сабаны" упоминаются въ Камышловскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ Пермской губ. [2]). Около того же времени „одноконные сабаны съ желѣзной квадратной шабалой" появились и въ Пермскомъ уѣздѣ (въ Слуд-

[1]) *П. Палласъ*, Путешествіе по разн. мѣст. Росс. госуд., ч. II, кн. I, стр. 274.

[2]) *Х. Мозель*, Пермская губ. Матер. для геогр. и стат. (Спб. 1864), ч. II, стр. 30.—Срв. также § 33, о „малыхъ сабанахъ" астраханскихъ татаръ.

ской волости [1]). Позднѣе, уже послѣ появленія курашимки, мы сталкиваемся съ тѣмъ же сабаномъ, напримѣръ, въ Оханскомъ уѣздѣ, причемъ узнаемъ, что сабаны эти унаслѣдовали отъ своихъ инородческихъ предковъ такъ назыв. „башмакъ“ или „пяту“ (т. е. подошву, родъ полоза). Иногда этотъ „башмакъ“ оковывался желѣзомъ. Ральникъ у такого сабана всегда былъ одинъ, не раздвоенный, но сравнительно очень большой: не уже, въ своей задней или верхней части, шести вершковъ [2]).

Въ 1865—68 годахъ въ Пермскомъ уѣздѣ появился сильный соперникъ такому сабану, которымъ пахать на одной крестьянской лошади было еще довольно тяжело,—въ видѣ такъ называемой „Лядовской сохи“. Названіе это произошло отъ имени села въ Усть-Сылвинской вол. Пермскаго уѣзда—Ляды. Здѣсь изготовлялись эти новыя сохи, въ которыхъ сабанъ еще болѣе приблизился къ сохѣ.

„Лядовская соха“ имѣла одинъ лемехъ, „съ овалообразною рѣжущею частью“; деревянную или желѣзную шабалу (отвальную доску), поставленную довольно круто; выгнутыя, на подобіе дышла, оглобли (при такомъ устройствѣ оглобель, по словамъ крестьянъ, лошади пахать гораздо легче) и одинъ или два подвоя, сдѣланныхъ изъ древеснаго корня [3]).

Такія „лядовскія сохи“, равно какъ и прямые предшественники ихъ—описанные нами выше „сабаны“, теперь уже давно не существуютъ. Но онѣ имѣютъ большое историческое значеніе, потому что лядовская соха была, такъ сказать, родною матерью знаменитой курашимки.

Попавъ въ руки курашимскаго кузнеца *Ник. Ник. Паюсова*, лядовская соха была имъ нѣсколько видоизмѣнена и въ такомъ видоизмѣненномъ видѣ стала въ громадномъ количествѣ выдѣлываться въ мастерскихъ названнаго кузнеца, а потомъ и другихъ мѣстныхъ кустарей. Въ продажѣ эти сохи тогда же получили названіе „курашимскихъ сохъ“.

---

1) Матер. для сельскохоз. стат. Пермской губ., вып. I, стр. 22.

2) Н. А. *Курбатовъ*, О положеніи сельск. хоз. въ Оханск. уѣздѣ (Сборникъ Пермскаго Земства, 1887 года, № 14, стр. 224; тоже и въ „Журналахъ Оханск. уѣздн. земск. собранія XVII-й сессіи (Сарапулъ, 1887), стр. 174).

3) *П. Харитоновъ*, Производство курашимскихъ сохъ въ Пермской губ. (Сборн. Пермскаго Земства, 1887 г., № 23, стр. 379).

Видоизмѣненіе, которому Паюсовъ подвергъ лядовскую соху, заключалось въ слѣдующемъ. Изъ овалообразной рѣжущей части ральника онъ сдѣлалъ острый уголъ, такъ что ральникъ получилъ видъ равнобедреннаго треугольника. Желѣзную шабалу онъ поставилъ гораздо положе, что́ больше подходитъ къ глинистымъ почвамъ курашимскихъ полей. Древесные подвои онъ замѣнилъ однимъ желѣзнымъ стержнемъ; а оглобли обѣ сдѣлалъ прямыми. Такая соха оказалась очень легкою и удобною въ работѣ [1]).

Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не могли найти никакихъ указаній на то, имѣлся ли въ лядовской сохѣ тотъ загибъ лѣваго края лемеха, который (загибъ) составляетъ отличительную черту курашимки. Нужно думать, что не только лядовская соха, но и прежніе легкіе сабаны, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, были съ такимъ загибомъ.

Изобрѣтеніе Паюсова имѣло громадный успѣхъ, благоря главнымъ образомъ чисто внѣшнимъ условіямъ. Курашимъ—давно недѣйствующій мѣдноплавильный заводъ [2]) Кунгурскаго уѣзда—издавна былъ своего рода разсадникомъ крестьянскихъ земледѣльческихъ орудій: здѣсь изготовлялись желѣзныя части для сохъ и боронъ. Близость къ Курашиму Перми, Кунгура и Бирска (извѣстнаго своею ярмаркою 18 января), а также большихъ торговыхъ селъ, весьма облегчали сбытъ курашимскихъ сохъ. Слава о новыхъ сохахъ возростала; благодаря газетамъ, о нихъ узнали даже въ Орловской губерніи, откуда были довольно значительные заказы курашимскимъ кустарямъ. Спросъ родитъ предложеніе, и мѣстные „сохолады“ скоро открыли въ Курашимѣ и сосѣдней деревнѣ Платошной 15 „сохоладныхъ“ мастерскихъ. Въ годъ выдѣлывалось до $7^1/_2$ тысячъ „курашимокъ“. Цѣна на нихъ упала съ первоначальныхъ пяти рублей до трехъ и даже до $2^1/_2$ рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, падало и качество издѣлій: ральники выдѣлывались изъ плохого желѣза, устанавливались кое-какъ и т. п. [3]).

Курашимки быстро распространились въ сосѣднихъ губерніяхъ—Вятской и Уфимской. Въ 1870 году курашимки появи-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Основанъ въ 1740 году.

[3]) Тамъ же, стр. 380.

лись въ Красноуфинскомъ уѣздѣ [1]); а въ 80 годахъ мы ихъ видимъ уже въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губерніи [2]), куда онѣ завезены были изъ Перми и Сарапула, а также въ Вятскомъ и другихъ западныхъ уѣздахъ Вятской губерніи [3]). Скоро появились въ разныхъ мѣстахъ свои мастера курашимокъ. На выставкѣ въ Казани въ 1886 году „Камско-Воткинская артель" (Сарапульск. у. Вятск. губ.) выставила курашимку своего издѣлія подъ именемъ „кунгурской сохи" [4]). Явились и новые изобрѣтатели, которые различнымъ образомъ видоизмѣнили курашимку.

Объ этихъ видоизмѣненіяхъ мы скажемъ ниже, а теперь дадимъ описаніе курашимки, какъ таковой.

Корпусъ или станокъ курашимки близокъ къ корпусу обыкновенной сохи. Двѣ прямыя оглобли укрѣплены задними своими концами въ рогалѣ и соединены между собою деревяннымъ перечнемъ (т. назыв., въ Красноуфимскомъ у., пасынкомъ.) Но разсоха курашимки оканчивается внизу „ножкой" („пятой", „сидѣньемъ"), на которую надѣвается лемехъ и которой у обыкновенной русской сохи, равно какъ и у косули, не бываетъ. Эта „ножка"— наслѣдіе отъ татарскаго сабана, праотца курашимки; она представляетъ собою простое расширеніе разсохи, на которомъ соха можетъ стоять или, по народному выраженію, „сидѣть"; иногда она обивается листовымъ желѣзомъ. Вмѣсто сошныхъ подвоевъ, у курашимки одинъ желѣзный прутъ, передній конецъ котораго имѣетъ видъ кольца, обхватывающаго перечень, а задній конецъ огибаетъ лѣвый бокъ разсохи и прикрѣпляется къ задней поверхности этой послѣдней при посредствѣ винта съ гайкой.

Такое устройство подвоя даетъ возможность регулировать ширину вспахиваемаго пласта. Для этого находящееся на верхнемъ концѣ желѣзнаго подвоя кольцо подвигаютъ по перечню влѣво или вправо: для увеличенія ширины пласта его подвигаютъ

1) Матеріалы для сельскохоз. статист. Пермской губ., вып. I, стр. 21.

2) Матеріалы по статист. Вятской губ., т. XI, ч. I, стр. 51.

3) Тамъ же, томъ IV, стр. 45, т. V, 57.—Въ Сарапульск. у., по подсчету 1889—90 г., курашимки составляли четвертую часть всѣхъ имѣющихся у крестьянъ пахотныхъ орудій. (Тамъ же, т. IX, ч. I, стр. 85).

4) Сборн. Пермскаго Земства, 1887 г. № 7—8, стр. 80.

влѣво—тогда полевой край лемеха (съ загибомъ кверху, съ рѣзцомъ) опускается и начинаетъ рѣзать пластъ шире, но за то вмѣстѣ съ тѣмъ поднимается правый край (горизонтальный) лемеха, и подрѣзываемый имъ пластъ будетъ мельче. Для уменьшенія ширины пласта кольцо подвигаютъ вправо по перечню: тогда полевой край лемеха поднимается и становится круче, а работающій (правый) край, напротивъ, опускается—пластъ будетъ у́же, но вспашка глубже.

Иногда такого кольца въ курашимкахъ не бываетъ или же непривыкшій къ орудію пахарь не умѣетъ имъ пользоваться, Тогда для того, чтобы пахать глубже и у́же, пахарь нѣсколько скашиваетъ корпусъ всей сохи вправо. Изъ Красноуфимскаго уѣзда мы имѣемъ свѣдѣнія, что тамъ пахари *всегда* пашутъ курашимкой, наклонивъ ее нѣсколько вправо; при этомъ и дно борозды дѣлается прямѣе: обыкновенно же оно имѣетъ видъ корыта [1]).

И этотъ способъ регулированія пласта, и этотъ видъ борозды будутъ понятны намъ, если мы представимъ себѣ лемехъ курашимки. Лѣвая сторона этого лемеха приподнята и обращена своимъ остріемъ кпереди. Правый, горизонтально лежащій, край лемеха подрѣзываетъ пластъ снизу; лѣвый же, приподнятый, край лемеха отрѣзываетъ пластъ сбоку, замѣняя отрѣзъ косули или плуга. Но загибъ лѣваго края лемеха дѣлается обыкновенно не подъ прямымъ угломъ къ плоскости лемеха, а подъ тупымъ. Вотъ почему, подвигая верхъ подвоя или наклоняя весь корпусъ сохи вправо, тѣмъ самымъ придаютъ загибу лемеха вертикальное положеніе, отчего пластъ выпахивается у́же, но глубже.

Что же касается до глубины вспашки, то она регулируется точно такъ же, какъ и въ обыкновенной сохѣ—при посредствѣ черезсѣдельника: длиннѣе черезсѣдельникъ—вспашка глубже, короче—вспашка мельче.

Отвалъ у курашимки имѣетъ поверхность вогнутую, цилиндрическую, шириною по верхнему краю въ 10 вершк. Отвалъ этотъ всегда желѣзный; онъ плотно пригоняется къ краямъ лемеха и своимъ лѣвымъ (полевымъ) краемъ, вмѣстѣ съ лѣвымъ краемъ лемеха, далеко выступаетъ за лѣвый бокъ разсохи. Къ разсохѣ онъ привинчивается винтами, но лежитъ большею частью

---

[1]) Н. *Сколозубовъ*, Соха курашимка. Описаніе ея. Sine loco et anno. По каталогу Библіотеки И. Вольн. Эконом. Общ. № 136 $^{3}/_{20}$.

не непосредственно на разсохѣ, а между отваломъ и разсохою помѣщается довольно высокій клинъ, вслѣдствіе чего отвалъ становится довольно круто [1]).

Описанное орудіе слыветъ въ народѣ подъ разными наименованіями: курашимка, курашимская соха, курашимскій сабанъ или просто: сабанъ, полусабанокъ, сабанчикъ, кунгурка или кунгурская соха, пермянка.

Въ Сарапульскомъ уѣздѣ встрѣчается (безъ особаго названія) видоизмѣненіе курашимки, отличающееся отъ этой послѣдней только черемуховыми подвоями и болѣе ýзкимъ деревяннымъ отваломъ [2]).

Болѣе распространенное въ томъ же, а также и въ сосѣднемъ Елабужскомъ уѣздѣ видоизмѣненіе курашимки носитъ имя „чегандинки" или „чегандинскаго сабана". Родина его—Чегандинская волость Сарапульск. у., отъ которой ведетъ свое начало и имя орудія. Отличія его отъ курашимки очень несущественны. Въ древнѣйшемъ изъ двухъ существующихъ теперь видовъ чегандинки желѣзный подвой курашимки замѣненъ деревяннымъ, вязовымъ, „крюкомъ", и только „Крюкъ" этотъ служитъ и для регулированія ширины вспахиваемаго пласта. Въ другомъ, новѣйшемъ, видѣ чегандинки для этой послѣдней цѣли служитъ деревянный же стужень, со скобою на верхнемъ своемъ концѣ, передвигаемою по перечню, но рядомъ съ нимъ имѣется еще и желѣзный повой, стягивающій перечень съ разсохой и тѣмъ сообщающій корпусу чегандинки бóльшую прочность.

Разсоха чегандинки въ нижней своей части имѣетъ выступъ вправо: въ это широкое мѣсто разсохи и укрѣпляются подвои. Лемехъ у (см. чер. № 27) чегандинки такой же, какъ и у курашимки: также съ вертикально отогнутымъ лѣвымъ краемъ. Но отвалъ у чегандинки меньше и, главное, подвиженъ. Для прикрѣпленія отвала къ разсохѣ служитъ здѣсь прямоугольная скоба, приклепанная къ отвалу сзади въ видѣ треугольника. Этою скобою от-

---

1) О курашимкѣ см. еще, кромѣ цитованныхъ выше работъ, „Матеріалы по опис. промысл. Вятской губ.", вып. I, стр. 213—215; Сборн. статист. свѣд. по Уфимской губ., т. I, стр. 351—352, и т. II, стр. 690.

2) Матер. по стат. Вятской губ., т. VII, ч. I, стр. 88.

валъ надѣвается на крюкъ, привинченный къ разсохѣ и можетъ передвигаться на немъ вправо и влѣво [1]).

Небезъ извѣстный въ Вятской губ. „туташевскій сабанъ", получившій свое имя отъ дер. Туташева (Больше-Кибьинской вол. Елабужскаго у.), ничѣмъ почти не отличается отъ только-что описанной чегандинки [2]).

Чегандинки очень быстро распространяются въ юговосточной части Вятской губерніи. Крестьяне предпочитаютъ ихъ курашимкамъ, указывая на слѣдующія ихъ преимущества: чегандинка прочнѣе, лучше оборачиваетъ пластъ (курашимка де только ставитъ пластъ ребромъ и оставляетъ въ полустоячемъ положеніи) и лучше разрыхляетъ, дробитъ пластъ.

Зуевка, которую мѣстные авторы считаютъ чѣмъ-то среднимъ между „лемехомъ" и чегандинкой [3]), представляетъ собою орудіе, весьма близкое къ курашимкѣ. Отличіе только въ отвалѣ, который надѣвается трубицей на деревянную рукоятку, укрѣпляющуюся въ подвояхъ. Отвалъ постепенно расширяется кверху, съ своей правой стороны: ширина его вверху до 12 вершк., а внизу только до 6 вершк.—Имя свое зуевка получила отъ починка Зуева, Пьяноборской вол. Елабужскаго у., гдѣ ея родина. Распространяется она тамъ же, гдѣ и чегандинка, рядомъ съ которою зуевка обыкновенно и живетъ. Мѣстные инородцы не рѣдко замѣняютъ желѣзный отвалъ и подвои зуевки, равно какъ и чегандинки, деревянными, отчего орудія эти сильно выигрываютъ въ дешевизнѣ, проигрывая въ прочности.

Теперь мы должны снова возвратиться къ тѣмъ легкимъ одноконнымъ сабанамъ, которыхъ уральскіе кузнецы передѣлали—сначала въ „лядовскія сохи", а потомъ и въ курашимки. Изъ того же одноконнаго сабана, видоизмѣненнаго русскими кузнецами, получился еще одинъ видъ пахотнаго орудія, извѣстный подъ именемъ „кыласовки".

Изобрѣтателемъ этого орудія былъ крестьянинъ Кыласовской вол., Соликамскаго у., *Фед. Филипп. Алиповъ*. Изобрѣтеніе

---

1) Тамъ же, стр. 91; Матер. по опис. промысл. Вятской губ., вып. I, стр. 216—217.

2) Тамъ же, стр. 217—218.

3) Матер. по стат. Вятской губ., т. VI, ч. I, стр. 89.

это мѣстные авторы относятъ обыкновенно ко времени около 1870 года [1]). Но мы знаемъ, что въ 1868—69 г.г. кыласовки проникли уже въ Пермскій уѣздъ (въ Слудскую волость), гдѣ ихъ первоначально называли „двуконечными сабанами“ [2]). Извѣстно также, что въ Инвенскомъ краѣ Соликамскаго у. (по р. Инвѣ) кыласовки успѣли распространиться раньше курашимокъ и потомъ, такъ сказать, не пустили сюда этихъ послѣднихъ: мѣстнымъ крестьянамъ уже не нужны стали курашимки, такъ какъ кыласовка является вполнѣ удовлетворительнымъ орудіемъ для пахоты.

По своему устройству, кыласовка довольно близка къ курашимкѣ. Главное отличіе ея отъ этой послѣдней въ томъ, что лемехъ и отвалъ кыласовки составляютъ одно не раздѣльное цѣлое,—одинъ желѣзный листъ. Концы этого листа совершенно одинаковы, такъ что, когда одинъ изъ нихъ, служащій лемехомъ, сносится, то концы перемѣняютъ,—и бывшій отвалъ вновь служитъ въ качествѣ лемеха. Загибъ лѣваго края лемеха имѣется и здѣсь, служа вмѣсто отрѣза и ножа.

По отзывамъ крестьянъ Соликамскаго уѣзда, кыласовки только менѣе устойчивы по сравненію съ курашимкой, въ чемъ преимущество этой послѣдней.

Описанное изобрѣтеніе не имѣло и сотой доли того успѣха, который выпалъ на долю курашимки Паюсова. Область распространенія кыласовки очень ограничена: даже въ родномъ (Соликамскомъ) уѣздѣ она занимаетъ не болѣе одной третьей части. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губ. встрѣчается та же самая „кыласовка“, но изобрѣтеніе ея приписывается крестьянину дер. Паслеговой (Нечкинской вол., Сарапульскаго у.), почему и орудіе это носитъ имя „Паслеговской сохи“ [3]). Трудно сказать, было ли здѣсь дѣйствительное изобрѣтеніе, или же образцомъ для „паслеговской сохи“ послужила кыласовка. Мы склонны болѣе къ этому послѣднему предположенію.

§ 28. (*Гипотеза о чудскомъ происхожденіи курашимки*). Въ печати было высказано весьма оригинальное мнѣніе, считающее

---

[1]) Сборн. Пермск. Земства, 1887 г., № 13 стр. 204 (*П. Г. Волочневъ*, очеркъ Соликамск. у. въ сельск. хоз. отнош.).

[2]) Матер. для сельскохоз. статист. Пермск. губ. вып. I, стр. 22.

[3]) Матер. по статист. Вятской губ., т. VII, часть I, стр. 90.

праотцемъ русской курашимки не татарскій сабанъ, а „чудское рало". Мнѣніе это принадлежитъ пермскому археологу *Ѳ. Теплоухову* и развито имъ въ статьѣ „Земледѣльческія орудія Пермской Чуди" [1]). Лемехъ курашимки поразилъ названнаго автора своимъ сходствомъ съ ральникомъ, найденнымъ въ Пермскомъ уѣздѣ: боковые углы лопасти послѣдняго „вытянуты въ длинные концы (рога) и загнуты вверхъ". Этотъ послѣдній ральникъ г. Теплоуховъ называетъ „чудскимъ", приписывая его древней пермской Чуди.

Но заимствованіе отъ Чуди могло произойти, конечно, только въ очень отдаленномъ прошломъ, такъ какъ Чудь давно уже вымерла. Между тѣмъ курашимка—совсѣмъ новое орудіе. Г. Теплоуховъ устраняетъ такое противорѣчіе предположеніемъ, что курашимка гораздо древнѣе, чѣмъ о ней думаютъ. Въ доказательство онъ приводитъ свидѣтельство (письменное) своего отца о видѣнномъ тѣмъ „сабанѣ" въ 1842 году въ предѣлахъ Пермскаго уѣзда. Сабанъ, „т. е. курашимка",—прибавляетъ нашъ авторъ.

Но мы убѣждены, что здѣсь онъ жестоко ошибается. То правда, что курашимку въ народѣ часто называютъ „сабаномъ" (и называютъ, добавимъ, совершенно справедливо), но не всякій „сабанъ" будетъ въ то же время курашимкой. Г. Теплоухову, очевидно, недостаточно извѣстны тѣ легкіе одноконные сабаны, о которыхъ мы говорили выше (§ 27). Вообще, исторія курашимки сравнительно очень хорошо выяснена мѣстными наблюдателями и изслѣдователями, изъ которыхъ многіе были современниками и, такъ сказать, очевидцами зарожденія курашимки [2]). И предполагать, что наблюдатели и изслѣдователи эти ошиблись по меньшей мѣрѣ на столѣтіе, рѣшительно не возможно.

Главное сходство лемеха курашимки съ „чудскимъ ральникомъ" г. Теплоухова въ загибѣ лѣваго края перваго. Но такой загибъ—совсѣмъ не единочное и не исключительное явленіе среди русскихъ сохъ. Всѣ, столь распространенные у великоруссовъ (см. выше § 16), „сохи съ брылой" имѣютъ такой же точно загибъ. Какъ мы старались показать въ своемъ мѣстѣ, появленіе такого загиба у русской сохи было вполнѣ естественнымъ, было

---

[1]) Пермскій Край. Изданіе Пермск. Губ. Статист. Ком., кн. I. (П. 1892).—Знакомствоимъ своимъ съ этою статьею мы обязаны многоуважаемому ***А. А. Спицыну.***

[2]) См. указанную выше литературу о курашимкѣ и кыласовкѣ.

прямымъ выводомъ, изъ древнѣйшихъ видовъ сохи, точно такъ же, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ „сохъ съ брылой“ оказались сохи съ отдѣльнымъ „чертежомъ“ и, наконецъ, сохи съ отрѣзомъ.

Кромѣ двуральныхъ „сохъ съ брылой“, т. е. съ подобнымъ курашимскому загибомъ лѣваго пера сошника, извѣстны такія же и одноральныя сохи. Таковъ „лемехъ“ (§ 26), такова часто сибирская „колесуха“ („одинарецъ“; см. § 25).—Ужъ если пошло на то, такъ нужно всѣ эти древнѣйшіе виды сохъ выводить изъ „чудского рала“, а отнюдь не новѣйшую курашимку, унаслѣдовавшую свой лемехъ отъ этихъ своихъ предковъ (а не отъ татарскаго сабана, отъ котораго она взяла „ножку“).

Но для такого предположенія рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. Напротивъ, все говоритъ противъ него. Во-первыхъ, единичная находка г. Теплоухова легко можетъ оказаться совсѣмъ не „чудскимъ ральникомъ“, а русскимъ или татарскимъ. Характерно, что у этого ральника загибы имѣются на обоихъ краяхъ, чего у русскихъ курашимокъ не бываетъ [1]). Найденные въ другихъ мѣстахъ „чудскіе ральники“ имѣли совсѣмъ иной видъ: они походили на ножницы, т. е. были раздвоенными. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятск. губ., при впаденіи рѣчки Мылевки въ р. Каму, прежде „нерѣдко выпахивали *сошники* (части сохи) *на подобіе ножницъ*, которые отъ удара разлетались въ мелкіе куски“ [2]). Мѣстные жители приписываютъ эти сошники тоже Чуди.

Все, что намъ извѣстно о финскомъ земледѣліи и о финскихъ пахотныхъ орудіяхъ, говоритъ противъ заимствованія отъ финновъ какихъ-либо земледѣльческихъ орудій. Теперь финны пашутъ большею частью двуральною сохою, которую, безспорно, они заимствовали отъ русскихъ. У эстовъ нѣтъ своего, туземнаго названія для сохи, а одно—русское (Sahk), другое—шведское (? Ader). Вотяки называютъ сошные ральники: „амéзь“, гдѣ не трудно увидѣть русское слово *оменъ*.

---

[1]) При раскопкахъ древняго татарскаго городка Искера (близъ Тобольска) былъ найденъ лемехъ листообразнаго вида съ загнутыми краями (см. рисунокъ его въ „Литературн. Сборникѣ“, изд. ред. „Восточн. Обозр.“ въ 1885 г., № 17). Н. *Ядринцевъ* называетъ этотъ лемехъ „сошникомъ *татарскаго* типа“ (тамъ же, стр. 162).

[2]) Матер. по стат. Вятск. губ., т. VII, ч. II, стр. 24.—Тутъ же найденъ каменный молотокъ.

VII. Исторія сохи.

29. Исторія русскаго плуга и рала: характеристика малороссійскаго плуга; рало—древнѣйшее русское орудіе пахоты; слова: рало и плугъ; возможность пахать раломъ степную почву; заимствованіе плуга отъ нѣмцевъ. 30 Исторія сохи: связь сохи съ раломъ; появленіе сохи; постепенное совершенствованіе ея. Отсутствіе у русскихъ сохъ полоза и причины этого. Вопросъ о старомъ великорусскомъ плугѣ. Прусская и тюркская соха. 31. Достоинства и недостатки русской сохи.

§ 29. (*Исторія русскаго плуга и рала*). У малоруссовъ существуетъ народная легенда о томъ, что Богъ, изгоняя Адама и Еву изъ рая, далъ первому плугъ, а второй—кужелку (кужель) льна [1]). Въ этомъ наивномъ преданіи народъ выразилъ свое мнѣніе о чезвычайно древнемъ, исконномъ происхожденіи своего любимаго пахотнаго орудія—плуга. И дѣйствительно, украинскій плугъ—сравнительно очень старинное орудіе. О томъ говоритъ уже его громадная величина, а особенно его громоздкость, излишняя тяжесть, вообще—бьющее въ глаза несовершенство его устройства.

„Одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ надлежащей разработкѣ полей (въ Малороссіи) заключается въ употребленіи здѣсь тяжелаго, неуклюжаго и во всѣхъ отношеніяхъ неудобнаго плуга. Туземцы, привыкшіе къ нему издавна, не замѣчаютъ великихъ его неудобствъ, но путешественникъ поражается видомъ этой огромной массы, влекомой обыкновенно шестью, часто восмью и болѣе волами и взворачивающей землю большими глыбами земли вязкой и столь твердой, что простая борона никакъ не въ состояніи ихъ раздроблятъ. Собственная тяжесть сего плуга увеличивается еще толщиною колесъ, коихъ ступицы слишкомъ длин-

[1]) ***М. Максимовичъ***, Дни и мѣсяцы украинск. селянина (Русская Бесѣда 1856 г., III, стр. 74).

ны и просторны, чѣмъ весьма умножается треніе и отягчается ходъ.“ Этотъ отзывъ принадлежитъ нѣмецкому ученому, путешествовавшему по Малороссіи въ 1834 году [1]). А вотъ отзывъ о немъ мѣстнаго земледѣльца, пережившаго смѣну стараго деревяннаго плуга новымъ, желѣзнымъ: „Вспомнить время, когда, лѣтъ 30 тому назадъ, пахали плугомъ деревяннымъ, съ тремя парами воловъ и двумя погонычами: прооралъ часъ—лопнула каблучка (кольцо), бѣги домой; опять прооралъ немного—глядишь, лопнуло нѣсколько наскоро сколоченныхъ мелкихъ деревянныхъ частей, вотъ и день пропалъ [2]).

Въ Германіи (въ Тюрингенѣ) въ XVI—XVII вѣкахъ также употреблялись громадные громоздные плуги, въ которые запрягали до 8 лошадей [3]). Въ громоздкую сибирскую „колесуху“ иной разъ запрягаютъ 4—5 лошадей. Старинныя орудія, предназначенныя для твердыхъ и тяжелыхъ почвъ, отличаются вообще большими размѣрами, тяжестью и громоздкостью, въ полную противоположность новымъ, культурнымъ плугамъ, въ которыхъ все разсчитано и учтено, нѣтъ ничего лишняго, но все нужное устроено и уложено какъ можно лучше.

Но отъ „старины“ до „первобытности“ еще очень далеко. Какъ мы видѣли выше (§ 4), собственно первобытныя пахотныя орудія отнюдь не отличаются громоздкостью или сложностью своего устройства. Напротивъ, они крайне легки и просты. Древніе греки дрались своими плугами въ битвахъ, употребляя ихъ вмѣсто меча. Громоздкая сибирская колесуха, равно какъ и тюрингенскіе плуги 16—17 столѣтія, не могутъ быть, конечно, названы „первобытными“. Колесуха образовалась изъ легкой великорусской сохи, которую сибиряки поставили на колесный передокъ, занятый ими у татарскаго сабана. Послѣдній же ведетъ свое начало, вѣроятно, отъ малорусскаго плуга: татары, какъ извѣстно, первоначально были кочевниками, а не земледѣльческимъ народомъ.

1) *Проф. Шмальцъ*, Путевыя записки (Земледѣльч. Газета, 1835 г., № 38, стр. 298).

2) Обзоръ сельск. хозяйства въ Полтавской губ., за 1387 годъ Полт. 1887, стр. 152); изъ письма свящ. *В. Яснопольскаго*, Кобелякскаго уѣзда.

3) *Rau*, Geschichte des Pfluges, стр. 4.

Малорусскій плугъ отличается еще однимъ свойствомъ, которое очень ярко говоритъ противъ „первобытности“ этого орудія. Свойство это—его „спеціальность“, т. е. примѣнимость его только къ одному виду работы и неприспособленность для полной, окончательной обработки почвы подъ посѣвъ. Украинскій плугъ *только* опрокидываетъ верхній пластъ земли, совсѣмъ его не разрыхляя. Однимъ плугомъ земледѣлецъ обойтись ничуть и никогда не можетъ: посѣять на взоранную только плугомъ землю было бы полною безсмыслицей. Послѣ и кромѣ плуга необходимо еще рало и борона, т. е. всего нужно *три* особыхъ орудія. А это обстоятельство прямо исключаетъ „первобытность“ плуга: первобытный человѣкъ не пользовался сразу нѣсколькими орудіями для одной и той же цѣли, не могъ одновременно изобрѣсть три различныхъ орудія для взрыхленія почвы.

Изъ числа описанныхъ нами выше русскихъ пахотныхъ орудій „первобытнымъ“ орудіемъ является отнюдь не украинскій плугъ, а малорусское однозубое рало. Оно именно отличается крайнею простотою своего устройства, легкостью и универсальностью, этими главными признаками дѣйствительной первобытности орудія. Раломъ однимъ можно легко приготовить почву для посѣва, чего плугомъ сдѣлать нельзя.

Рало—общеславянское орудіе и общеславянское слово. Русскій народъ принесъ это слово и, вѣроятно, самое орудіе изъ общеславянской колыбели, откуда онъ не вынесъ ни „сохи“, ни „плуга“. Еще проф. *Рау* отмѣтилъ тотъ фактъ, что рало (Haken) —любимое орудіе славянскихъ народовъ, въ противоположность нѣмцамъ и другимъ народамъ Европы [1]).

Не удивительно, что съ „раломъ“ мы встрѣчаемся и на первыхъ страницахъ русской лѣтописи. Въ 964 (6472) году русскій князь Святославъ „иде на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: „кому дань даете?“ Они же рѣша: „Козаромъ по щьлягу отъ *рала* даемъ“. Такъ читается во всѣхъ спискахъ лѣтописи, исключая „Архангелородскаго лѣтописца“, въ которомъ вмѣсто: отъ рала стоитъ: отъ плуга [2]). Но нѣсколько ниже это „рало“ русскаго племени Вятичей называется и въ про-

---

[1]) Тамъ же, стр. 33.

[2]) Свободная лѣтопись. Составилъ Л. Лейбовичъ (Спб. 1876), стр. 56.

чихъ спискахъ начальной лѣтописи тоже „плугомъ“. Въ 981 (6489) году русскій князь Владиміръ „Вятичи побѣди, и возложи на ня дань *отъ плуга*, якоже и отецъ его имаше [1]).

Хотя изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописи съ большею очевидностью явствуетъ, что древніе лѣтописцы называли „плугомъ“ и „раломъ“ одно и тоже пахотное орудіе (точнѣе: употребляли эти два слова одно вмѣсто другого),—но историки „наши не удовлетворились такимъ объясненіемъ; они *рало* приписали Вятичамъ, а *плугъ*—другому древнерусскому племени, которое обыкновенно упоминается вмѣстѣ съ Вятичами,—Радимичамъ. Въ извѣстной книгѣ *Н. Аристова* „Промышленность древней Руси“ читаемъ: „Вятичи платили дань отъ рала по щлягу, а Родичи—отъ плуга“ [2]).

Но удивительнѣе всего то, что историки наши разумѣютъ подъ *раломъ* древнихъ лѣтописей отнюдь не нынѣшнее малорусское рало, а... соху: „Соха называлась раломъ“; „пахали въ Кіевской области (IX—XI вв.) на лошадяхъ *сохами*“ [3]). Кромѣ сохи они знаютъ только еще плугъ. „*Плугъ*... встарину (IX—XI вв.) былъ чаще въ ходу, чѣмъ соха, потому что дѣвственная дернистая почва требовала болѣе крѣпкаго и надежнаго орудія для разрыхленія“ [4]). О нынѣшнемъ малорусскомъ ралѣ они совсѣмъ и не упоминаютъ.

Между тѣмъ, всѣ рѣшительно данныя говорятъ въ пользу того, что *рало* древнерусскихъ лѣтописей и есть то самое орудіе, которое сохранилось у малоруссовъ и теперь съ тѣмъ же самымъ именемъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма близкое къ современному однозубому малорусскому ралу орудіе. Въ пользу такого предположенія говорятъ первобытная простота, легкость и универсальность рала, вмѣстѣ съ полною возможностью пользоваться имъ въ тѣхъ дѣвственныхъ лѣсахъ, въ которыхъ жили Вятичи. Тожество именъ тоже что-нибудь да значитъ. „Соху“ (это слово въ смыслѣ пахотнаго орудія) мы начинаемъ встрѣчать въ памятни-

---

[1]) Тамъ же, стр. 75.

[2]) Спб. 1866. Стр. 59.—Такое толкованіе повторяется и у нѣкоторыхъ другихъ историковъ.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же. *В. Г. Мозговой* въ своемъ „историко-экономическомъ очеркѣ“ „Плугъ и соха“ (Тр. Вольн. Эконом. Общ. 1881 г., т. III, отд. II, стр. 79—89 и 187—198) считаетъ соху древнѣйшею, а потомъ плугъ; о ралѣ тоже не упоминаетъ.

кахъ только съ XIV вѣка. Малороссы, равно какъ и другіе славянскіе народы двузубой сохи вообще не знаютъ, между тѣмъ какъ однозубое рало сохранилось кое-гдѣ въ Великороссіи и поднесь (въ видѣ однозубой черкуши), а у другихъ славянскихъ народностей было передѣлано въ болѣе совершенное орудіе, сохранивъ, однако же, свои отличительныя черты и свое имя (Radlo). Наконецъ, у сохи имѣется одна принадлежность, и принадлежность очень существенная, судя по названію которой можно думать, что она взята отъ рала: это—*ральникъ* (омешъ). Если такъ, то ясно, что не соха была матерью рало, а наоборотъ—рало—отцомъ сохи.

Столь же невернымъ считаемъ мы и другое утвержденіе нашихъ историковъ, будто бы въ IX—XI вѣкахъ „былъ чаще въ ходу *плугъ*, потомучто дѣвственная дернистая почва требовала болѣе крѣпкаго и надежнаго (нежели соха) орудія для разрыхленія“ (*Н. Аристовъ*).

Главною причиною этого заблужденія историковъ послужило ихъ ошибочное предположеніе, будто бы колыбелью русскаго земледѣлія была *степь*, а не лѣсъ, будтобы на зарѣ русскаго государства русскій земледѣлецъ воздѣлывалъ „дѣвственную дернистую почву“, т. е. степную почву. Для такого предположенія не имѣется достаточныхъ основаній. Древнѣйшія извѣстія о русскомъ земледѣліи говорятъ намъ о воздѣлываніи лѣсной почвы, лѣсныхъ подсѣкъ, а не степи. Но лѣсная почва, особенно предварительно выжженная,—какъ извѣстно, мягка, плуга она не требуетъ, и для ея воздѣлыванія самыя лучшія орудія—соха или рало.

Первое извѣстіе о русскомъ земледѣліи имѣетъ въ виду Древлянъ,—древнерусское племя, которое самое имя свое получило отъ лѣсовъ, служившихъ ему мѣстомъ обитанія. „Вси гради ваши... *дѣлаютъ нивы своя и землѣ своя*“, говоритъ княгиня Ольга Древлянамъ въ 946 году [1]). Можно ли думать, что въ обитаемыхъ Древлянами дѣвственныхъ лѣсахъ орудіемъ обработки почвы служилъ громадный и громоздкій украинскій плугъ, который трудно и привезти на иную лѣсную поляну, а еще труднѣе—заворотиться съ нимъ среди пеньковъ лѣсной подсѣки. Въ такихъ

---

[1]) Лѣтоп. по Лавр. сп., по 6454 годомъ. Слово *нива* и сей-часъ кое-гдѣ имѣетъ значеніе именно подсѣки“, наприм. въ Пошех. у. (Этногр. Сборн., въ Весьегонскомъ уѣздѣ (Сборникъ статист. свѣд. по Тверской губ., т. XIII, вып. II, стр. 193).

же непроходимыхъ лѣсахъ, какъ и Древляне, жили и Вятичи, которые, какъ мы видѣли выше, платили князю Владиміру дань *„отъ плуга“*. Ясно, что это былъ отнюдь не современный украинскій плугъ, въ лѣсныхъ мѣстахъ совершенно непригодный; это было рало: не даромъ же въ уста самихъ Вятичей лѣтописецъ вложилъ слова: „Козаромъ по щьлягу *отъ рали* даемъ“.

Но почему самъ лѣтописецъ назвалъ рало „плугомъ“? „И возложи на ея дань отъ плуга“.—Мы думаемъ, что слова: *рало* и *плугъ* были тогда синонимами, означали одно и тоже орудіе; разница была только въ употребленіи этихъ *словъ*: плугъ, какъ слово, обычное въ церковнославянскихъ книгахъ, едвали не было книжнымъ выраженіемъ, т. е. принадлежало литературному языку, а *рало* было народнымъ названіемъ [1]).

Что же касаевся древнѣйшей исторіи слова *плугъ*, то есть основаніе полагать, что славяне заимствовали это слово отъ германцевъ. Лингвистика не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь имѣлось заимствованіе, но ничего не знаетъ по вопросу о томъ, кто у кого заимствовалъ, почему различные ученые держатся на этотъ счетъ разнаго мнѣнія. ***Лоттнеръ***, ***Крекъ*** и ***Шлейхеръ*** считали это слово славянскимъ; напротивъ, ***Миклошичъ***, ***Дифенбахъ***, ***Клуге*** и ***Мейе*** высказались за германское происхожденіе этого слова, корень котораго одинаково неясенъ въ томъ и другомъ языкѣ. Съ культурно-исторической точки зрѣнія, которая въ такихъ случаяхъ имѣетъ рѣшающее значеніе, вѣроятнѣе послѣднее мнѣніе. И это тѣмъ болѣе, что на славянской почвѣ разсматриваемое слово врядъ ли нужно признавать особенно древнимъ, праславянскимъ, какъ то думали нѣкоторые ученые. Праславянское слово для пахотнаго орудія—*рало*. Другого общеславянскаго пахотнаго орудія нѣтъ, почему и въ особомъ имени для него у праславянъ нужды не было. *Плугъ* у славянъ—культурное слово, быть можетъ даже книжное, церковно-славянское. Замѣтимъ, что въ современномъ ***народномъ*** великорусскомъ языкѣ слово это извѣстно только какъ позднѣйшее культурное пріобрѣтеніе; оно и употребляется нерѣдко въ говорахъ въ другомъ грамматическомъ родѣ: плуга.

---

[1]) Неисключена, впрочемъ, и возможность того, что одно изъ древнерусскихъ племенъ (поляне)? называло это орудіе „плугомъ“, а другіе—„раломъ“.

Возвратимся, однако же, къ древнерусскимъ племенамъ. Лишнимъ поводомъ для нихъ воздѣлывать преимущественно лѣсную почву должно было служить то обстоятельство, что въ лѣсахъ и земледѣльцы, и ихъ посѣвы были въ бо́льшей безопасности отъ степныхъ кочевниковъ, которые одни за другими ураганомъ проносились по южнорусскимъ степямъ, а то такъ и (Половцы, Печенѣги) надолго оставались въ этихъ степяхъ, къ ужасу своихъ осѣдлыхъ сосѣдей. Извѣстна картина набѣга этихъ степныхъ кочевниковъ на мирное русское населеніе, картина, нарисованная Владиміромъ Мономахомъ на съѣздѣ князей въ 1111 году. Мы приведемъ здѣсь только нѣсколько словъ изъ рѣчи названнаго князя—слова, проливающія нѣкоторый свѣтъ на русское земледѣліе того времени: „На весну начнеть смердъ тотъ *орати лошадью* тою, ...половчинъ ударитъ его стрѣлою а лошадь его поиметь“ [1]).

Едвали можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что здѣсь имѣется въ виду не подсѣка гдѣ-либо въ лѣсныхъ дебряхъ, куда степные кочевники не любили показывать и носа, а пашня гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса, рядомъ со степью. Воздѣлывалась, значитъ, иногда и степная твердая почва. Но „орали“ ее, какъ нужно заключать изъ приведенныхъ словъ Мономаха, тѣмъ же раломъ: орать тяжелымъ украинскимъ плугомъ „лошадью тою“, т. е. на одной лошади, конечно, нельзя.

Возможна ли, однако, вообще вспашка дѣвственной степной почвы легкимъ раломъ?—На этотъ вопросъ мы смѣло отвѣчаемъ; вполнѣ возможна. Въ доказательство укажемъ прежде всего на примѣръ инородцевъ Средней Азіи. Послѣдніе весьма недурно взрываютъ и взрыхляютъ твердую дѣвственную почву туркестанскихъ степей своимъ первобытнымъ „омачемъ“, во многомъ даже сходствующимъ съ малорусскимъ однозубымъ раломъ. Желѣзный треугольный и обоюдуострый ральникъ этого „омача“ весьма напоминаетъ своимъ видомъ наконечники древнихъ копій [2]). Отвала этотъ плугъ совсѣмъ не имѣетъ. Для бо́льшей глубины борозды, имъ проходятъ по одному и тому же мѣсту нѣсколько разъ подрядъ.

[1]) Лѣтопись Нестора подъ 6619 (1111) годомъ.

[2]) Мемуары И. Ак. Наукъ, т. 29, серіи 7 й, № I, стр. 222—22; срв. *Петцольдъ*, Umschau im Russ. Turkestan (1877 г.).

Напомнимъ, что великоруссы довольно часто „поднимаютъ новину“ своими перекладными сохами, хотя послѣднія представляютъ для этой цѣли еще, пожалуй, менѣе удобства, нежели однозубое рало.

На степной почвѣ „лиха бѣда“, какъ говорится, вспахать первый разъ, „поднять новину“. Въ слѣдующіе же годы, особенно если при взметѣ нови пашня была довольно хорошо взрыхлена, вспашка не представляетъ уже никакихъ затрудненій. Извѣстно, что и нынѣшніе малороссы нерѣдко паръ или жнивье не орютъ плугомъ, а только ралятъ. Тѣмъ болѣе это могло быть въ отдаленномъ прошломъ.

Мало того, на взодранной уже разъ почвѣ сѣяли и сѣютъ даже безъ всякой вспашки, по выраженію Палласа: „будто бы на съѣденіе птицамъ“.

Дѣло происходило въ предѣлахъ Сызранскаго уѣзда. Отъ Печерской слободы „дорога къ Костычамъ простирается по безлѣснымъ уваламъ, на которыхъ Печерскіе крестьяне имѣютъ свои пашни. „Во время сей весенней моей ѣзды (1769 г.) видѣлъ я здѣсь,—пишетъ Палласъ; что мужики сѣяли уже здѣсь яровой хлѣбъ. Иностранный человѣкъ, увидя здѣшнее хлѣбопашество, конечно придетъ въ удивленіе, а именно: *на невспаханной землѣ*, которая здѣсь и безъ удобренія довольно плодородна, сѣютъ крестьяне овесъ, просо и рожь, будто бы на съѣденіе птицамъ; потомъ, взявъ соху, начинаютъ пахать, а за сохою идетъ другая лошадь съ бороною безъ погоняльщика,—и вся работа въ томъ состоитъ“ [1]).

Точно такой же способъ посѣва, безъ предварительной пахоты и бороньбы, употребителенъ и въ Рязанской губерніи, гдѣ онъ извѣстенъ подъ названіемъ: „сѣвъ по пожарищу“, по свидѣтельству наблюдателей способъ этотъ съ успѣхомъ примѣняется на песчаныхъ почвахъ и въ боровыхъ мѣстахъ, будто бы „не терпящихъ излишней обработки“, а на тяжелыхъ почвахъ—когда опущено нужное время и земледѣлецъ боится, что продолжительное бездождіе изсушитъ землю [2]). Послѣ сѣва сѣмена запахива-

---

[1]) *П. С. Палласъ*, Путеш. по разн. провинц. Росс. имп., изд. 2, ч. I, стр. 246.

[2]) *В. В. Селивановъ*, Годъ русскаго земледѣльца (Русск. Бесѣда 1856 г., II, смѣсь, стр. 18); *М. Барановичъ*, Рязанская губернія. Матер. для географіи и статист., стр. 131.

ютъ, а иногда также и забораниваютъ.—Въ Тамбовской губ. также „иногда случается, что овесъ сѣютъ прямо на невзметанной землѣ [1]). Наконецъ, и въ Ахтырскомъ уѣздѣ „иные есть и такіе лѣнивые, что не пахавъ прежде, посѣютъ, а потомъ пашутъ и, не заскородя, такъ оставляютъ; но урожай и у того бываетъ изрядной“ [2]).

Такимъ образомъ, посѣвъ на старыхъ земляхъ безъ предварительной пахоты—явленіе довольно обычное на югѣ Россіи.

Выводъ нашъ слѣдующій: на зарѣ русской исторіи главнымъ или даже единственнымъ пахотнымъ орудіемъ русскаго народа было рало, вѣроятно однозубое; вмѣстѣ съ тѣмъ, земледѣльческой обработкѣ подвергались тогда преимущественно лѣсныя почвы и только какъ исключеніе—степныя. При этомъ просимъ читателей принять въ соображеніе и то обстоятельство, что лѣсовъ встарину было больше и немало на югѣ Россіи такихъ мѣстъ, гдѣ теперь голая степь, а встарь были дремучіе лѣса. За обработку дѣвственной степной, по крайней мѣрѣ въ значительныхъ размѣрахъ, первые взялись на Руси, вѣроятно, земельные аристократы, „житные люди“, а быть можетъ и князья. У нихъ только были всѣ средства для воздѣлыванія степи. Была вооруженная охрана, „дружина“, могущая спасти степные посѣвы отъ набѣговъ хищныхъ кочениковъ. Было много рабочей силы—„смердовъ“ (рабовъ), лошадей и воловъ. Были, наконецъ, средства и возможность завести улучшенныя земледѣльческія орудія.

Этихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, конечно, первобытное легкое рало не удовлетворяло. Какъ извѣстно, сношенія Руси, въ древнѣйшій періодъ ея исторіи, съ западною Европою были очень оживленны и часты; достаточно указать на родственныя связи древнерусскихъ князей съ западно-европейскими государями, не говоря уже о рядѣ военныхъ походовъ на западъ. Такимъ образомъ, для знакомства древне русской аристократіи съ нѣмецкими плугами, хорошо извѣстными въ то время и у западныхъ славянъ, были всѣ данныя. И было бы даже странно, если-бы „житные люди“ древней Руси не воспользовались примѣромъ своихъ западныхъ сосѣдей, не заняли у нихъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и, прежде всего, плуга.

---

[2]) *М. С. Кишкинъ*, О земледѣл., скотов. и сельск. промысл. въ Кирсан. у., стр. 23.

[3]) Труды Вольн. Эконом. Общ., ч. VIII, 1768 г., стр. 141.

Что украинскій плугъ занятъ именно отъ нѣмцевъ, о томъ весьма краснорѣчиво говоритъ названіе одной изъ самыхъ существенныхъ частей этого плуга; разумѣемъ „грядиль“ (дышло). Нетрудно узнать въ этомъ названіи нѣмецкое слово Grindel. Форма русскаго слова, въ которомъ нѣмецкій носовой звукъ исчезъ и замѣненъ звукомъ *я*, говоритъ о древности заимствованія, которое нужно отнести къ IX—X вѣкамъ, къ тому времени, когда въ русскомъ языкѣ еще существовали носовые гласные (т. наз. юсы).

Когда мы читаемъ въ древнѣйшемъ русскомъ законодательномъ памятникѣ, въ „Русской Правдѣ“, такія слова: „далъ ему господинъ ***плугъ и борону***, отъ негоже копу емлеть“,—то болѣе чѣмъ возможно понимать здѣсь подъ „плугомъ“ уже не рало, а улучшенное орудіе, плугъ въ собственномъ смыслѣ этого слова: рало—орудіе столь доступное всѣмъ и каждому (его можетъ легко сдѣлать всякій крестьянинъ, особенно рало безъ желѣзнаго наконечника), что брать за него „копу“ господамъ врядъ ли приходилось; къ тому же, борона при ралѣ почти что не нужна, а если и нужна, такъ опять таки самодѣльная, деревянная; при плугѣ же необходима желѣзная борона, о которой, вѣроятно, здѣсь и идетъ рѣчь.

Побѣдившіе Русь татары не замедлили позаимствовать у русскихъ богачей этотъ, удобный для воздѣлыварія степей, плугъ, которому они дали туземное имя „*сабанъ*“ (см § 24).

Мало-по-малу и крестьяне переняли у аристократовъ ихъ нѣмецкій плугъ, который они стали дѣлать сами, покупая только желѣзныя вещи. Плугъ этотъ дожилъ и до нашего времени, причемъ хохлы, какъ мы видѣли, ведутъ его происхожденіе уже отъ Адама.

Что же касается до нѣмецкаго первоисточника, къ которому восходитъ (быть можетъ, не безъ посредства западныхъ славянъ) украинскій плугъ,—то такимъ первоисточникомъ могъ послужить хотя бы тотъ же, упомянутый уже нами выше, большой тюрингенскій плугъ (Staaten—Pflug), который общимъ своимъ устройствомъ довольно похожъ на малороссійскій плугъ, только легче и удобнѣе [1]).

---

[1]) Срв. Землед. Газ. 1835, № 38, стр. 299 (от. *проф. Шмальца*).

§ 30. (*Исторія сохи*). Соха—это двузубое рало. Но если рало, по своему происхожденію, древнѣе русскаго народа, если оно есть орудіе не только общерусское, но и прарусское, т. е. употреблялось еще въ то отдаленное время, когда русскій народъ не отдѣлился окончательно отъ другихъ славянскихъ народовъ-братьевъ,—то соха гораздо новѣе рала: это спеціально русское орудіе, неизвѣстное другимъ славянскимъ народностямъ, да и въ русскомъ народѣ употребительное только у великоруссовъ и у бѣлоруссовъ, а малоруссамъ почти неизвѣстное. Если кое-гдѣ (см. §§ 45, 64, 77) у малоруссовъ мы и встрѣчаемся съ сохою, то это—позднѣйшее заимствованіе отъ великоруссовъ, иногда добровольное, а иногда и вынужденное. Что же касается изрѣдка попадающагося у хохловъ двузубаго рала, то оно формой своей напоминаетъ скорѣе борону, и отъ сохи, равно какъ и отъ древнѣйшаго малорусскаго однозубаго рала, по устройству своему сильно отличается.

Если къ этому прибавить, что слово *соха*, въ значеніи извѣстнаго пахотнаго орудія, начинаетъ встрѣчаться въ древнерусскихъ памятникахъ только съ XIV-го столѣтія,—то можно будетъ съ большою вѣроятностью предположить, что соха—великорусское изобрѣтеніе, относящееся, впрочемъ, еще къ тому отдаленному времени, когда окончательнаго отдѣленія бѣлоруссовъ отъ великоруссовъ не произошло.

Авторъ „Исторіи плуга", нѣмецкій ученый *Л. Рау* высказалъ предположеніе, что двуральныя сохи развились изъ двузубой мотыки, какая употребляется, напримѣръ, на Картскихъ горахъ, вблизи Адріатическаго моря. Но мы не видидимъ рѣшительно никакой надобности въ такомъ предположеніи. До сохи у русскихъ уже существовало пахотное орудіе, именно—рало, устройство котораго такъ близко къ сохѣ. Изъ рала, конечно, и возникла соха, тѣмъ болѣе что объ употребленіи *у русскихъ* двурогихъ мотыкъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

Кромѣ двузубой сохи изрѣдка въ Великороссіи употребляется и трезубая или „тройная" соха. Въ началѣ XIX вѣка она употреблялась, (см. черт. № 28) наприм., удѣльными крестьянами Шевалдовскаго приказа Костромской губерніи [1]). Въ настоящее

[1]) Обозр. сельск. хоз. удѣльн. имѣній въ 1832 и 33 гг. стр. 58 и черт. 9. Такая же соха извѣстна и въ Архангельской губ. (см. § 32).

время она встрѣчается въ Галицкомъ уѣздѣ тойже губерніи. Это—обыкновенная соха, разсоха которой оканчивается внизу не двумя, а тремя рогами, на каждый изъ которыхъ посажено по желѣзному ральнику.—Если держаться метода проф. Рау, то для такой „тройной сохи" придется предположить трерогую мотыку.

Двузубая соха тѣмъ отличается отъ двузубаго малорусскаго малорусскаго рала, равно какъ и „тройная соха" тѣмъ отличается отъ украинскаго „орала-тройчака", описаннаго еще *Гильденштедтомъ* [1])—что соха, имѣя два или три рога, сохранила въ то же время форму древнѣйшаго однозубаго рала, а именно—корпусъ ея имѣетъ видъ треугольника.

Появленіе у сохи двухъ „зубовъ" вмѣсто единичнаго зуба прежняго рала вполнѣ естественно: этимъ достигалось ускореніе работы, причемъ тяжесть работы возрастала, однако же, въ столь незначительной етепени, что влекущая орудіе сила осталась прежнею; превратившись въ двузубую соху, рало осталось, по-прежнему, легкимъ одноконнымъ орудіемъ. По тѣмъ же самымъ побужденіямъ костромичи впослѣдствіи передѣлали двузубую соху на трезубую, а малороссы стали употреблять рала съ двумя, тремя, пятью и болѣе зубьями.

Мы держимся, такимъ образпмъ, того мнѣнія, что двузубая русская соха не явилась плодомъ *раздѣленія* одного цѣльнаго ральника какого-либо орудія на два отдѣльныхъ; въ сохѣ одинъ ральникъ былъ *прибавленъ* къ прежнему наконечнику рала. Иными словами: при изобрѣтеніи сохи форма ральника *нисколько не измѣнилась*, а только число ральниковъ удвоилось, самые же ральникн остались безъ всякаго измѣненія. (Не даромъ они сохранили и свое старое имя: *ральникъ* собственно означаетъ „принадлежность рала").

Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія невозможна совсѣмъ и самая постановка такого вопроса: почему у двузубой сохи ральникъ *раздѣленъ* на двѣ части? какой вопросъ ставитъ, напримѣръ, тотъ же проф. Рау. Съ нашей точки зрѣнія можно только спросить, почему великоруссы не расширили наконечникъ рала (черезъ что также бы ускорилась работа), а предпочли удвоить число ральниковъ, сохранивъ ихъ столь же узкими, какими они были и прежде?

---

[1]) Путешествіе, 481.

Отвѣтить на этотъ вопросъ крайне легко. Широкій ральникъ не годится на лѣсной почвѣ, гдѣ много корней, а также на каменистой почвѣ. Корни и камни крайне затрудняютъ движеніе впередъ широкаго ральника, легко ломаютъ его, (особенно если онъ деревянный [1]), а въ лучшемъ случаѣ—гнутъ его стороны и быстро стираютъ его поверхность. А между тѣмъ желѣзныя издѣлія встарину были рѣдки и не всѣмъ доступны, а самое желѣзо отличалось меньшею прочностью.

Устройство великорусской сохи, съ ея двумя узкими ральниками (т. наз. коловой сохи, безспорно древнѣйшей), можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ того, что великоруссамъ издавна приходилось воздѣлывать преимущественно лѣсныя и каменистыя почвы. На первыхъ предпочтительно употреблялся типъ сохи—„цапулька", на вторыхъ—„коловая соха".

Къ послѣдней мало-по-малу стали присоединять полицу, т. е. приспособленіе для отваливанія земли, сначала въ видѣ небольшой узкой лопаточки, а потомъ и въ болѣе развитомъ видѣ.

Съ присоединеніемъ полицы, соха стала не просто „черкающимъ" орудіемъ, но вмѣстѣ и „пашущимъ", т. е. сгребающимъ взрытую землю на сторону. Но сущность осталась та же: соха взрыхляла почву, проводя по ней борозды; объ оборачиваніи пласта еще нѣтъ рѣчи.

Сохи-односторонки, т. е. сохи съ неперекладною полицей, приближаются уже къ орющимъ орудіямъ, т. е. къ орудіямъ плужнаго типа. Они не „рвутъ" почву, а рѣжутъ ее въ двухъ направленіяхъ: вертикальномъ (поставленный на ребро лѣвый ральникъ или особая „брыла", загнутое вверхъ перо этого ральника) и горизонтальномъ (лежащій горизонтально правый ральникъ), т. е. сбоку и снизу. Но „отрѣзываніе" сбоку пласта здѣсь столь еще не совершенно, что на новыхъ земляхъ сохѣ часто предпосылаютъ особое, только рѣжущее орудіе, т. наз. чертежъ или отрѣзъ. От-

[1]) Память о прежнихъ деревянныхъ ральникахъ жива въ народѣ. Напримѣръ, *М. Корякинъ*, крестьянинъ Котельническ. у., пишетъ: „ранѣе пахали деревянными сошками съ деревянными же „носками", а потомъ появились сохи съ желѣзными ральниками" (Рукопись Вятск. Губ. Стат. Ком.). Иностранные путешественники по Россіи въ XV—XVII вв. говорятъ также о сохахъ безъ желѣзныхъ ральниковъ (наприм. Мѣховскій и Принцъ; см. *Рожковъ*. Сельск. хоз. Моск. Руси въ XVI в., стр. 116).

валъ въ сохахъ односторонкахъ развитъ также весьма недостаточно. И только косуля, этотъ самый совершенный видъ русской сохи, имѣетъ вполнѣ удовлетворительный отвалъ, при столь же удовлетворительномъ устройствѣ прочихъ своихъ работающихъ частей.

Косуля, особенно „ярославскій" ея видъ, можетъ соперничать, по своимъ достоинствамъ, съ культурными пахотными орудіями, наприм. съ нѣмецкими плугами. Въ виду своей легкости (одноконная), при тожествѣ ея запряжки съ сошною запряжкою, косуля даже удобнѣе для русскаго крестьянина-землепашца, нежели плугъ. Но у ней есть одинъ существенный недостатокъ, общій всѣмъ видамъ русской сохи. Недостатокъ этотъ имѣетъ, правда, и свою выгодную сторону, отчасти искупающую приносимое имъ зло.

Разумѣемъ мы отсутствіе у косули, равно какъ и у русской сохи вообще, подошвы или полоза. Если малорусскій плугъ и татарскій сабанъ, равно какъ и всѣ нѣмецкіе плуги, имѣютъ такую подошву или полозъ, на которомъ орудіе стоитъ, какъ на „ножкѣ", а при своемъ движеніи катится на немъ, какъ на санномъ полозѣ, благодаря чему орудія эти отличаются устойчивостью,— то русская соха, равно и косуля, не имѣетъ такой „ножки"; она не будетъ стоять, если пахарь не держитъ ее за ея рогаль, а сейчасъ же упадетъ на бокъ, такъ какъ точки опоры у нея нѣтъ. Этотъ отличительный признакъ русской сохи весьма увеличиваетъ работу пахаря, которому приходится все время держать соху „на вѣсу"—не давать ей валиться на бокъ, очень глубоко уходить въ землю или выскакивать изъ борозды. Но онъ же весьма облегчаетъ работу лошади: полозъ тащится по землѣ и испытываетъ при этомъ весьма сильное треніе, которое приходится преодолѣвать лошади.

Отсутствіе у русской сохи особой подошвы свидѣтельствуетъ о томъ, что русскій земледѣлецъ иной разъ больше жалѣлъ свою лошадь, нежели свои собственныя силы; по приблизительному подсчету, онъ взялъ на себя цѣлую треть всей работы, оставивъ на долю лошади только двѣ трети. Руководился же онъ въ данномъ случаѣ не столько, вѣроятно, гуманными соображеніями, жалостью къ безсловесному животному, сколько, нужно думать, недостаточностью и слабостью своего рабочаго скота вообще. Зимою, на плохомъ корму, плохія крестьянскія лошаденки обыкновенно

такъ исхудаютъ, что пахать имъ даже въ легкой двуральной сохѣ едва-едва въ моготу.

Неровность почвъ, на которыхъ приходилось пахать великорусскому земледѣльцу, нужно признать другою причиною того, почэму онъ не устроилъ своей сохи съ „полозомъ“.

Позволительно спросить, не было ли третьею причиною разсматриваемаго обстоятельства простое неумѣнье великорусскихъ землепашцевъ и кузнецовъ устроить соху съ подошвою? Дѣло въ томъ, что на сѣверо-востокѣ Европы, гдѣ передъ глазами русскихъ всегда былъ татарскій сабанъ съ его полозомъ, явились и сохи съ подошвою („ножкою“). Таковъ „лемехъ“ (см. § 26) и особенно курашимка.

При всемъ томъ, на поставленный выше вопросъ нужно отвѣчать отрицательно. И въ прочихъ мѣстностяхъ Россіи великоруссамъ не были незнакомы пахотныя орудія съ подошвою, такъ что въ образцахъ для устройства сохи съ тѣмъ же приспособленіемъ недостатка быть не могло.

Историческіе памятники свидѣтельствуютъ, что великоруссы и встариину пользовались иногда „плугомъ“. Между прочимъ, въ документѣ конца XVI столѣтія упоминаются „плужные желѣза“ въ селѣ Старый Дворъ Владимірскаго уѣзда [1]).

Н. Рожковъ произвелъ подсчетъ названій земледѣльческихъ орудій, упоминаемыхъ въ актахъ XVI вѣка, распредѣливъ ихъ по разнымъ уѣздамъ. На основаніи такого подсчета названный ученый находитъ возможнымъ заключить, что, во 1-хъ, „въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ совсѣмъ не употреблялся плугъ, ни одинъ, ни вмѣстѣ съ сохой“; таковы уѣзды: Волоколамскій, Зубцовскій, Деревская пятина, Сольвычегодскій, Устюжскій, Каргопольслій и Рязанскій. Во 2-хъ, въ иныхъ мѣтахъ употреблялись иплугъ, и соха, но перевѣсъ былъ на сторонѣ этой послѣдней. Таковы уѣзды: Московскій, Звенигородскій, Рузскій, Боровскій, Коломенскій, Клинскій, Тверской, Старицкій, Дмитровскій, Углицкій, Ростовскій, Владимірскій, Переяславль-Залѣсскій, Пошехонскій, Бѣжецкій и Бѣлозерскій. Въ 3-хъ, „совмѣстное, въ одинаковой мѣрѣ, употребленіе сохи и плуга“ было въ уѣздахъ: Оболенскомъ, Серпейскомъ, Коширскомъ, Муромскомъ и Суздальскомъ. Наконецъ, въ 4-хъ,

[1]) Н. *Рожковъ*, Сельск. хозяйство Московск. Руси въ XVI в. (М. 1899), стр. 116.

въ Костромскомъ и Юрьево-Польскомъ уѣздахъ „плугъ употреблялся чаще сохи“ [1]).

Къ этому подсчету г. Рожкова, равно какъ и выводамъ изъ него, мы должны, къ сожалѣнію, отнестись съ большимъ недовѣріемъ. Провѣрить всѣ данныя, на которыхъ опирался названный ученный, намъ не удалось; но изъ провѣрки нѣкоторыхъ мы узнали, что обычныя въ актахъ выраженія: „куда топоръ, коса и *соха* ходили“, „гдѣ ходилъ *плугъ* и коса, и топоръ“, „куда *плугъ* ходилъ *и соха*“,—выраженія эти не только принимались въ разсчетъ, но даже и послужили главнымъ матеріаломъ для подсчета и выводовъ. Это именно обстоятельство и заставляэтъ насъ недовѣрчиво относиться къ выводамъ г. Рожкова, Дѣло въ томъ, что отмѣченныя выше выраженія суть техническія выраженія. окаменѣлыя формулы тогдашняго приказнаго языка, употреблявшіяся при опредѣленіи границъ съ значеніемъ „гдѣ пахано“. Думать, что писцы въ данномъ случаѣ *всегда* сообразовались съ тѣмъ, какія орудія дѣйствительно употреблялись въ данномъ случаѣ или, по крайней мѣрѣ, въ данной мѣстности,—основаній нѣтъ. Въ подобоыхъ формулахъ слово *плугъ* легко могло сохраняться и въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствующее орудіе исчезло изъ хозяйственнаго обихода. Подобнымъ образомъ, напримѣръ, теперь употребляется въ канцелярскомъ языкѣ выраженіе: „руку приложилъ“ такой-то, когорое означаетъ собственноручную *подпись* даннаго лица, а нѣкога выраженіе это имѣло свое собственное, буквальное, значеніе („сдѣлать какой-либо знакъ рукой на бумагѣ“) и примѣнялось только къ безграмотнымъ. Или: теперь мы говоримъ: „разузнать всю подноготную“, совсѣмъ и не думая о какихъ-либо пыткахъ; между тѣмъ какъ нѣкогда выраженіе это имѣло буквальный смыслъ: пытая, обнажить у человѣка подноготное мясо. Вообще, можно привести сотню примѣровъ, что формулы остаются въ окаменѣломъ видѣ, а выражаемыя ими понятія мѣняются.

Но допустимъ, что подсчитанныя г. Рожковымъ выраженія не были окаменѣвшими формулами, точный первоначальный смыслъ которыхъ уже утратился, а отразили въ себѣ дѣйствительную разницу употреблявшихся одновременно сохи и плуга. Какой же *плугъ* употреблялся въ XVI вѣкѣ въ Московской Руси?.

[1]) Тамъ же, стр. 111—115.

Н. Рожковъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ весьма опредѣленно. „Въ другихъ мѣстахъ,—читаемъ у него [1]):—на ряду съ сохой упоминается *деревянный плугъ*". „Болѣе широкое примѣененіе плуга въ древней Руси, чѣмъ теперь, надо поставить въ связь главнымъ образомъ съ системой земледѣлія: при залежной системѣ обыкновенно обрабатываютъ землю плугомъ, такъ какъ обработка плугомъ способствуетъ росту на залежи злаковъ, дающихъ хорошее сѣно, тогда какъ соха вредитъ этимъ злакамъ. Вотъ почему тамъ, гдѣ замѣтенъ къ концу XVI вѣка земледѣльческій регрессъ (упадокъ), смѣна паровой зерновой системы перележною, можно наблюдать и постепенное вытѣсненіе сохи плугомъ. Съ этимъ выводомъ совпадаютъ и наблюденія г-жи Ефименко (Изслѣд. нар. жизни, вып. I, стр. 201—202), свидѣльствующей, что на сѣверѣ, гдѣ замѣтенъ земледѣльческій прогрессъ (улучшеніе), соха смѣнила плугъ" [2]).

Изъ этихъ словъ съ очевидностью явствуетъ, что г. Рожковъ видитъ въ великорусскомъ „плугѣ" XVI вѣка дѣйствительный плугъ, опрокидывающій пластъ; эпитетъ плуга „деревянный" (откуда онъ взятъ?) даетъ основаніе думать, что названный ученый видитъ тутъ что-то въ родѣ нынѣщняго малороссійскаго плуга.

Нарисованная г. Рожковымъ картина представляется на первый взглядъ очень стройною. Къ сожалѣнію, соотвѣтствіе ея дѣйствительному порядку вещей въ XVI вѣкѣ остается, по крайней мѣрѣ для насъ, подъ большимъ сомнѣніемъ. Гдѣ ручательства того, что „плугомъ" акты XVI вѣка называютъ дѣйствительныи плугъ, а, положимъ, не рало (однозубую черкушу), которое называютъ „плугомъ" не древнѣйшія лѣтописи не другое какое-либо одноральное орудіе [3]), въ отличіе отъ двуральной сохи? Какимъ образомъ можно было дѣйствительнымъ плугомъ пахать лѣсныя подсѣки, которыхъ такъ много было въ старой Руси и

[1]) Тамъ же, стр. 112.

[2]) Тамъ же, стр. 115—116. Сколько мы можемъ догадываться, основаніемъ для г-жи *Ефименко* говорить объ употребленіи встарину на сѣверѣ плуга послужило выраженіе старинной двинской купчей крѣпости: „что къ той полдеревни изстарь потягло, куде ходило *плуго* и коса и топоръ" (*В Крестинина*. Историч. опытъ о сельск. старинн. домостроительствѣ. Спб. 1785, стр. 53). Основаніе, какъ мы видѣли, весьма шаткое!

[3]) Хотя бы, наприм., чертежъ или лемехъ.

на которыхъ иной разъ нельзя бываетъ даже пользоваться легкой сохой, такъ что почву на подсѣкахъ нерѣдко взрываютъ ручными орудіями [1]).

Наконецъ, если плугъ былъ въ большомъ употребленіи у великоруссовъ XVI вѣка, то почему онъ *такъ безслѣдно* исчезъ въ XVIII? Почему нигдѣ почти не сохранилось о немъ рѣшительно никакой памяти, и въ нужныхъ случаяхъ великоруссы пользуются, такъ сказать, суррогатами плуга: сохами-односторонками разнаго вида, сохами съ чертежомъ, „лемехами", косулями, курашимками?

Если кое-гдѣ въ Великоруссіи теперь и извѣстенъ плугъ, то почти всюду—какъ позднѣйшее культурное пріобрѣтеніе: плуги заимствовались или отъ помѣщиковъ или даже ратпространились при помощи земствъ. Единственная область, гдѣ употребленіе великоруссами плуга сравнительное старое,—это сѣверная часть Владимірской губерніи. Здѣсь, въ Переяславскомъ уѣздѣ, плугъ отмѣченъ, рядомъ съ сохою и косулею, уже въ серединѣ XVIII вѣка. Теперь здѣсь половина крестьянъ воздѣлываетъ свою землю плугами [2]).

На сѣверѣ Россіи, въ предѣлахъ нынѣшней Великороссіи, встарину было, какъ извѣстно, немало выходцевъ съ юга, изъ Кіевской Руси. Выходцы эти, конечно, принесли съ собою на сѣверъ не только память объ украинскомъ плугѣ, но, быть можетъ, и самые плуги, по крайней мѣрѣ „плужные желѣза", т. е. лемехи и рѣзаки плуговъ. Среди дѣвственныхъ лѣсовъ плуги, однако же, должны были оказаться не пригодными. Только въ рѣдкихъ степныхъ пространствахъ, наприм. во Владимірской „опольщинѣ" [3]), плуги могли сохраняться. Трудно сказать, но не исклю-

[2]) Напримѣръ, на сѣверо-востокѣ Вологодской губерн. подсѣки только мотыжатъ ручною мотыгою и потомъ сѣютъ (Вологодск. Губ. Вѣдом. 1892, № 47). Срв. § 57 и 7 (Моложск у.).

[7]) *А. Смирновъ*, Плуги и другія улучш. сельскохоз. орудія во Владим. дер., стр. 3.—Старое извѣстіе о мѣстномъ плугѣ въ „Трудахъ Вольн. Эконом. Общ.", часть VII, 1767 года, стр. 88; на рисункѣ переяславскій плугъ изображенъ съ колесами и съ отрѣзомъ; запряжка безъ дуги, парная.

[8]) О ней см. „Современную Лѣтопись" 1871 года, №№ 3—5 (статья Н. *Дубенскаго* „Крестьянское и господское хозяйство въ Опольщинѣ").

чена возможность, что они дожили здѣсь и до нашихъ дней, до жили, конечно, въ сильно измѣненномъ видѣ.

Былъ и другой источникъ плуговъ на сѣверѣ Россіи. Опять-таки земельные аристократы должны были заводить плуги, гдѣ это дозволяла почва. На царскомъ „запасномъ дворѣ" въ с. Измайловѣ были, какъ мы знаемъ, и „плуги".

Предполагать, что старый великорусскій плугъ (если, разумѣется, это былъ дѣйствительный плугъ, а не какое-либо другое одноральное орудіе, въ родѣ „лемеха") переродился потомъ въ косулю, достаточныхъ основаній нѣтъ. Между прочимъ, во Владимірщинѣ, гдѣ плуги давно извѣстны и гдѣ практиковалась выдѣлка ихъ мѣстными мастерами, лемехъ плуга довольно сильно отличался отъ лемеха косули. Исторія сохранила намъ имя кузнеца Александровскаго уѣзда, который впервые прибавилъ широкій косульный лемехъ къ мѣстному плугу и тѣмъ улучшилъ этотъ послѣдній. Имя его—Миронъ Степановъ; жилъ онъ не позднѣе 60—70-хъ годовъ XIX вѣка [1]).

Соха, будучи орудіемъ преимущественно русскимъ, извѣстна, однако же, и нѣкоторымъ другихъ народамъ, въ частности: пруссамъ и финнамъ.

Въ Пруссіи двуральная соха извѣстна подъ именемъ „*зохе*" (или: *зоге*), а также: *стагута* (Stagutte); употребляется она преимущественно около гор. Мемеля. Это тотъ самый видъ сохи, который описанъ нами выше (§ 15) подъ названіемъ „Литовской сохи" [2]).

Двигубскій, авторъ первой русской сельскохозяйственной энциклопедіи, допускалъ возможность, что русская соха ведетъ свое происхожденіе отъ этой именно прусской сохи, т. е., другими словами, заимствована русскими у пруссовъ. Но такое мнѣніе не имѣетъ сколько-нибудь достаточныхъ основаній. Гораздо естественнѣе предполагать, что литовцы переняли двуральную соху

---

1) Промыслы Владимірской губ. Вып. I (М. 1882; изслѣдов. *В. С. Пругавина*), стр. 59.

2) Литературу о прусской сохѣ см. у *Двигубскаго*, Лексиконъ городск. и сельск. хозяйства, т. XI, стр. 27, прим.; у *Рау*, Gesch. d, Pfluges, стр. 34 и у *Фриде*, въ „Тр. Вольн. Эком. Общ.", часть, 1808 г., стр. 270.

отъ русскихъ и, въ свою очередь, передали ее пруссамъ. Не даромъ же въ германской Пруссіи орудіе это слыветъ подъ чисто русскимъ названіемъ: соха (измѣненное на нѣмецкій ладъ: зохе).

Еще менѣе вѣроятно высказанное нѣкоторыми учеными [1]), мнѣніе о происхожденіи русской двуральной сохи отъ финновъ. Объ этомъ у насъ была рѣчь уже выше (§ 28).

Наконецъ, двуральное же и весьма первобытное пахотное орудіе отмѣчено у сибирскихъ инородцевъ, а именно у тубинцевъ Минусинскаго края. Имѣется извѣстіе, что орудіе это было извѣстно тубинцамъ еще до прихода въ названный край русскихъ. А такъ какъ въ Сибири мы сталкиваемся съ наслѣдіемъ самыхъ различныхъ народовъ Востока; въ частности, по отношенію къ земледѣльческимъ орудіямъ, здѣсь найдены были лемехи и отвалы съ китайскими клеймами [2]),—то легко можетъ возникнуть подозрѣніе, не изъ Сибири ли, не съ востока ли ведетъ свое начало русская двуральная соха?

Эти соображенія побуждаютъ насъ подробнѣе остановиться на упомянутомъ тубинскомъ орудіи. Наши свѣдѣнія о немъ чрезвычайно скудны. Вотъ все, что́ извѣстно:

„Въ памяти жителей с. Курагина (Минусинскаго края) сохранилось преданіе о пахотномъ орудіи тубинцевъ... Тубинскіе инородцы, до прихода русскихъ, вспахивали землю *„суковаткой“*, какъ ее называи русскіе (татарское названіе забыто). „Суковатка“ представляла изъ себя короткій березовый стволъ, имѣющій съ одного боку, недалеко одинъ отъ другого, два сука, на концы которыхъ насаживалась пара маленькихъ металлическихъ сошниковъ или лопатъ; у комля стволъ обдѣлывался въ рукоятку, а вершина изображала грядиль. Въ орудіе впрягали, помощью широкихъ подпругъ съ нагрудникомъ (колыръ) пару лошадей.—Съ приходомъ русскихъ „суковатку“, хотя и не вдругъ, смѣнила „соха-рукопашка“ [3]) (т. е. рогалюха).

---

[1]) *Ѳ. Теплоуховъ*, Земледѣльч. орудія Пермск. Чуди (Пермскій Край, кн. I, стр. 86—87).

[2]) Н. *Ядринцевъ*, Начало осѣдлости (Литературн. Сборникъ, изд. ред. „Восточн. Обозр.“, стр. 161, примѣч.).

[3]) *Пав. Аргуновъ*, Очерки сельскаго хозяйства Минусинскаго края и объяснительный каталогъ сельскохоз. отдѣл. Музея (Казань 1892), стр. 80.

Необходимо замѣтить, что народы тюркскаго (татарскаго) корня пользуются вообще одноральными пахотными орудіями, а отнюдь не двуральными. Тубинцы являются въ данномъ случаѣ исключеніемъ. Уже это обстоятельство заставляетъ сильно сомнѣваться въ томъ, что „суковатка" была туземнымъ, роднымъ тубинскимъ орудіемъ. Еще удивительнѣе, что русскіе поселенцы сейчасъ же дали, если вѣрить приведенному выше народному преданію, *чужому* орудію *свое*, русское, имя, причемъ и помнятъ то они теперь только это послѣднее. Здѣсь мы опять сталкиваемся съ весьма рѣдкимъ явленіемъ: одинъ народъ, совсѣмъ не пользуясь орудіемъ сосѣдняго племени, даетъ однако же орудію этого послѣдняго свое, туземное, названіе.

Исходя изъ этихъ недоумѣній, которыя возбуждаетъ въ насъ преданіе жителей с. Курагина, мы склонны даже подозрѣвать, не приписали ли курагинцы своего собственнаго стараго орудія, называвшагося у нихъ „суковаткой", инородцамъ тубинцамъ? Поводомъ могъ послужить, такъ сказать, стыдъ признаться, что они пользовались нѣкогда столь несовершеннымъ, первобытнымъ орудіемъ.—Не настаивая особенно на такомъ предположеніи, мы, однако же, убѣждены, что выводить русскую соху отъ тюркскихъ народовъ никакъ нельзя [1]).

§ 31. (*Достоинства и недостатки русской сохи*). Русская двуральная соха вызывала и продолжаетъ вызывать самые различные, до противоположности, отзывы о ея достоинствахъ и недостаткахъ. Среди сельскихъ хозяевъ и теперь еще не мало восторженныхъ поклонниковъ этого орудія; но никогда не было недостатка и въ самыхъ отчаянныхъ противникахъ сохи.

Стóитъ отмѣтить, что когда, во второй половинѣ XVIII вѣка, въ нашей сельскохозяйственной литературѣ все чаще и чаще

---

[1]) Въ нашей литературѣ высказано было и еще одно мнѣніе объ иностранномъ происхожденіи сохи, а именно—о заимствованіи ея отъ грековъ. „Соха, по мнѣнію нѣкоторыхъ, перешла въ Россію при Вел. Князѣ Владимірѣ изъ Греціи" (Обозр. сельск. хоз. уд. имѣн., 34). Если принять во вниманіе, что о двуральныхъ пахотныхъ орудіяхъ грековъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, то въ опроверженіи приведеннаго мнѣнія надобности не представится. Да и самъ авторъ его пишетъ: „не ручаясь за справедливость этого мнѣнія".

раздавались голоса о необходимости перейти отъ сохи къ плугу,— то въ защиту старой сохи выступило нѣсколько писателей. Извѣстный *Растопчинъ* издалъ въ 1806 году свою книжечку „Плугъ и соха", въ стихотворномъ эпиграфѣ къ которой, между прочимъ, писалъ:

Какъ сынъ, я преданъ ей (т. е. Россіи) и сердцемъ и душой,
Служилъ въ войнѣ, въ дѣлахъ, теперь служу съ Сохой.
Я пользы общества всегда былъ вѣрный другъ,
Хочу увѣрить въ томъ, и возстаю на Плугъ.

„Сколь англинское обработываніе земли,—писалъ Растопчинъ [1]):—можетъ быть выгодно въ окрестностяхъ большихъ городовъ, столь *безполезно*, или лучше сказать, *не возможно* всемѣстно для Россіи въ теперешнемъ ея положеніи". „Не бывъ совсѣмъ непріятелемъ Плуга, останусь другомъ Сохи не отъ упрямства и не отъ невѣжества, а отъ того, что привыкъ съ малолѣтства любить и почитать старинное Русское, и нашелъ опытомъ, что Россійское хорошее хозяйство обогащаетъ" [2]).

Другой писатель того же времени проводилъ въ своей книжечкѣ подобное же мнѣніе, поставивъ эпиграфомъ стихи:

Божественной сохой, во древни времена,
Герои и Цари со славой управляли.

Какъ извѣстно, съ начала XVIII вѣка, со временъ англійскихъ плужныхъ мастеровъ-изобретателей: Луммиса, Пешли и, особенно, Смоля (Small), плуги стали устраивать, сообразуясь съ научными законами механики и математики. Явилась такъ назыв. „теорія плуга", съ точки зрѣнія которой и оцѣниваются теперь всѣ виды культурныхъ земледѣльческихъ орудій. Но для оцѣнки сохи эта „теорія плуга" рѣшительно не примѣнима: соха имѣетъ другія задачи, не тѣ, которыя преслѣдуетъ плугъ. Сохи безъ полицы, только „черкающія" землю, а отчасти и перекладныя сохи совсѣмъ нельзя и сравнивать съ плугомъ, такъ какъ они не оборачиваютъ пласта, т. е. не исполняютъ этой главной работы плуга. Только работа сохъ-односторонокъ и, конечно, косуль допускаетъ сравненіе ея съ плугомъ.

---

1) Плугъ и Соха, писанное степнымъ дворяниномъ. Отцы наши не глупѣй насъ были. Москва, 1806. Стр. 6.

2) Мнѣніе о плугѣ и сохѣ. Спб 1807 г., стр. 3.

Единственный правильный взглядъ на соху долженъ исходить изъ той точки зрѣнія, что соха—орудіе историческое, отжившее свой вѣкъ со времени появленія доступныхъ народу улучшенныхъ, культурныхъ, орудій. Если же соха живетъ еще и послѣ знакомства народа съ такими улучшенными орудіями, она, такъ сказать, переживаетъ самое себя,—то причины этого лежатъ не столько въ самомъ существѣ сохи, какъ пахотнаго орудія, сколько въ условіяхъ народной жизни вообще, въ общемъ экономическомъ и соціальномъ укладѣ этой жизни. Другими словами, достоинства сохи не столько чисто сельскохозяйственнаго свойства, сколько характера экономическаго и соціальнаго.

Вотъ эти достоинства:

1) Крайняя простота устройства сохи. Всѣ деревянныя приспособленія сохи крестьянинъ обыкновенно дѣлаетъ самъ, а если и покупаетъ, то за самую дешевую цѣну. Немногія желѣзныя принадлежности (ральники, иногда еще полица и, крайне рѣдко, подвой) легко выдѣлываетъ любой деревенск:й, доморощенный, кузнецъ, опять таки за ничтожную плату. Въ случаѣ, поломки, починить соху легко можетъ каждый крестьянинъ, въ крайнемъ случаѣ—при помощи того же деревенскаго кузнеца. И эта дешевизна сохи, и эта легкость починки ея,—все это прямой плодъ крайней простоты ея устройства, не требущаго ни фабрикъ, ни мастеровъ-спеціалистовъ, ни рынковъ.

2) Легкость сохи—другое ея достоинство, очень важное при обычномъ у русскихъ крестьянъ недостаткѣ въ рабочемъ скотѣ, при крайней исхудалости этого скота весною, въ самый разгаръ пашни. Соху легко тащитъ самая плохая крестьянская лошадь-кляча; въ нужномъ случаѣ пахарь всегда можетъ взять не себя цѣлую треть работы лошади, что онъ большею частью и дѣлаетъ, постоянно поддерживая соху „на вѣсу“ и, при встрѣчѣ съ какими-либо препятствіями, вытаскивая соху совсѣмъ изъ земли.

3) Универсальность сохи, т. е. примѣнимость ея къ самымъ различнымъ почвамъ и къ самой разнообразной работѣ. Сохою можно пахать рѣшительно всѣ почвы. На почвахъ каменистыхъ и лѣсныхъ соха—прямо незамѣнимое орудіе, такъ какъ плугъ (и даже косуля) на нихъ не годится. На подсѣкахъ, если хотятъ сохранить лѣсъ, то пашутъ тупою „цапулькой“, которая перескакиваетъ черезъ древесные корни, не пересѣкая ихъ; если же лѣса не жалѣютъ, то посылаютъ передъ сохою „чертежъ“; соха (осо-

бенно „коловая“) и здѣсь имѣетъ то преимущество, что оставшіеся корни не сломаютъ ея (деревянная разсоха обладаетъ упругостью) и даже не изогнутъ ея узкихъ ральниковъ. Мелкіе корни легко проходятъ въ промежутокъ между ральниками (промежутокъ этотъ на лѣсныхъ, равно какъ и на каменистыхъ, почвахъ дѣлаютъ шире), не затрудняя совсѣмъ движенія сохи и не стирая, не изнашивая напрасно самыхъ ральниковъ.—Тѣ же самыя преимущества сохи и на каменистыхъ почвахъ, гдѣ вмѣсто древесныхъ корней—мелкіе камни. Убрать всѣ эти камни очень часто бываетъ рѣшительно нельзя, въ виду ихъ безсчетнаго количества [1]), не говоря уже о томъ, что выборка всѣхъ камней ухудшаетъ почву: мелкіе камни сохраняютъ влагу и дѣлаютъ почву рыхлѣе, т. е. доступнѣе дѣйствію воздуха, необходимому для почвы окисленію.

Меньше всего примѣнима соха для подъема нови; но въ предшествіи особаго „чертежа“ она годится и здѣсь [2]).

Самая работа сохи также универсальна. Съ присоединеніемъ деревянной, самодѣльной, бороны, соха служитъ для великорусса единственнымъ земледѣльческимъ орудіемъ, замѣняя собою цѣлый рядъ различныхъ орудій, необходимыхъ въ культурномъ хозяйствѣ. Соха прежде всего разрыхляетъ почву: она не оставляетъ послѣ себя тѣхъ большихъ плотныхъ пластовъ, какіе оставляютъ плугъ и косуля и для разбивки которыхъ необходима, по меньшей мѣрѣ, желѣзная борона, а то такъ и особое орудіе—культиваторъ (скоропашка, рало).—Хорошо взрыхляя и перемѣшивая почву, соха тѣмъ самымъ дѣлаетъ ее легко доступною для кислорода воздуха, для вывѣтриванія.

Корни сорныхъ травъ соха не разрѣзываетъ (какъ плугъ), а вырываетъ ихъ, послѣ чего онѣ высыхаютъ.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Котельническаго уѣзда, гдѣ полосы въ 2—3 саж. шир., собранные съ полосъ камни образовали на межахъ каменныя гряды въ 1 арш. шир. и въ 1/2—1 арш. вышины, занимая пространство въ 1/9—1/6 всего земельнаго надѣла (Матер. по статист. Вятск. губ., т. X, ч. I, стр. 37). О каменистыхъ почвахъ Тотемскаго уѣзда П. *Загорскій* пишетъ: „для этихъ почвъ трудно было бы придумать болѣе прочное, болѣе дешевое и, скажемъ даже, болѣе *цѣлесообразное* орудіе“, нежели двузубая соха (Перв. шагъ культ., стр. 79).

[2]) См. также § 14, о возможности пахать „на полъ-омета“.

Служа прежде всего для первой вспашки, соха столь же, если даже не больше, годится и для запашки сѣмянъ, а также и для окучиванія картофеля. Вотъ почему, заводя плуги и косули, великорусскій зеледѣлецъ всегда оставляетъ и старую соху (иногда безъ полицы, такъ навыв. черкуху), которою онъ запахиваетъ сѣмена и окучиваетъ картофель.

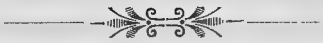
Такимъ образомъ, соха замѣняетъ крестьянину, по крайней мѣрѣ, четыре отдѣльныхъ орудія культурныхъ хозяйствъ: плугъ, экстирпаторъ, запашникъ и окучникъ. И кромѣ того, послѣ сохи земледѣлецъ довольствуется своедѣльною деревянною бороной, а послѣ плуга необходима, по меньшей мѣрѣ, борона съ желѣзными зубьями.

Послѣ всего этого не удивительно, что, при нашей дешевизнѣ земледѣльческихъ продуктовъ, русскій крестьянинъ такъ крѣпко продолжаетъ держаться за свою „матушку-соху". Необходимость перейти отъ экстенсивнаго земледѣлія къ интенсивному плохо сознается и нашимъ образованнымъ обществомъ, включая и сельскихъ хозяевъ. Не даромъ же всѣ почти ищутъ разрѣшенія нашего аграрнаго вопроса прежде всего и больше всего въ увеличеніи площади крестьянскихъ запашекъ, а не въ улучшеніи самыхъ способовъ земледѣлія. Тѣмъ простительнѣе подобное разсужденіе простому народу.

А если заглянуть въ старину, за пять и болѣе вѣковъ тому назадъ, то необходимо признать, что для того времени соха была весьма удовлетворительнымъ орудіемъ, была весьма удачнымъ выходомъ изъ тогдашней дороговизны и рѣдкости желѣза, недостаточности рабочаго скота и, наконецъ, частаго передвиженія земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто (съ подсѣки на подсѣку, съ починка на починокъ,—слѣды чего сохранились въ безчисленныхъ „пустошахъ" и „селищахъ" нашихъ старинныхъ актовъ).

Недостатки сохи: 1) непрочность ея деревяннаго станка, перевязаннаго веревочными подвоями; 2) не оборачиваетъ и не опрокидываетъ пласта, почему весьма неудобна на новяхъ. (Въ сохахъ-односторонкахъ, не говоря уже о курашимкѣ и косулѣ, этотъ недостатокъ въ нѣкоторой степени устраненъ); 3) плохо справляется съ очень крѣпкими корнями нѣкоторыхъ сорныхъ травъ, наприм. полевика, корни котораго приходится пахарю разрубать топоромъ; 4) не годится для глубокой вспашки, плодъ чего—бы-

строе истощеніе верхняго слоя почвы; 5) не имѣя полоза (подошвы), идетъ не ровно, толчками, легко забѣгаетъ кверху или книзу, а также и вбокъ, въ борозду; пахарь долженъ держать ее постоянно на рукахъ, что очень тяжело для него; непривычная лошадь также мучится отъ постоянныхъ толчковъ; 6) корпусъ сохи высокъ и задніе концы оглобель укрѣплены также высоко; это затрудняетъ и лошадь и пахаря.



VIII. Географическое распространеніе различныхъ видовъ сохи.

Настоящая глава должна замѣнить своего рода карту распространенія различныхъ видовъ сохи. Въ ней же читатель найдетъ нужный матеріалъ для дополненія, а также и для повѣрки нашего предшествующаго изложенія: правы ли мы были, установивъ извѣстные типы сохъ, не опустили ли мы какихъ-либо существенныхъ видовъ ея и правильно ли представили самый ходъ постепеннаго развитія и улучшенія сохи.—Здѣсь будутъ описаны и нѣкоторые новые виды сохъ, не описанные нами выше, такъ какъ съ точки зрѣнія избранной нами системы они оказываются несущественными, отличаясь отъ другихъ видовъ не устройствомъ своихъ работающихъ частей, а только второстепенными признаками.

Картину распространенія сохъ по Россіи мы изобразимъ въ алфавитномъ порядкѣ губерній. Малорусскія губерніи войдутъ въ нее главнымъ образомъ по стольку, по скольку и въ нихъ употребительны сохи.

Въ виду краткости своего изложенія, мы здѣсь не скупимся на библіографическія указанія.

§ 22. (*Архангельская губернія*). Въ „Архангельскомъ Сборникѣ" 1863 г. сообщается о мѣстныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ слѣдующее: „Сохи бываютъ односошныя и двусошныя; первыя употребляются для раздиранія полей и пропахиванія между пнями; вторыя—для поднятія обыкновенныхъ нивъ" [1]). Здѣсь подъ

---

[1]) Книга I (Арханг. 1863), стр. 111. Сообщеніе взято у *Ив. Пушкарева*, Описаніе Россійской Имп., т. I, кн. II, стр. 52 (Спб. 1845).

„односошныма сохами“ разумѣются, конечно, чертежи (см. § 17). „Въ Архангельскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ, для нагорныхъ запашекъ, употребляются сохи *о трехъ широкихъ ралахъ*, одно меньше другого; а для низовыхъ запашекъ—сохи, имѣющія широкое рало, рѣзецъ и крыло“ [1]). Въ послѣднихъ словахъ не трудно узнать косулю (рѣзецъ—отрѣзъ, крыло—отвалъ). По нашимъ личнымъ свѣдѣніямъ, въ Архангельск. уѣздѣ употребительна косуля ярославскаго типа, которую здѣсь обыкновенно называютъ „сохою“. Соха съ тремя ральниками—рѣдкое явленіе, отмѣченное еще въ Костромской губ. („тройная соха“).

Н. Костылевъ описываетъ соху Арханг. губ. двуральной, съ „*неподвижною* лопаткою вмѣсто отвала“ (т. е. односторнку); оглобли укрѣплены въ рогалѣ (Мірское Слово 1870 г., № 9, стр. 139). По *Н. Козлову* (Арханг. губ. 140), мѣстныя орудія—„обычныя сохи, односошныя, а болѣе двусошныя“.

§ 33. (*Астраханекая губ.*). Здѣсь преобладаетъ малороссійскій плугъ. „Пашутъ астраханскіе *татары сохами* и обыкновенными *малыми сабанами* своими, а прочіе всѣхъ уѣздовъ землепашцы пашутъ *обыкновенными плугами на быкахъ*“ [2]). Въ Черноярскомъ уѣздѣ „паханіе обыкновенно производится *плугомъ*“. Плугъ стоитъ $19^1/_2$ руб.; лемехъ—8 р., отрѣзъ $3^1/_2$ р., столба желѣзн. 2 р., грядиль 1 р. 75 к., чепиги сталь же, прочая дерев. отдѣлка $2^1/_2$ руб. Запрягаютъ въ него 5 паръ воловъ. „Соха встрѣчается въ имѣніи Кишенскихъ, гдѣ скотоводство очень бѣдно“ [3]).

§ 34. (*Бессарабія*). Сохъ нѣтъ, а украинскій плугъ и рало; послѣднее двухъ родовъ: 1) однозубое, съ рукоятками и 2) тройчакъ, безъ рукоятокъ.

Журн. Мин. Госуд. Имущ., часть VIII, 1843 г., отд. I, стр. 42; срв. часть 56, отд. II, стр. 9; *А. Зашукъ*, Бессарабск. обл. Матер. для геогр. и стат. Росс. (Спб. 1862).—Срв. § 56.

---

[1]) Пушкаревъ, стр. 52.

[2]) Хозяйств. опис. Астрах. и Кавказск. губ. (Спб. 1809), стр. 398.

[3]) Журн. Мин. Госуд. Имущ., ч. 40, стр. 260 и 262.

§ 35. (*Виленская губ.*). Господствуетъ соха, описанія которой мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Судя по тому, что мѣстною „сохою нѣтъ возможности разбить или привести въ рыхлое состояніе отворачиваемыхъ глыбъ земли“ (*А. Коревъ*, Виленск. губ., 1861 г., стр. 437), можно догадываться, что это—т. наз. литовская соха. Пашутъ преимущественно на волахъ.

Въ *Витебской губ.* также отмѣчена „обыкновенная малая соха“ (Проф. *Шмельцъ*, въ „Земледѣльч. Газетѣ“ 1835 г., № 38, стр. 298), но подробностей нѣтъ.

§ 36. (*Владимірская губ.*). Въ Переяславскомъ уѣздѣ въ 1767 году отмѣчены: соха, косуля и плугъ. Судя по плохому рисунку, соха безъ полицы; запряжка съ дугою; косуля, кажется, ярославскаго типа; плугъ—съ передкомъ и отрѣзомъ [1]). Въ 1884 году въ томъ же уѣздѣ отмѣчено 5 различныхъ орудій: коловая соха, перовая соха, самолетъ, косуля и плугъ. Перовая соха „появилась сравнительно не такъ давно, какъ дальнѣйшее усовершенствованіе коловой сохи“. „Самолеты [2]) появились еще позже, не болѣе 20 лѣтъ тому назадъ; болѣе легкія орудія, чѣмъ косуля, самолеты во многихъ мѣстахъ замѣнили косули и сохи. Плуги (пароконные) появились взамѣнъ косуль и самолетовъ не болѣе 10—15 лѣтъ назадъ и раепространются весьма быстро“. Коловыя сохи употребляются на каменистыхъ и глинистыхъ почвахъ; первыя —на песчаныхъ и болотистыхъ. Въ сѣв.-зап. и западной частяхъ уѣзда употребляются только сохи; въ юговосточной части сохами пашетъ половина населенія. Плугъ стóитъ 8 рублей; ихъ кое-гдѣ дѣлаютъ на мѣстѣ [3]).

Въ Александровскомъ уѣздѣ употребляются тѣ же самыя орудія, и также въ зависимости отъ рода почвы. Въ Еременской, Нушпольской и Константиновской волостяхъ мѣстные кузнецы во множествѣ выдѣлываютъ сошники (коловые и перовые) и полицы, какъ для своей губерніи, такъ и для Московской. Въ Андреевской

---

[1]) Тр. Вольн. Эконом. Общ., ч. VII, 1767 г., стр. 88 и 92.

[2]) Это ярославская косуля, иногда нѣсколько улучшенная.

[3]) Промыслы Владимірской губерніи, вып. V, (М. 1884, изслѣдов. С. А. *Харизоменова*), стр. 14—16 и 160.

и Годуновской волостяхъ выдѣлываются плуги, теперь главнымъ образомъ съ косульнымъ лемехомъ (изобѣтеніе Мирона Степанова); косупи здѣсь сильно вытѣсняются этими плугами [1]).

Въ *Юрьевскомъ* уѣздѣ въ 80 годахъ выдѣлывались косули: 14 мастеровъ ежегодно изготовляли до 500 косуль, продавая по 5 рублей съ отрѣзомъ и по 4 безъ него. Изъ Александровскаго уѣзда проникло сюда производство плуговъ. Въ Петровской волости пахали висячими (т. е. безъ передка) плугами мѣстнаго же изготовленія [2]).

Удѣльные крестьяне Владимірск. губ. въ началѣ XIX вѣка на глинистыхъ почвахъ употребляли косулю, а для перепашки „соху на два сошника", т. е. перекладную соху; на песчаныхъ же почвахъ употребляли только соху [3]).

Распространенію плуга въ предѣлахъ Владимірской губ. много способствуетъ широкое развитіе здѣсь отхожихъ промысловъ: обработка земли ложится на плеча женщинъ, стариковъ и малышей, а они предпочитаютъ пахать плугомъ: гораздо легче для пахаря, нежели пахать сохой. Въ 1903 году былъ произведенъ подсчетъ пахотныхъ орудій, причемъ плуговъ насчитано было около 50 тыс., что составляетъ 35,2% пашущихъ дворовъ. Въ 12 волостяхъ употребляется исключительно плугъ: нѣтъ ни сохи, ни косули. Въ Александровскомъ уѣздѣ плугомъ пользуются 78% всѣхъ хозяевъ, въ Покровскомъ—68%. Линія Московско-Нижегородской желѣзной дороги дѣлитъ губернію на двѣ части: въ сѣверной половинѣ всѣхъ домохозяевъ пашутъ плугами, а въ южной (включая въ нее и восточную полосу Гороховецкаго уѣзда)—только 5%. Въ уѣздахъ Судогодскомъ, Меленковскомъ и Муромскомъ сохи весьма преобладаютъ и надъ косулями (39000: 260) [4]).

Въ Сельскохозяйственномъ Музеѣ въ С.-Петербургѣ (Фонтанка, 10) подъ именемъ „владимірской сохи" выставлена перовая перекладная соха съ составною разсохой и съ веревочными

---

[1]) Тамъ же, вып. I, стр. 59 и 176; вып. II, стр. 114; 233—234, 286 и 336.

[2]) В. С. *Пругавинъ*, Сельская община, кустарн. промыслы и земледѣльч. хозяйство Юрьевск. уѣзда (М. 1884), стр. 69—70.

[3]) Обозр. сельск. хоз. удѣльн. им., стр. 67—68.

[4]) *Алексѣй Смирновъ*, Плуги и другія улучш. сельскоз. орудія во Владим. деревнѣ, стр. 3—6.—Ср. также „Сѣверн. Вѣстн". 1888 г., IV, стр. 144 (ст. *В. В.*).

подвоями. Разсоха вдолблена въ рогаль; уголъ между разсохой и обжами сравнительно очень острый, вслѣдствіе чего соха эта должна пахать мелко. Желѣзная полица имѣетъ форму съуживающейся книзу лопатки.

Въ не такъ давно изданномъ мѣстною архивною комиссіею „Топографическомъ описаніи Владимірской губ.“ 1784 г. въ уѣздахъ: Муромскомъ, Гороховецкомъ, Судогодскомъ, Вязниковскомъ и Меленковскомъ названы, въ числѣ мѣстныхъ пахотныхъ орудій, только сохи (стр. 58, 65, 88, 101 и 106); во Владимірскомъ и Александровскомъ уѣздѣ плуги и сохи (стр. 19), а во всѣхъ прочихъ уѣздахъ—косули и сохи, и только въ Переяславскомъ уѣздѣ помѣчены „плуги, косули и сохи“ (стр. 37). Съ этимъ согласно позднѣйшее свидѣтельство Н. Добрынкина, который отмѣчаетъ въ Муромскомъ уѣздѣ только перекладную соху (Ежегодникъ Владим. Губ. Стат. Ком., том. IV, стр. 6).

Въ Шуйскомъ уѣздѣ различались прежде „соха *пахотная*“ и „соха *оральная*“ (Владим. Губ. Вѣдом. 1868 г., № 32, статья Ив. Лядова). Нужно думать, что первая—перекладная, а вторая—односторонка (?).

Въ томъ же Сельскохозяйственномъ Музеѣ имѣется еще „владимірская косуля“. Она—ярославскаго типа: оглобли укрѣплены въ плотинѣ, а не въ рогалѣ; правая оглобля выгнута, а лѣвая—прямая. Стужней два, оба идутъ отъ рогаля къ перечню между оглоблями. Отрѣзъ проходитъ чрезъ лѣвый стужень и лѣвую оглоблю.

§ 37. (*Вологодская губ.*) Въ Вологодскомъ уѣздѣ „для пашни употребляются двоякіе инструменты: при сѣрой и нѣсколько съ мелкимъ пескомъ смѣшанной землѣ *косули*, а при каменистыхъ и крупнымъ щебнемъ наполненныхъ поляхъ *сохи*“ [1]). Это, однако же, не были еще косули въ собственномъ смыслѣ слова, а только сохи-односторонки и именно „сохи съ брылой“. Изъ того же уѣзда имѣется свѣдѣніе 1773 г. „*соха* имѣетъ два сошника безъ отрѣзу, а въ *косулѣ* такіе же сошники, токмо ту разноту имѣютъ, что лѣвой сошникъ покривѣе и отрѣзъ прямой“ [2]).

---

[1]) *Олишевъ*, въ „Труд. Вольн. Эком. Общ.“ 1766 г., часть II, стр. 107—108.

[2]) Тамъ же, часть 23, 1773 г., стр. 234.

Однако, въ 1842 году *Эд. Лоде* засталъ во всей юго-западной части Вологодской губ. полное преобладаніе косули, уже однолемешной. Эд. Лоде раздѣлилъ Вологодскую губернію, въ хозяйственномъ отношеніи, на три части: 1) югозападную, заключающую въ себѣ уѣзды: Грязовецкій, Вологодскій, Кадниковскій, западную часть Вельскаго (такъ назыв. Троичину или Троицкія вол.) и небольшую часть Тотемскаго (около села Шуйскаго); 2) среднюю часть, куда входятъ уѣзды: Тотемскій, Никольскій, Великоустюжскій и восточная половина Вельскаго и 3) сѣверо-востокъ губерніи, т. е. уѣзды: Сольвычегодскій, Устьсысольскій и Яренскій.

Юго-западная часть, по мнѣнію Лоде, „отъ Ростова заимствовала мирныя орудія землепашца. Здѣсь нѣтъ сохи, какъ въ Новгородѣ, Ингерманландіи и Бѣлоруссіи; мѣсто ея заступаетъ косуля, подобная ярославской и владимірской“ [1]). Мѣстной косулѣ „недостаетъ лишь отдѣльнаго (?) сошника и отвала съ надлежащимъ выгибомъ“ [2]). Во второй, средней, части губерніи „косуля не имѣетъ „рѣзака“ или ножа и болѣе приближается къ сохѣ; вмѣсто одного цѣлаго орала или сошника она имѣетъ два лемеха, отличающіеся отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что оба находятся на одной сторонѣ, а потому отваливаютъ землю постоянно на правую сторону, чему способствуетъ и полица, придѣланная къ переднему лемеху“ [3]). Наконецъ, въ сѣверовосточномъ углу губерніи употребляется соха, которая, имѣетъ ту особенность отъ бѣлорусской и ингерманландской сохи, что край ея лѣваго сошника загнуть вверхъ, въ видѣ острія, что нѣсколько облегчаетъ отдѣленіе пласта отъ цѣлины“ [4]).

Эд. Лоде былъ въ Вологодской губ. очень непродолжительное время, почему и не успѣлъ вполнѣ достаточно ознакомиться съ нею, въ чемъ сознается и самъ [5]). Нарисованная имъ картина географическаго распространенія земледѣльческихъ орудій въ губерніи вѣрна въ общемъ, но въ частностяхъ грѣшитъ противъ истины. Такъ, въ Кадниковскомъ уѣздѣ, около Кубенскаго озера т. е. въ первой части Лоде) и теперь еще употребительны дву-

1) Тамъ же, стр. 28.
2) Тамъ же, стр. 29.
3) Тамъ же, стр. 163—164.
4) Тамъ же, стр. 181.
5) Стр. 1

ральныя сохи-односторонки съ ральниками на одной сторонѣ, т. е. сохи, которыя Лоде считаемъ характерными только для средней полосы губерніи [1]). На юго-западѣ губерніи употребительнѣе косуля не ярославскаго типа, какъ то можно полагать изъ словъ Лоде, а костромская косуля [2]). Въ Троичинѣ Вельскаго уѣзда еще долго спустя послѣ Лоде употреблялась „соха чуть не допотопной конструкціи", у которой „землерѣзъ уже обыкновеннаго" [3]). При всей туманности этого описанія, не трудно увидать тутъ двуральную соху, если не „коловую", то близкую къ этой послѣдней, тѣмъ болѣе что рѣчь идетъ о каменистыхъ почвахъ. *П. Загорскій* въ 1885 году дѣлилъ Тотемскій уѣздъ на двѣ равныя части (прямою линіею, проведенною съ сѣвера на югъ отъ западныхъ поселеній Кокшéньги, черезъ Пятовскую волость, до верховьевъ р. Леденги и далѣе на югъ): въ восточной половинѣ уѣзда почти исключительно употребляются „сохи съ брылой" (см. выше § 16; по Лоде, эти сохи употребительны только на сѣверо-востокѣ губерніи); отвалъ у нихъ „рухадловаго типа", т. е. цилиндрическій, или же въ видѣ небольшого придатка. Въ западной половинѣ уѣзда сохи безъ „брылы", но часто съ особымъ рѣзцомъ (отрѣзомъ); отвалъ же у нихъ по преимуществу винтовой. „Сохи съ брылой" заходятъ и въ эту часть уѣзда, изрѣдка встрѣчаясь въ волостяхъ: Биряковской, Великодворской, Калининской и Пятовской [4]). Косуля костромского типа и рядомъ съ нею „чертежникъ" или „черкуша" употребляются въ волостяхъ: Шуйской, Великовской и въ южной части Трофимовской [5]).

Эта неточность описанія Лоде не помѣшала однако же послѣдующимъ авторамъ повторять его почти буквально. Такъ сдѣлалъ *Ив. Пушкаревъ* [6]), а послѣ него *Н. Бунаковъ* [7]); послѣдній даже не указываетъ своего источника; Сольвычегодскій уѣздъ онъ относитъ къ средней части, врядъ ли удачно.

---

[1]) Зап. Казанск. Экон. Общ. 1854, I, отд. II, стр. 122.

[2]) Волог. Губ. Вѣдом. 1880, № 25; П. *Загорскій*, Первый шагъ, стр. 75.

[3]) Волог. Губ. Вѣдом. 1862 г., № 18 (статья *Вл. Попова*).

[4]) П. А. *Загорскій*, Первый шагъ въ дѣлѣ улучш. появл. культ у крест. Тот. у., стр. 74.

[5]) Тамъ же, стр. 75.

[6]) Описаніе Вологодск. губ. (Спб. 1846), стр. 57, 62 и 68.

[7]) Русскій Дневникъ, №№ 133—135 и Волог. Губ. Вѣд. 1860, № 50—52, стр. 352—365.

О земледѣльческихъ орудіяхъ Вологодской губ, кое-какія свѣдѣнія можно еще найти у *Н. А. Иваницкаго*, Матеріалы по энтограф. Волог. губ. (Труды Этнограф. Отдѣла Имп, Общ. Любит. естествозн., т. XI, вып. I, М. 1890, стр. 31); въ „Вологодскомъ Сборникѣ", томъ V, стр., 218 (здѣсь отмѣчается въ Никольскомъ у, косуля, „похожая конструкціей на ярославскую, но устойчивѣе ея"). Авторъ рукописнаго словарика села Чалова,, Тотемск. у. (отвѣтъ на прогр. Академіи Наукъ № 203), называетъ рядомъ съ косулею и сохою, также *„черкушу"*.

Въ Сельскохозяйственномъ Музеѣ въ Спб. „вологодская косуля"—костромского типа: концы оглобель укрѣплены въ рогалѣ. Обѣ оглобли прямыя. По бокамъ деревяннаго стужня, идущаго отъ перечня къ плотинѣ, имѣются два желѣзныхъ стержня.

§ 38. (*Волынская губ.*). Въ „Волынскомъ Полѣсьи", т. е. въ сѣверовосточной части губерніи, гдѣ много лѣсовъ и болотъ, а почва песчаная, пашутъ сохами. Собственно же „на Волыни", т. е. изъ южной, степной части губерніи, употребителенъ малороссійскій плугъ и рало. Мѣстная полѣсская соха описана нами выше подъ именемъ „Литовской сохи" (см. § 15); впрягаютъ въ нее здѣсь обыкновенно пару воловъ, рѣдко одного [1]). Нѣкоторые наблюдатели различаютъ „простую соху", одноволовую или одноконную отъ „двуконной сохи": первая употребляется въ сѣверныхъ частяхъ Овручскаго, Ровенскаго, Ковельскаго и Луцкаго уѣздовъ; вторая—въ южной части Овручскаго уѣзда и въ сѣверной части Владимірскаго. Кромѣ того, „въ сѣверной части Житомірскаго уѣзда пашутъ сохою, похожею по устройству на косулю" [2]). Объ отличіи въ устройствѣ этихъ сохъ мы, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣемъ.

Плуги—чѣмъ южнѣе, тѣмъ бо́льшихъ размѣровъ; въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ и въ южной части Владимірскаго пашутъ на шести волахъ [3]).

---

[1]) Волынск. Губернск. Вѣдом. 1868, № 44, стр. 175, № 45, стр. 179. Тоже: А. *Братчиковъ*, Матеріалы для изслѣдов. Волынск. губ. въ статист., этногр., сельскохоз. и др. отн., вып. I, стр. 75—77.

[2]) *В. Чаславскій*, Волынская губ., ея хлѣбопашество и хлѣбная производительность (Сельск. Хозяйство и Лѣсов. 1871 г., I, стр. 20—21.

[3]) Тамъ же.

Въ Овручскомъ уѣздѣ изъ мѣстнаго, очень хрупкаго, желѣза выдѣлываются „наральники“ (для ралъ); распространяются они болѣе въ сосѣднихъ уѣздахъ, нежели въ самомъ Овручскомъ [1]).

§ 39. (*Воронежская губ*). Въ великорусской части губерніи преобладаетъ перекладная двуральная соха. Довольно подробно описываетъ ее *О. Никоновъ* въ статьѣ „Бытъ и нравы поселянъ-великороссовъ Павловскаго уѣзда“ [2]). Разсоха—„цѣльная, самородная“, а въ Воронежскомъ уѣдѣ—нерѣдко составная изъ двухъ кривыхъ брусовъ, что легче. Полица желѣзная, а изрѣдка и деревянная. Лопасти сошниковъ расположены наклонно другъ къ другу.—О сохахъ въ другихъ уѣздахъ упоминаютъ: *Б. Любанскій* въ „Отчетѣ объ агрономическ. путеш. по Воронежск. и Землянск. у.у.“ (Журн. Мин. Госуд. Имущ., часть 56, 1855 г., отд. II, стр. 79: „обыкновенныя одноконныя сохи“); *В. А. Бекетовъ*, „Воронежская губ. въ сельскохоз. отнш. „(Москва, 1894; стр. 23: преобладаніе сохи) и *П. Малыхинъ* изъ Нижнедѣвицкаго у. (Энтографич. Сборн. И. Русск. Географ. Общ., вып. I, стр. 229: „одноконная легкая соха“). Нами отмѣчены въ 1907 году желѣзныя сохи (см. выше § 13).

Малороссійскій плугъ нерѣдко употребляется и великоруссами, кто только въ состояніи завести его. *О. Никоновъ* пишетъ о павловскихъ великоруссахъ: „Какимъ недосягаемымъ блаженствомъ считается для малосильнаго крестьянина завести себѣ плугъ! „(стр. 72). Плугомъ пашутъ на 3 или 4 парахъ воловъ, какъ новь поднимать которую приходится рѣдко), такъ и старую землю; лемехъ его около $^3/_4$ арш. шир. ниже трубицы и столько же длины отъ трубицы до носка; отвалъ иногда въ $1^1/_2$ арш. длиною *В. Бекетовъ* описываетъ еще „ралку“—родъ бороны съ деревянной рамой треугольной или прямоугольной формы, съ желѣзными лапчатыми зубьями (8—10 в. дл.), иногда съ колеснымъ передкомъ; употребляется для задѣлки сѣмянъ и двоенія пара (стр. 31).—срв. Библ. для Чт., ч. 120, 1853 г., отъ IV, стр. 3; ниже § 80.

---

[1]) Волынск. Губ. Вѣд. 1868, № 49.—Объ орудіяхъ южной части губ. срв. „Русское Сельское Хозяйство“, томъ 14, 1873 г., стр. 196—198.

[2]) Труды Имп. Вольн. Эконом. Общ. 1861 г., томъ IV, отд. I, стр. 73.

§ 40. (*Вятская губ.*). Вятская губернія отличается очень большимъ разнообразіемъ пахотныхъ орудій, что объясняется какъ ея величиною, такъ и особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что въ предѣлахъ ея сошлись и столкнулись двѣ различныхъ земледѣльческихъ волны. Одна волна шла съ запада, изъ Яранскаго уѣзда, входившаго нѣкогда въ составъ Казанской губерніи; отсюда шли— сначала „лемехъ", а послѣ него косуля. Если „лемехъ" дошелъ, въ своемъ постепенномъ движеніи, до восточныхъ границъ губерніи, широко распространившись даже въ Сарапульскомъ и, отчасти, въ Глазовскомъ уѣздахъ,—то косулѣ не удалось уже проникнуть столь далеко: движеніе ея на востокъ задержала новая волна, встрѣчная, шедшая изъ Пермской губерніи. Это послѣднее теченіе несло съ собою курашимку. Въ результатѣ, эти два теченія какъ бы подѣлили между собою губернію; первому достался западъ, второму востокъ; косулѣ, однако же, выпала бо́льшая доля по сравненію съ курашимкой, что́ объясняется не только болѣе раннимъ появленіемъ ея въ предѣлахъ губерніи, но также и ея преимуществами передъ курашимкой. Но за то эта послѣдняя была видоизмѣнена мѣстными кузнецами, въ результатѣ чего явились новые виды сохъ: чегандинка, зуевка, туташевскій сабанъ, мосинскій сабанъ и т. п.

Оба разсмотрѣнныя теченія принадлежатъ уже XIX вѣку. До косули и курашимки вятчане пользовались „сохою съ брылой" (см. § 16), которая очень широко распространена и теперь; отличительною особенностью вятской сохи съ брылой служитъ наличность крыла (или окрылка), т. е. выступа на правомъ боку разсохи, помогающаго отваливанію пласта.

Древнѣйшее описаніе такой „вятской сохи" имѣется въ „Обозрѣніи сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній 1832—32 г.г." (стр. 117). Позднѣйшіе авторы лишь повторяютъ это описаніе (*Б. Любанскій* въ Журн. Мин. Госуд. Имущ., ч. 42, стр. 219; *Рѣшетниковъ* въ Вятск. Губ. Вѣдом. 1845, № 32).—Перекладныя сохи на Вяткѣ крайне рѣдки; встрѣчаются онѣ кое-гдѣ только въ Сарапульскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ.

Весьма богатый матеріалъ для знакомства съ земледѣльческими орудіями Вятской губерніи содержится въ изданныхъ мѣстнымъ губернскимъ земствомъ „Матеріалахъ по статистикѣ Вятск. губ." (т. I, стр. 72—75; т. II, стр. 35; т. IV, стр. 45—48; т. V, стр. 55—61; т. VII, ч. I, стр. 88—91; т. X, ч. I, стр. 83—88; т. XI,

ч. I, стр. 50—54; срв. также „Матеріалы по опис. промысл. Вятск. губ.“, вып. I, стр. 205—219).

Кромѣ описанныхъ нами въ предшествующихъ главахъ видовъ сохи, въ названныхъ только-что изданіяхъ мы встрѣчаемся еще съ новыми видами, употребляющимися у инородцевъ. Одинъ видъ описанъ здѣсь (т. I, стр. 72—73) подъ именемъ „вотской сохи“. Отличительныя особенности ея слѣдующія: небольшіе узкіе ральниии (*амезъ*) насажены на разсоху не наклонно, а почти горизонтально, такъ что вся нижняя поверхность ихъ служитъ точкою опоры для сохи, какъ бы замѣняя полозъ или подошву. Благодаря этому, ею легче пахать, нѣтъ необходимости держать ее все время пахарю на рукахъ; но за то она не можетъ пахать глубоко и, будучи вынута изъ борозды, вновь углубляется въ землю не сразу, а постепенно: первыхъ двѣ сажени забираетъ очень мелко или даже скользитъ по поверхности; вотъ почему она не пригодна на каменистыхъ и лѣсныхъ, вообще неровныхъ почвахъ, а также при короткихъ полосахъ („гóнахъ“), гдѣ приходится часто вынимать соху изъ борозды.

Другая отличительная особенность „вотской сохи“ состоитъ въ томъ, что разсоха у ней никогда не вдалбливается въ рогаль, а привязывается къ нему веревками или ремнями, почему и движется, какъ бы на шарнирахъ. Въ этомъ отношеніи вотская соха близка къ той русской сохѣ, у которой разсоха стискивается между рогалемъ и „корцомъ“, связанными при помощи веревокъ. —Запряжка въ вотской сохѣ всегда съ дугою, чего у русскихъ вятчанъ почти никогда не бываетъ.

Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ „вотская соха“ не отличается отъ мѣстной русской сохи; она также неперекладная, хотя „брыла“ ея, при узости ральниковъ, бываетъ меньше и иногда даже очень мало замѣтна.—Въ Малмыжскомъ уѣздѣ, къ которому и относится приведенное описаніе, „вотская соха“ встарину употреблялась и у русскихъ крестьянъ.

„Русско-вотская соха“ того же уѣзда представляетъ собою простой переходъ отъ вотской сохи къ русской (ближе къ первой), и самостоятельнаго значенія не имѣетъ. „*Черемисская соха*“, „на первый взглядъ производящая впечатлѣніе какъ бы какого-то особеннаго орудія“, отличается „отъ мѣстной русской сохи только своею неуклюжестью и грубостью отдѣлки“.

Загадочный „лемехъ“ распространенъ въ Вятской губерніи повсюду; его родину нужно искать гдѣ-либо неподалеку отъ Яранскаго уѣзда. „Чертежи“ на Вяткѣ въ широкомъ распространеніи; исчезаютъ они только съ появленіемъ косуль. Наконецъ, встарину въ Яранскомъ уѣздѣ употреблялась однозубая „черкуша“, по своему устройству тожественная съ малорусскимъ однозубымъ раломъ и представляющяя собою самое простѣйшее изъ существующихъ пахотныхъ орудій русскаго народа.

У „вятской косули“ въ Спб. сельскохозяйственномъ музеѣ обѣ оглобли выгнутыя, подобно косулѣ ярославской, но концы этихъ оглобель укрѣплены въ рогалѣ, что дѣлаетъ эту косулю болѣе близкою къ костромскому типу косуль.

§ 41. (*Гродненская губ.*). Повсемѣстно употребляется *подляшская* соха“ (т. е. полѣсская, литовская?). Она съ двумя ральниками, 6 вершк. дл., а на песчаныхъ почвахъ нѣсколько короче; „одинъ сошникъ подрѣзываетъ землю снизу, а другой съ краю“ (т. е. одинъ стоитъ на ребрѣ? какъ оно и есть въ литовской сохѣ). Глубина вспашки 2—3 вершка (*П. Бобровскій*, Гродн. губ. II, 26; срв. Гродн. Губ. Вѣдом. 1872, № 12, гдѣ упоминается еще и плугъ),

§ 42. (*Екатеринославская губ.*). Здѣсь сохъ нѣтъ; прежній деревянный украинскій плугъ уже успѣлъ исчезнуть, замѣненный машинами (Энтограф. Обозр. 1905 года, II—III. стр. 302). Въ 1851 году упоминается „малороссійскій улучшенный плугъ“ и „орало“ (Журн. Мин. Госуд. Имущ., ч. 39, стр. 42) *В. Е. Постниковъ* (Южнорусское крестьянск. хозяйство, М. 1891, стр. 238) отмѣчаетъ на сѣверо-востокѣ губерніи „простой малорусскій плугъ“ и 5—9 зубое рало,—Срв. § 56.

§ 43. (*Казанская губ.*) Самымъ употребительнымъ орудіемъ служитъ перекладная соха, древнѣйшее описаніе которой сдѣлано *П. Рычковымъ* въ 1758 г. (Сочин. и перев., къ пользѣ и увес. служ., май, стр. 436—438). Разсоха не составная, а цѣльная; оглобли съ крючьями на заднихъ концахъ; запряжка безъ дуги. Ав-

торъ „Обозр. сельск. хоз. удѣльн. им.“, кромѣ перекладной сохи, говоритъ еще объ употребленіи въ заволжскихъ и особенно закамскихъ мѣстностяхъ губерніи чертежа („рѣзца“; стр. 69).—У мѣстныхъ вотяковъ при П. Рычковѣ употреблялась „соха съ брылой“, у татаръ—тяжелый „сабанъ“.

Фирстовъ („Земледѣльч. орудія вост. полосы Россіи“) описываетъ царевококшайскую косулю. По свѣдѣніямъ 1861 г., косулей пашутъ въ этомъ уѣздѣ черемиса, (*М. Лаптевъ*, Казанск. губ. Матер. для геогр. и стат. Росс., стр. 266). Въ рукописномъ словарикѣ Цивильскаго у. (отвѣтъ на прогр. Ак. Н., № 143) упоминаются: соха, косуля и сабанъ.—„Сохи чувашскія легче, чѣмъ русскія“ (М. Лаптевъ).—Подробное описаніе вотской сохи Мамадышскаго у. даетъ *С. К. Кузнецовъ* (въ Этногр. Обозр. 1904 г., № 4, стр. 44—45); эта соха ничѣмъ не отличается отъ описанной нами выше (§ 40) вотской сохи Малмыжскаго уѣзда.

По наблюденію Ник. Надеждина въ 1873 г., границею различныхъ пахотныхъ орудій въ предѣлахъ Казанской губ. служитъ р. Волга: на горной сторонѣ (т. е. по правому берегу Волги) преобладаетъ соха, въ низменной части на лѣвой сторонѣ Волги преобладающимъ орудіемъ служитъ татарскій сабанъ (Земледѣльч. Газета 1873 г., стр. 108).

§ 44. (*Калужская губ.*). Господствующее въ губерніи орудіе—двуральная перекладная соха. Разсоха большею частью цѣльная (Труды Вольн. Экон. Общ., часть XI, 1769 г., стр. 92; *В. Дейлидовичъ*, въ „Памятн. Книжкѣ Калужск. губ. на 1861 годъ“, стр. 356), а иногда и составная (В. Дейлидовичъ). Подвои въ Козельскомъ у. изъ пеньковой веревки, и стоимость всей сохи тамъ же —3 р. 26 коп. (Статист. опис. Калужск. губ., т. I, вып. II, стр. 168).—Срв. также Калужск. Губ, Вѣдом. 1861 г., № 252 („Гамаюнщина“).

Въ предѣлахъ Калужскоц губ. основано было, въ 1769 году, первое въ Россіи механическое заведеніе для изготовленія земледѣльческихъ орудій и машинъ, принадлежащее Мальцеву (Тр. Вольн. Экон. Общ. 1881, т. II, стр. 350), но теперь здѣсь улучшенныя орудія не пользуются широкимъ распространеніемъ.

§ 45. (*Кіевская губ.*). Преобладаетъ украинскій плугъ и рало. Но въ „полѣсьи“, т. е. въ Радомысльскомъ уѣздѣ и въ сѣверной

части Кіевскаго у. „землю пашутъ сохою, глубиною не болѣе какъ на 3 в.; для дальнѣйшей обработки употребляются рала и бороны“ (*Ю. Янсонъ* и *В. Часловскій*, Кіевск. губ., ея хлѣбопаш. и хлѣбн. производ., въ журн. „Сельск. Хоз. и Лѣсов.“, часть 106, 1871 г., мартъ, стр. 189) [1]. — О мѣстныхъ плугахъ и ралахъ см. Журн. Мин. Госуд. Имущ., часть 42, 1852 г., стр. 4 и 43; *Рева*. Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство, 1893 г.

§ 46. (*Ковенская губ.*). О жмудской двуральной перекладной сохѣ, употребляемой въ Шавельскомъ и Поневѣжскомъ уѣздахъ, мы уже говорили прежде (см. § 14, прим.). Довольно широкіе сошники поставлены подъ тупымъ угломъ другъ къ другу, причемъ пахарь, наклоняя весь корпусъ сохи то въ одну, то въ другую сторону, превращаетъ этотъ тупой уголъ въ прямой, такъ что одинъ сошникъ играетъ роль отрѣза. Подвои у этой сохи изъ лозы или же изъ веревокъ. Пашутъ на глубиину въ $1^1/_2$—3 и даже 4 вершка; чѣмъ глубже, тѣмъ пластъ уже. Пашутъ на одной лошади, а иногда на парѣ воловъ или лошадей; для парной запряжки дышло укрѣпляется въ разсоху ниже рогаля или же въ самый рогаль. Запряжка безъ дуги.

По р. Невѣжѣ, на болѣе плотныхъ почвахъ, употребляется однолемешная соха. Ея плаха (разсоха) длиннѣе, формою похожа на весло. Лемехъ ея имѣетъ форму равнобедреннаго треугольника; въ серединѣ онъ нѣсколько вогнутъ. По краямъ перьевъ (т. е. верхнихъ угловъ лемеха; они всегда остры) находятся двѣ дырочки, куда вдѣвается крючёкъ, насаженный на полку, положенную на подвои (послѣдніе дѣлаются иногда изъ лозовыхъ прутьевъ). Крючёкъ этотъ замѣняетъ перекладную полицу прежде описанной сохи; онъ также перекладывается съ одного края лемеха на другой, но онъ уже полицы, почему отваливаетъ только

[1]) По *Ив. Фундуклею* (Стат. опис. Кіевск. губ., Сп. 1852, въ кіевскомъ полѣсьи „соха употребляется обыкновенная, въ иныхъ мѣстахъ *съ однимъ* насошникомъ, въ другихъ съ двумя“ (часть II, стр. 15). Рало Кіевской губ, „похоже устройствомъ на соху, только вмѣсто насошника укрѣплено заостренное дерево, иногда окованное желѣзомъ на концѣ“ (тамъ же).

глинистый пластъ, а песчаный разсыпаетъ. И эту соху пахарь держитъ наклонно. Запряжка безъ дуги, иногда парная. Размѣры ея частей: плаха (разсоха) 2—2½ арш. длины; оглобли 3½ арш., наклонены къ плахѣ подъ угломъ въ 45½, ширина лемеха 7—8 в., но, въ виду его наклоннаго положенія при вспашкѣ, вспахиваемый пластъ только 4 в. шир.; обычная глубина вспашки 3 в. Соха эта употребительна также у литовцевъ (въ отличіе ихъ отъ Жмуди) Ковенской губ. Описавшій ее *Д. Ростовичъ* (Библ. для чт., томъ 114, отд. IV, стр. 1—14) склоненъ называть ее собственно „литовскою сохою". Тоже орудіе, которое обычно называютъ этимъ именемъ въ нашей сельскохозяйственной литературѣ (см. § 15), онъ называетъ „литовскимъ плугомъ". Послѣдній въ предѣлахъ Ковенской губ. встрѣчается въ Россіенскомъ уѣздѣ, гораздо рѣже описанной однолемешной сохи.

Срв. статьи *Михневича* (въ "Памятн. Кн. Ковенск. губ. 1861 г.", стр. 29): „сохи бываютъ или обыкновенныя, или прусскія, отличающіяся своею легкостью„.

„Ковенская соха" Спб. сельскохозяйственнаго музея—двуральная, перекладная. Омеши ея перовыя, но „перья" ихъ очень незначительны. Замѣчателенъ у этой сохи присохъ (полица), который представляетъ собою ничто иное, какъ круглую желѣзную палку (не толще двухъ пальцевъ), на концѣ которой имѣется желѣзное же приспособленіе для укрѣпленія присоха на томъ или другомъ ральникѣ. Такой присохъ можетъ только разсыпать комки земли, но не отваливаетъ совсѣмъ пласта на сторону.—Оглобля у этой сохи одна, хотя пашутъ, видимо, на одной лошади. Рогаль соединенъ съ плотиной (не составной, а цѣльной) при помощи корца.

§ 47. (*Костромская губ.*). Господствующее орудіе—косуля „костромского типа", но въ началѣ XIX вѣка у помѣщичьихъ крестьянъ нередѣдко встрѣчалась и „ярославская косуля" или „орало" (Обозр. сельск. хоз. удѣльн. имѣній 1832—33 г.г., стр. 73; здѣсь же различіе „межеумка" и „косули", срв. выше § 21). Выдѣлываются косули, между прочимъ, въ дер. Космынинѣ Челпановской вол. Костромск. уѣзда (*А. Тилло*, Кустарн. и отхож. пром. Костромск. губ., стр. 36—37).

Соха сохранилась здѣсь главнымъ образомъ въ качествѣ подсобнаго орудія, употребляемаго для второй и третьей вспашки,

а также для задѣлки сѣмянъ. Полицы она большею частью не имѣетъ (*С. Дмитріевъ*. Опытъ практич. замѣч. кинешемскаго землед. 2 изд. 1855 г., стр. 51), и носитъ чаще имена: „черкуша; „черкуха", а также (у удѣльныхъ крестьянъ на Уренѣ) „прямуша", У удѣльныхъ же крестьянъ Шевалдовскаго приказа была въ употребленіи „тройная соха", т. е. съ тремя ральниками (см. § 30), которая и теперь изрѣдка встрѣчается въ Галицкомъ уѣздѣ.

Для первой вспашки соха употреблялась, въ началѣ XIX вѣка, только у однихъ уренскихъ удѣльныхъ крестьянъ, которые, будучи старовѣрами, считали за грѣхъ употреблять однолемешную косулю, какъ „новизну" (Обозр. сельск. хоз. уд. им. стр. 58). Это была соха-односторонка, у которой лѣвой сошникъ устанавливался вертикально ,а на правомъ боку разсохи было большое крыло. Носила она имя „кривуши" (въ противоложность „прямушѣ"),—названіе, по своему первоначальному значенію совершенно тожественное съ именемъ: косуля.

„Костромская соха", имѣющаяся въ Спб. сельскохозяйственномъ музеѣ—односторонка; лѣвый ея омешъ установленъ почти что вертикально. Съ правой стороны разсохи—деревянный окрылокъ. Разсоха изъ цѣльнаго куска дерева; рогаль соединенъ съ разсохой при помощи корца. Подвои веровочные.

„Костромская косуля" въ томъ же музеѣ имѣетъ правую оглоблю кривую и также веревочные подвои (кромѣ деревяннаго стужня). Оглобли укрѣплены въ рогалѣ. Косуля эта названа здѣсь еще „кривушею", что́, вѣроятно, не точно.

Мѣста изготовленія косуль—с. Ноли Галицкаго у. и Ликургская волость Буйскаго уѣзда.

§ 48. (*Курляндія*). „Мѣстныя земледѣльческія орудія, хотя и нѣсколько совершеннѣе употебляемыхъ въ Россіи, но далеко уступаютъ улучшеннымъ заграницею. Плугъ до сихъ поръ еще не вошелъ во всеобщее употребленіе, за исключеніемъ новей, которыя поднимаются брабантскимъ плугомъ. Пашутъ же большею частью курляндскою мѣстною *сохою*, которая, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣетъ однако же то достоинство, что ею весьма удобно управлять; она очень легка, дешева и, по своей малосложности, приготовляется самими крестьянами" (*А. Орановскій*, Курляндск. губ., Спб. 1862, стр. 233).

§ 49. (*Курская губ.*). Господствующее орудіе—перекладная соха, съ которою здѣсь соперничаютъ только плуги культурныхъ хозяйствъ. „Даже хозяева, вполнѣ перешедшіе къ плужной обработкѣ, не видятъ разницы въ урожаяхъ на своихъ поляхъ и на поляхъ „хозяйственныхъ“ крестьянъ, тщательно обрабатывающихъ свою землю сохою (*Н. А. Чуйковъ*), Курск. губ. въ сельскохоз. отн. Отчетъ по командировкѣ отъ И. Моск. Общ. сельск. хоз. въ 1893 г., Москва 1894 стр. 75).—Срв. Этнографич. Сборн., т. V, стр. 94 (статья *Машкина* объ Обоянскомъ уѣздѣ); Сельское Хоз. и Лѣсоводство 1871 г., сентябрь, стр. 37 (о Тимскомъ у.).—Въ малорусскихъ уѣздахъ употребляется украинскій плугъ, но не особенно часто (Библ. для Чт., ч. 122. 1853 г., отъ IV, 4).—Срв. ниже § 80.

§ 50. (*Лифляндія*). Въ нашей сельскохозяйственной литературѣ, особенно старинной, „лифляндскою сохою“ нерѣдко называютъ коловую соху (см. § 10). Дѣйствительно, и въ наше время здѣсь употребляются коловыя сохи, наприм. въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) уѣздѣ (по нашимъ наблюденіямъ). Въ книгѣ *С. А. Сворцова* „Основанія сельскаго хозяйства“ (2 изд., т. I, стр. 56—57) находимъ рисунокъ „лифляндской сохи“ съ очень узкими сошниками, вмѣсто полицы у нея только длинная палка, которая идетъ отъ лѣвой оглобли къ лѣвому же омешу черезъ центръ подвоевъ. Описанія къ рисунку, къ сожалѣнію, нѣтъ; въ текстѣ говорится лишь, что „соха лифляндская взрыхляетъ землю болѣе и легче на ходу“. Мы очень сомнѣваемся, чтобы полица у сохи дѣйствительно имѣла видъ палки, и боимся, что тутъ кроется недоразумѣніе: какой-нибудь ученый нѣмецъ, вѣроятно, прочиталъ не „палица“, а „пилица“ и увидѣлъ тутъ палку. Во всякомъ случаѣ мѣстные эсты называютъ полицу „сошною ложкою“ (адра-лузикас): очевидно, что полицы у нихъ всегда были съ углубленіемъ, выкупныя. Кромѣ того, сохи у нихъ перекладныя, а „палочка“ привязана въ двухъ мѣстахъ и перекладывать ее трудно.

Р. Вангерсгеймъ въ 1769 г. писалъ о „разрѣзной сохѣ“: это несомнѣнный чертежъ. Не его ли звали встарину „свинымъ рыломъ“, о которомъ говорятъ старые авторы?

§ 51. (*Минская губ.*) Преобладающее орудіе—т. назыв. „литовская соха“ (см. § 15). Въ Борисовскомъ уѣздѣ она извѣстна

подъ именемъ „ползухи“ (паузуха), отъ своего приземистаго, какъ бы ползающаго по землѣ корпуса, въ отличіе отъ другой мѣстной сохи, извѣстной подъ именемъ „дрынды“ (т. е. поскакушки или качалки). Это перекладная двуральная соха, отличающаяся вертикальною установкою своей разсохи (съ чѣмъ срв. цапульку). При работѣ она дрожжитъ и скачетъ, отчего и получила свое имя. Употребляется она только на песчаныхъ почвахъ въ той части Борисовскаго уѣзда, которая прилегаетъ къ Бѣлоруссіи (Евст. Тышкевичъ. Qpisanie powiatu Borysowskiego. Вильна, 1847, стр. 187—178). Срв. *И. Зеленскій*, Минск. губ. Мат. геогр. и стат.; ч. II, стр. 12—13; *Б. Михельсонъ*, Литовская соха (Журн. Мин. Госуд. Имущ., часть 30, 1849 г., стр. 141—147).

§ 52. (*Могилевская губ.*). Господствуетъ двуральная, но не перекладная соха. Описаніе ея у *А. С. Дембавецкаго*. Опытъ „описанія Могилевск. губ.“ (кн. II; Могил. 1884, стр. 841—842). Авторъ называетъ эту соху „бѣлорусскою“; отличія ея отъ великорусской сохи видитъ въ короткихъ оглобляхъ и въ неперекладывающейся полицѣ (по-мѣстному: наполокъ), всегда упертой къ лѣвому сошнику; самая полица меньше великорусской. Разсоха этой сохи цѣльная; подвои—веревочные; запряжка безъ дуги; пашутъ на одной лошади, не глубже 2—3 вершк. (тамъ же, кн. I, стр. 477).—Срв. Могилевск. Губ. Вѣдом. 1868 г., № 17, стр. 112 (ст. *И. Сердюкова* изъ Мстиславск. у.).

§ 53. (*Московская губ.*). Еще въ самое недавное время преобладала перекладная соха, которая постепенно вытѣсняется плугомъ. „Историческое и топографическое описаніе городовъ Моск. губ. съ ихъ уѣздами“ 1787 г. („собственнымъ иждивеніемъ содержат. типогр. Губ. Правл. Фридр. Гиппіуса“) не знаетъ никакихъ другихъ орудій, кромѣ сохи. Послѣднею пахали на одной лошади, „не глубже двухъ вершковъ“ (стр. 86, срв. стр. 105, 124, 139, 153, и др.), а въ Можайскомъ у. не глубже $1^1/_2$ вершк. (стр. 293).—Въ началѣ XIX вѣка у удѣльныхъ крестьянъ въ губ. употреблялась, рядомъ съ перекладною, соха-односторонка, съ вертикально поставленнымъ лѣвымъ омешомъ и съ небольшимъ крыломъ (Обзор. сельск. хоз. уд. им. стр. 32).

Изъ Книги *В. Бажаева* „Очеркъ крестьянскаго сельск. хоз. въ Моск. губ. (М. 1892) явствуетъ, что и въ 80 годахъ XIX вѣка преобладающимъ орудіемъ въ губерніи первопрестольной столицы осталась таже перекладная соха. „Косулями“ здѣсь (Ащеринская и Хотебцовская волости Рузскаго у.; Тимашевская вол. Волоколамск. у.; Ильинская и Озевцовская Дмитровскаго у.) называютъ сохи-односторонки, у которыхъ лѣвый ральникъ установленъ вертикально, полица неподвижная, а на правомъ боку разсохи небольшое крыло (по-мѣстному „перо“), помогающее отваливанію пласта. Оглобли у такой „косули“ неподвижно врѣзаны въ рогаль, а подвои большею частью проволочные (стр. 74). Въ Подчерковской волости Дмитровскаго у., на каменистыхъ почвахъ употребляются „коловыя сохи“ (стр. 77).

Плуги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заведены еще во времена крѣпостнаго права, наприм. въ Соголевской волости Клинскаго у (стр. 86). Заводя плуги, крестьяне почти всегда оставляютъ старыя сохи для запахиванія и окучиванія картофеля и тому подобныхъ работъ (стр. 76 и 86). Плугами пашутъ почти всегда безъ отрѣзовъ (ножей), такъ какъ пахать приходится только мягкую землю да и навозъ набивается между ножомъ и стойкой (стр. 76).—Кустарное производство плуговъ—совсѣмъ новое явленіе извѣстно въ Волоколамскомъ уѣздѣ, а изрѣдка въ Рузскомъ и Клинскомъ (стр. 81).

Однолемешная косуля мѣстнаго изготовленія упоминается въ с. Фризинѣ Богородскаго у. (Московск. губ. въ сельскохоз. отнош. за 1889 годъ, стр 186).

§ 54. (*Нижегородская губ*). Старые авторы отмѣчаютъ въ этой губерніи только двуральную перекладную соху, да еще, за Волгою чертежъ (Обозр. сельскохоз. удѣльн. им. 1832—33 г.г., стр. 69. *В. Боборыхинъ*, „Хозяйствен. обзоръ Нижегородск. у.“, въ „Журн. сельскаго хозяйства“ 1852 г. № 6, стр. 161). Послѣдній изъ названныхъ авторовъ отмѣчаетъ еще, что сошники мѣстной сохи широко разставлены, благодаря чему вспашка происходитъ быстро; глубина вспашки 2—$2^1/_2$ в. Но уже *Г. Фирстовъ* замѣчаетъ, что въ сѣверныхъ уѣздахъ Нижегородской губ. „мѣстами употребляется“ косуля (Землед. орудія, стр. 121). Въ 1861 году мы встрѣчаемъ однолемешную косулю въ ветлужскомъ краѣ,

рядомъ съ „благушею“ (авторъ пишетъ: блокуша), которую мѣстный авторъ опредѣлятъ, какъ „соху съ двумя сошниками и перекладной полицей“ (Нижегор. Губ. Вѣдом. 1861 г. № 49 стр. 349 и 353).

Въ предѣлахъ Нижегородскаго уѣзда, въ Симбилейской и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ, довольно давно существуетъ кустарное производство сошныхъ полицъ и ральниковъ. По даннымъ 80 годовъ, ежегодно въ уѣздѣ выдѣлывалось свыше 13 тысячъ полицъ, на сумму около $9^1/_2$ тыс. рубл. (вѣсъ полицы 4—6 фунт., при продажѣ по $12^1/_2$ коп. съ фунта). Лысковскіе купцы сплавляли эти полицы въ южные торговые пункты Россіи, преимущественно въ Ростовъ на Дону. Сошники сбывались на мѣстныхъ базарахъ, а также въ Горбатовскомъ уѣздѣ; вѣсъ сошника 6—9 фунтовъ; продажная цѣна 9—12 коп. съ фунта (Нижегородскій Сборникъ, т. VII, стр. 134 и 239; срв. Нижегор. Губ. Вѣдом. 1863 г., № 35).

§ 55. (*Новгородская губ.*). Господствующее орудіе—двуральная соха. ***Ив. Пушкаревъ*** отмѣчаетъ „соху съ двумя сошниками (въ 7 вершк. дл.), съ отрѣзомъ и лопатой для отвала“ (Опис. Росс. Имп. Новгор. губ., стр. 30). Другіе авторы ничего не говорятъ объ отрѣзѣ. **М. К. *Герасимовъ*** изъ Череповскаго уѣзда доставилъ намъ рукописное описаніе мѣстной перекладной сохи; въ послѣдней мы встрѣтили только одну маленькую принадлежность, которой нѣтъ въ сохахъ другихъ губерній; это такъ назыв. „кичи́жка“ или „костыжо́къ“. Наблюдатель описываетъ ее, какъ „деревянное приспособленіе, на подобіе пера, служащее для плотнаго привала отваливаемаго пласта; кичижка перекладывается со стороны на сторону, всегда на ту, на которую валитъ отвалъ; кладется она на плаху (разсоху), между подвоями, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются сошники“. Другими словами: это—перекладное крыло (или окрылокъ) небольшихъ размѣровъ. Такое крыло довольно часто встрѣчается у сохъ-односторонокъ (наприм. въ Вятской, въ Московск. губ. и др.), гдѣ оно или прибивается къ правому боку разсоху или же является простымъ выступомъ (расширеніемъ) самой плоскости разсохи; въ Вологодской губ. оно извѣстно подъ именемъ: „кичи́га“ (Волог. Губ. Вѣдом. 1866 г., № 16, стр. 138). Описываемая „кичижка“ отличается отъ этой

„кичиги“ только своею небольшою величиною, да еще тѣмъ, что она приспособлена къ перекладной сохѣ и потому перемѣщается съ боку на бокъ, одновременно съ „присохомъ“ (полицей), только на противоположную сторону.—Описаніе сохи Демянскаго у. (перекладной) въ „Живой Сторонѣ“ 1903 г., вып. I—II, стр. 2—3.

Въ Тихвинскомъ уѣздѣ сохранился простѣйшій изъ существующихъ теперь видовъ русской двуральной сохи, т. наз. цапулька (см. о ней § 7).

Въ пятомъ томѣ „Новгородскаго Сборника“ (Новгор. 1866; стр. 22—24) находимъ описаніе череповской косули, „костромского типа“. По сообщенію Герасимова, теперь косуль въ Череповскомъ уѣздѣ нѣтъ, а есть только, кромѣ перекладныхъ сохъ, желѣзные плуги.—Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, встрѣчаются косули, которыя крестьяне покупаютъ въ уѣздномъ городѣ.

Стóитъ еще назвать череповскую „насошку“ (4 или 6-зубое рало), о которой мы говорили выше (§ 5).

Въ знаменитой своимъ желѣзнымъ производствомъ Уломѣ выдѣлываются, вмѣстѣ съ гвоздями, ральники для сохъ и для косуль (*Ф. Арсеньевъ*, въ „Трудахъ Ярославск. Статист. Комитета“, т. II, стр, 223 и 238).

Въ Спб. сельскохозяйственномъ музеѣ имѣется „Боровичская соха“. Она—коловая, съ цѣльною (не составною) разсохой и веревочными подвоями.

§ 56. (*Новороссія*). Преобладаютъ малороссійскія орудія: тяжелый плугъ, однозубое паро-воловое рало и борона, не всегда съ желѣзными зубьями (Журн. Мин. Госуд. Имущ., часть 56, стр. II, стр. 9; ст. *Д. Струкова*). Въ царствованіе императрицы Екатерины II въ Херсонскую губ. были переведены великоруссіе крестьяне землепашцы изъ Владимірской и другихъ губерній; первоначально они воздѣлывали степную почву Новороссіи сохой, но скоро принуждены были бросить ее и переняли украинскій плугъ (Земледѣльческая Газета 1840 г., № 28, стр. 218 и № 29, стр. 229, статьи *Керстона* и *Плещеева*).—Срв. §§ 34, 42 и 72.

§ 57. (*Олонецкая губ.*). Господствуетъ двуральная перекладная соха. Древнѣйшее описаніе ея принадлежитъ профессору химіи

Лаксману (Труды Вольн. Эконом. Общ., часть XIII, 1769 г., стр. 16—17: „Экономическіе отвѣты, касающіеся до хлѣбопашества въ лежащихъ около р. Свири и южной части Олонца мѣстахъ"). „Въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ мнѣ быть случалось,—„пишетъ Лаксманъ": видѣлъ я плугъ одинокій (т. е. одинаковый, одинъ и тотъ же), и при томъ такой, какой употребляется въ Финляндіи малый плугъ, а именно: у него долгіе, узкіе, нѣсколько напередъ загнутые и вмѣстѣ сходящіеся *сошники* съ тупыми сторонами: ибо они сдѣланы не столько для разрѣзыванія дерна, какъ для выворачиванія малыхъ камней и для взоранія рыхлой пашни или пережженаго поля. Отвороты (т. е. отвалы или *присохи* подобны небольшой лопаткѣ и столь широки, что могутъ охватить одинъ сошникъ для отворачиванія земли на ту или на другую сторону„. Пашутъ на очень различную глуб., будто бы даже на полъаршина (стр. 17), а на подсѣкахъ (при т. наз. „подстоѣ„) иногда совсѣмъ не пашутъ, а только „загребаютъ сѣмена граблями" (стр. 18).

Въ приведенномъ описаніи не трудно узнать „коловую соху", которая и теперь въ широкомъ употребленіи на каменистыхъ почвахъ губерніи, наприм. въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Мѣстный авторъ замѣчаетъ, что сошники здѣсь очень узки, на подобіе широкаго долота, безъ всякаго пера", равно какъ и полица тоже много уже нежели у сохи среднихъ губерній (Олонецк. Губ. Вѣдом. 1900, № 78).

Подробное описаніе олонецкой сохи находимъ также въ „Описаніи Олонецкой губ." *В. Дашковъ* (Спб. 1842, ст. 74). Омеши въ 10 вершк. дл.; разсоха цѣльная, а не составная; обжи неподвижно укрѣплены въ рогалѣ, подвои—черемуховая вица. Заонежская соха описана *Рыбниковымъ* въ „Памятн. Книжкѣ Олонецк. губ." 1866 г. (стр. 34—35),

По *Г. Фирстову*, въ юговосточныхъ уѣздахъ Олонецк. губ. широко распространена косуля; „здѣсь крестьяне такъ же сроднились съ нею (косулею), какъ крестьяне средней полосы—съ сохою, или малороссы—съ ихъ плугомъ" (Земледѣльч. оруд. всур. ол. Росс., стр. 120). Но едва ли тутъ нѣтъ преувеличенія. По крайней мѣрѣ, позднѣйшія свѣдѣнія (правда, очень скудныя) отнюдь не подтверждаютъ намъ этого сообщенія: по нимъ косуля извѣстна, но рѣдка. Въ изданной мѣстнымъ губернскимъ земствомъ въ 1905 году книгѣ „Кустарн. промыслы и ремесл. заработки

крест. Олонецк. губ. „читаемъ:“ кромѣ сохъ есть *въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ* косули“ (стр. 22). Упоминаются косули еще въ Пудожскомъ уѣздѣ и въ Коштугской волости Вытегорскаго уѣзда (Текущая сельскохозяйств. статист. Олонецк. губ., вып. I, 1901 г., стр. 13 и 23). Въ „Олонецкомъ словарѣ“ *Г. Куликовскаго* пудожская косуля опредѣлена какъ „родъ сохи съ *двумя* лемехами“ (Не принятъ ли здѣсь косульный отрѣзъ за лемехъ?). Цапулька въ Олонецкой губ. извѣстна подъ именемъ „паловой сохи“.

§ 58. (*Оренбургская губ.*). Оренбургская губернія, подобно всѣмъ прочимъ приуральскимъ губерніямъ, отличается большимъ разнообразіемъ пахотныхъ орудій. Всѣ они подробно описаны *В. М. Черемшанскимъ* въ его „Описаніи Оренбургской губерніи въ хозяйственно-статистическомъ, этнографич. и промышл. отнош.“ (Уфа, 1859, стр. 298—307). Здѣсь мы находимъ и двуральную перекладную соху, подъ именемъ „русанки“, и соху съ брылой (подъ именами: „косуля“, „кунгурская соха“), и сибирскую колесуху („сабанъ“, въ Челябинскомъ уѣздѣ), и настоящій татарскій сабанъ. Необходимо, однако, помнить, что тутъ имѣется въ виду не только нынѣшняя Оренбургская губернія, но также и нынѣшняя Уфимская, которая тогда входила въ составъ „Оренбургской“. Обѣ же эти губерніи имѣетъ въ виду и *П. Рычковъ* (Труды Вольн. Эконом. Общ., ч. VII, 1767 г., стр. 139, срв. также Сочин. и перев., къ пользѣ и увес. служ. 1758 г., май). Послѣдній, кромѣ татарскаго плуга-сабана, говоритъ еще о татарской „косулѣ“, которая „во всемъ почти схожа къ сохѣ, токмо больше; чего ради и запрягаютъ они въ нее лошади по двѣ“. „Но нынѣ,—заканчиваетъ Рычковъ:—и изъ татаръ, оставляя сабанъ и косулю, многіе начинаютъ пахать сохою, признавая ее способнѣйшею“.

§ 59. (*Орловская губ.*). „Орловская соха“ Императорскаго Сельскохозяйственнаго Музея въ Спб.—перовая перекладная. Разсоха соединена съ рогалемъ при помощи корца, который, однако же не связанъ съ рогалемъ, а вложенъ въ особое углубленіе въ разсохѣ. У самаго рогаля „роговъ“ собственно нѣтъ, такъ какъ ручками для пахаря служатъ концы оглобель. Подвои у сохи веревочные.

Въ „Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1867 г. (№ 44, стр. 432—433) описана соха Дмитровскаго уѣзда. Это самая обыкновенная перекладная соха, которою здѣсь пашутъ всегда „на оба омеша“, а на „полъ-омеша“, видимо, не умѣютъ; впрочемъ, и пашутъ то здѣсь будто бы 9 или 10-лѣтніе мальчики (статья свящ. *П. Маккавеева*). — *А. И. Сахаровъ* прислалъ намъ свое рукописное описаніе сохи Болховскаго и Карачевскаго уѣзда; это тоже обыкновенная великорусская соха, перекладная, съ веревочными подвоями; запряжка безъ дуги; разсоха не вдолблена въ рогачъ, а прищемлена между „корцомъ“ и рогачемъ (Срв. также „Сборникъ статист. свѣдѣній по Карачевск. у.“, стр. 29: „первобытныя сохи“).

Откуда почерпнули нѣкоторые авторы свое мнѣніе о существованіи особаго вида „орловской сохи“, намъ осталось невѣдомымъ.

§ 60. (*Пензенская губ.*). „Обыкновенныя земледѣльческія орудія суть *соха* и борона, употребляемыя по всей Россіи... Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ еще есть степи, употребляются *малороссійскіе плуги*. Косули крестьяне не только не видали, но и не слыхали, что это за орудіе“ (*А. Горизонтовъ*, Хозяйственно-статистич. опис. Пенз. губ., Спб. 1859, стр. 62).

Нѣкоторые авторы и здѣсь открыли особый видъ сохи.

§ 61. (*Пермская губ.*). Многочисленные виды пермскихъ сохъ описаны нами въ главѣ о курашимкѣ (§ 27). Здѣсь кратко скажемъ лишь, что старыя пахотныя орудія: соха съ брылой и татарскій сабанъ исчезли изъ мѣстнаго обихода, замѣнившись, во второй половинѣ XIX-го столѣтія, изобрѣтеніями мѣстныхъ кузнецовъ: курашимкой и отчасти кыласовкой. Эти послѣднія предупредили проникновеніе въ Пермскую губернію косули: она стала не нужна.

Литература. Свѣдѣнія о старыхъ пермскихъ сохахъ въ книгѣ „Хозяйственное описаніе Пермской губ. по гражд. и естеств. ея состоянію“ (Попова; Спб. 1813; часть II, стр. 72—74) и отчасти у *Палласа* (Путешеств., часть II, кн. I, стр. 274), отмѣтившаго въ Верхотурскомъ у. праотца нынѣшней курашимки. О но-

вѣйшихъ сохахъ богатое собраніе сырого матеріала въ „Матеріалахъ для сельскохоз. статистики Пермской губ.“ (вып. I—III; Пермь 1880); заключающіяся здѣсь свѣдѣнія частью обработаны въ книгѣ *Е. И. Красноперова* „Сельскохозяйственныя нужды Пермскаго края“ (Пермь 1881). Прочую литературу см. въ главѣ о курашимкѣ; прибавить можно развѣ только еще „Матеріалы по изслѣдованію Пермслаго уѣзда въ сельскохоз. отнош.“ (вып. I; Пермь, 1885; стр. 34).

Въ дополненіе къ описанію самыхъ видовъ пермской сохи можно еще отмѣтить соху, употреблявшуюся въ Грязновской волости, Камышловскаго уѣзда. У этой сохи одинъ ральникъ, „соотвѣтствующій по величинѣ и формѣ двумъ ральникамъ“. Вмѣсто оглобель дышло, нѣсколько напоминающее своимъ видомъ ухватъ; оно прикрѣпляется къ разсохѣ желѣзнымъ винтомъ, но не вверху, а внизу, „въ ногахъ разсохи, близъ ральниковъ“. Подвои желѣзные; запряжка обыкновенно парная (Матер. для сельскохоз. статист. П. губ. II, 93).

„Пермская соха“ „съ брылой“ имѣется въ Импер. Сельскохозяйственномъ Музеѣ. „Брыла“ (загибъ) лѣваго омеша весьма незначительная. Уголъ между оглоблями и разсохою также весьма малъ, почему соха эта можетъ пахать только очень мелко.

§ 62. (*Петербургская губ.*). „Пахотные инструменты, т. е. сохи и бороны, здѣшніе (въ Ингерманландіи, а особливо въ Копорскомъ уѣздѣ) русскіе переведенцы отъ старожиловъ и Чухонъ имѣютъ нѣсколько отмѣнные, а именно: ***русскими сохами*** способнѣе и скорѣе пашню исправлять на гладкихъ мѣстахъ, ***старожильскими***—на гористыхъ и каменистыхъ“ (Труды Вольн. Эконом. Общества, ч. IV-ая, 1767 г., стр. 45). Есть основаніе полагать, что „русскими сохами“ авторъ называетъ перовыя сохи (т. е. съ широкими ральниками), „старожильскими“ и „чухонскими“—коловы сохи (т. е. съ узкими ральниками); тѣ и другія—перекладныя.

Расцѣнка мѣстныхъ (Гдовскаго я Ямбургскаго у.у.) сохъ приводится въ „Земледѣльч. Газетѣ 1835 г. (№ 7, стр. 53), но что-то слишкомъ высока: хорошо устроенная соха обходится де въ 10—12 рублей (омеши 5 рублей, присохъ съ желѣзною привязью $2^1/_2$ руб.; ежегодная наварка омешей $3^2/_2$ руб.); такою сохою можно де пахать старую землю до 6 вершк. глубиною; но

можно пахать ею и „суки“ (т. е. подсѣки) въ чемъ и преимущество ея передъ плугомъ.

Старыя сохи быстро вытѣсняются въ передѣлахъ Петербургской губ. плугами. Ямбургскій уѣздъ является однимъ изъ центровъ кустарнаго производства плуговъ. По отзыву извѣстнаго знатока земледѣльческихъ орудій, *В. В. Черняева*, мѣстные плуги „дѣлаютъ честь Ямбургскимъ мастерамъ, съумѣвшимъ выработать типъ, наиболѣе удовлетворяющій требованіямъ хозяйства. Плугъ не дорогъ, правильно построенъ, проченъ, удобенъ для исправленія деревенскими кузнецами; пригоденъ для подъема и очень плотной почвы, и живья“ (Земледѣльч. Газета“, 1884 г., № 2).

§ 63. (*Подольская губ*). Пахотныя орудія малорусскія: плугъ и рало (Русское Сельское Хозяйство, томъ 14, 1873 г., стр. 196; статья *В. Бусса*), рядомъ съ улучшенными орудіями (Мірское Слово 1870 г., № 4, стр. 62).

§ 64. (*Полтавская губ.*). Управляющій полтавскимъ имѣніемъ граф. Мусиной-Пушкиной, *Ив. Зоринъ*, замѣнилъ, въ 60-хъ годахъ, мѣстный тяжелый украинскій плугъ обыкновенною великорусскою сохою. Вспашка происходила на волахъ; въ соху впрягался одинъ волъ, для чего на него надѣвалось одиночное ярмо („бовкунъ“), навязывалась сѣделка (для урегулированія глубины вспашки при посредствѣ черезсѣдельника), надѣвалась оброть, и волъ управлялся возжами. Въ нѣсколько дней волъ привыкалъ къ новой запряжкѣ, равно какъ рабочіе-хохлы скоро освоились съ чужимъ орудіемъ. Опытъ оказался удачнымъ; мѣстные крестьяне „сами стали заводить сохи вмѣсто плуговъ“, а „урожаи стали лучше прежнихъ“. Объясняетъ авторъ это тѣмъ, что соха взрыхляетъ землю лучше, чѣмъ плугъ, благодаря чему зерна при посѣвѣ залегаютъ глубже. Другое преимущество сохи въ томъ, что нужно меньше рабочаго скота (*Ив. Зоринъ*), О замѣнѣ въ Полтавской губерніи плуга сохою; въ „Журналѣ засѣданій Импер. Моск. Общ. сельск. хоз.“ 1863—64 г., кн. II-ая, стр. 43—45).

По опубликованіи въ печати, опытъ Зорина подвергся критикѣ *Григ. Галаганъ* писалъ: „не разъ пытались заводить въ малорусскомъ краѣ соху, но почти всегда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ,

бросали ее" (Тамъ же, стр. 46). Между прочимъ, Галаганъ указывалъ, что „особенная рыхлость земли въ Малороссіи даже вредна, такъ какъ, при нѣкоторой клейкости чернозема, отъ дождя рыхлая земля превращается въ кору, черезъ которую молодымъ росткамъ пробиться нельзя"; глубокая вспашка (т. е. плужная) хороша еще тѣмъ, что при ней дольше сохраняется влага и лучше растетъ трава въ паровомъ полѣ.

О рѣдкихъ попыткахъ полтавскихъ земледѣльцевъ перейти отъ плуга къ сохѣ имѣются еще свѣдѣнія (Сѣверн. Вѣстн. 1884 г., IV, стр. 134). Но гораздо чаще переходятъ къ желѣзнымъ плугамъ и плужкамъ, какъ къ болѣе легкимъ; жнивье же иногда совсѣмъ не пашутъ, а только ралятъ (Обзоръ сельск. хоз. въ Полт. губ. за 1887 годъ, стр. 152 и 138; срв. Этнограф. Сборн. III, 36).

§ 65. (*Псковская губ.*). „Матеріалы для хозяйственной статистики Россіи, издаваемые Импер. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ" (кн. II, Спб. 1853 г., статья М. Князева) отмѣчаютъ въ Псковскомъ уѣздѣ только двуральную перекладную соху (стр. 228). Судя по „псковской сохѣ", выставленной въ Импер. Сельскохозяйственномъ Музеѣ, это—коловая соха, съ корцомъ. По нашимъ свѣдѣніямъ, въ Опочецкомъ уѣздѣ (на каменистыхъ почвахъ) пашутъ также коловыми сохами, также съ корцомъ; подвои ея, по-мѣстному „мутики", въ своей нижней половинѣ желѣзные, въ верхней веревочные; прикрѣпляются они внизу къ концамъ „земляного корца", т. е. поперечники, охватывающей разсоху снизу. Запряжка безъ дуги и безъ черезсѣдельника.

Изъ сосѣднихъ прибалтійскихъ губерній перешелъ сюда плугъ. Вопросу о постепенномъ распространеніи въ мѣстныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ плуговъ посвящена книжка „Орудія обработки пашни въ селовомъ и крестьянскомъ хозяйствахъ Псковской губ." (Псковъ, 1899, прилож. къ № 10 „Вѣстника Псковскаго Земства" за 1899 г.). Плугъ преобладаетъ въ Островскомъ уѣздѣ; соха—въ Порховскомъ, Новоржевскомъ, Великолуцкомъ, Холмскомъ и Торопецкомъ. Косуля въ Псковской губ. совершенно неизвѣстна (стр. 9).—Приведенная нами выше (§ 62) расцѣнка гдовскихъ и ямбурскихъ сохъ одинаково относится и къ сохамъ Псковскаго уѣзда (Землед. Газ. 1835, № 7, стр. 53).

Въ Порховскомъ уѣздѣ отмѣченъ еще „рѣзецъ“, т. е. чертежъ, которымъ, вмѣстѣ съ сохою, поднимаютъ новь (Земледѣльч. Газета 1873 г., стр. 713). Особаго интереса заслуживаетъ то обстоятельство, что кромѣ простыхъ „рѣзцовъ“, только рѣжущихъ дернъ „ремнями“ (пластами), въ предѣлахъ Псковской губ. употребляются еще „рѣзцы такого устройства, что они, разрѣзая дернъ, вмѣстѣ и поворачиваютъ его“ (И. Васильевъ, Лёнъ и Псковская губернія, Псковъ, 1872, стр. 58). Къ сожалѣнію, описанія этого послѣдняго рода чертежей мы не имѣемъ. Можно только сказать, что такому чертежу вполнѣ приличествуетъ наименованіе „плугъ“, какъ и назвалъ тверскіе чертежи одинъ мѣстный авторъ.

§ 66. (*Рязанская губ.*). Перекладная соха Зарайскаго уѣзда подробно описаиа *В. Селивановымъ* въ „Русской Бесѣдѣ“ (1856 г., II, стр. 15—17 „Годъ русск. землед.“, съ рисунками). Разсоха у ней цѣльная (5 вершк. шир.; вырѣзъ 8 вершк. дл. и 2 шир.); подвои веревочные; сошники перовые.—Тѣ же сохи и въ другихъ уѣздахъ губерніи (Труды Вольн. Эконом. Общ., часть VII, 1767 г., стр. 56 и 57; *М. Барановичъ*, Рязанская губ., стр. 180).

§ 67. (*Самарская губ.*). Перекладная двуральная соха Самарской губ. описана англичаниномъ *Г. Л. Ротомъ*, который два года жилъ въ этой губерніи (въ дер. Тимашевѣ, 60 миль къ вост. отъ губ. гор.), изучая мѣстное сельское хозяйство. Соха съ веревочными подвоями, одноконная; полица—небольшая, выпуклая, тонкая, имѣетъ форму каменщичьей лопатки. Употребляется она только для вспашки старой земли, а также для задѣлки сѣмянъ. Англійскій гость называетъ эту соху, которую онъ аттестуетъ, какъ „чисто русское орудіе“, „весьма жалкаго вида земледѣльческимъ орудіемъ, потому что оно углубляется въ почву лишь на три дюйма, не болѣе“ (Русская Рѣчь 1879 г., январь, стр. 287 и 296).—Въ Ставропольскомъ уѣздѣ соха „очень распространена“ (Сборн. статист. свѣд. по Самарск. губ., т. II, М. 1884, стр. 89). Въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ она „почти совершенно исчезаетъ изъ употребленія, замѣняясь плугомъ“ (Матеріалы по статист. Россіи, собираемые по вѣдомству Мин. Госуд.

Имущ., т. III, стр. 104; свѣдѣнія 1861 г.) Въ Бузулуцкомъ уѣздѣ соха рѣдка, „служитъ исключительно для вспашки подъ рожь и притомъ на легкихъ почвахъ“ (Тамъ же).

„Косуля“ употреблялась только въ Графской волости Бузулуцкаго уѣзда, куда она занесена переселенцами изъ Троицкаго уѣзда Оренбургской губ.; „но, по неудобству кссули для обработки, крестьяне мало-по-малу замѣняютъ ее теперь (т. е. около 1861 г.) коннымъ плугомъ“ (Тамъ же).—Въ скобкахъ замѣтимъ, что это врядъ ли была настоящая, однолемошная, косуля, которой въ первой половинѣ XIX вѣка въ Оренбургской губ. не было; по всей вѣроятности, это двуральная соха съ брылой.

Большимъ весьма распространеніемъ пользуется татарскій тяжелый сабанъ, впервые здѣсь встрѣченный и описанный въ свое время *Ив. Лепехинымъ* (Дневн. записки путешествія, I, 126). *А. Филипченко* называетъ его „малороссійскимъ плугомъ“ („поздѣшнему: сабанъ); въ описанной имъ „засамарской степи“ (отъ Волги къ востоку на 50—70 верстъ, между рѣками Черемшаномъ и Большимъ Иргизомъ) это—господствующее пахотное орудіе: „ни сохъ, ни улучшенныхъ орудій здѣсь почти нѣтъ“ (Русское Сельское Хозяйство, томъ XIII, 1873 г., стр. 5). Описаніе сабана Ставропольскаго уѣзда (преимущественно въ юговосточной части уѣзда распространенъ) въ „Сборн. статист. свѣд. по Самарск. губ.“, т. II, стр. 89.

§ 68. (*Саратовская губернія*). *А. Леопольдовъ* въ 1843 году дѣлилъ эту губернію на двѣ части по господствующему пахотному орудію: на луговой сторонѣ (т. е. въ заволжской части) соха вовсе не употребляется: и новь, и мякоть пашутъ плугами нѣмецкими и малороссійскими; напротивъ, въ нагорной сторонѣ малороссійскій плугъ употребляютъ только для подъема нови, а мякоть (т. е. мягкую землю) пашутъ сохою, исключая нѣмецкихъ колонистовъ, которые пользуются своимъ плугомъ (Журн. Мин. Госуд. Имущ., часть VIII, 1843 г., стр. 117—118).

Въ Балошовскомъ у. соха „употребляется для пашни вездѣ, кромѣ ковыля и залежи“. Устройство ея нѣсколько хужесохъ подмосковныхъ, потому что сошники (разставлены шире, и, занимая въ пашнѣ болѣе пространства, не такъ чисто подпахиваютъ середину борозды“. Соха перекладная одноконная, пашетъ на глубину

въ $2^1/_2$—$3^1/_2$ вершка (*А. Никольскій*, Хозяйств. опис. Балашовск. у., Спб. 1855, стр. 72). Ковыльную степь и залежи пашутъ и здѣсь малороссійскимъ плугомъ, запрягая въ него 6 лошадей или 4—5 паръ воловъ; лучшіе плуги берутъ пластъ до 11 вершк. щир. и 4—7 глубины (Тамъ же).

Въ Саратовскомъ уѣздѣ улучшается самая конструкція сохи: веревочные подвои замѣнили желѣзными прутьями, съ винтовыми нарѣзками на концахъ („сохи-винтовки"). Въ Кузнецкомъ уѣздѣ сохи еще „подвойныя", но разсоху стали дѣлать не цѣльную, а составную („двойчатка"), что легче (*Н. Смирновъ*, Экономич. бытъ крестьянъ Саратовск. и Кузнецк. уѣздовъ, М. 1884. стр. 42). Въ этихъ уѣздахъ соха кое-гдѣ вытѣсняетъ прежній плугъ „малороссійскаго образца", что Н. Смирновъ объясняетъ упадкомъ скотоводства; такъ, въ с. Карбулакѣ во времена крѣпостного права было 150 плуговъ; теперь (1884 г.) только штукъ 6; тоже самое въ с. Тепловкѣ (Тамъ же).

§ § 69. (*Сибирь*). О сибирскихъ сохахъ мы много и подробно говорили прежде (§§ 16 и 25). Здѣсь лишь напомнимъ общій ходъ исторической смѣны сибирскихъ орудій однихъ другими.

Русскіе принесли въ Сибирь соху съ брылой обыкновеннаго устройства, безъ колеснаго передка; эта извѣстна теперь въ Сибири подъ именемъ „рогалюхи" и „рукопашки". Она господствовала здѣсь до XIX вѣка, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ восточной Россіи господствуетъ и теперь (наприм. въ Иркутской губ. и въ западномъ Забайкальѣ). Иногда эти сохи дѣлаются здѣсь съ однимъ сошникомъ. По Палласу, одноральныя сохи въ Сибири даже чаще двуральныхъ (колесухъ при Палласѣ еще не было, а только рогалюхи). *А. Кауффманомъ* одноральныя рогалюхи отмѣчены въ Туринскомъ округѣ (Матер. для изслѣд. экон. быта госуд. кр. Зап. Сиб., т. IX, стр, 209).

Въ первой половинѣ XIX вѣка въ Сибири стала быстро распространяться соха-колесуха, какъ двуральная, такъ и одноральная („одинарецъ"), которая почти совсѣмъ вытѣснила рогалюху и является теперь самымъ характернымъ для Сибири пахотнымъ орудіемъ.

Въ концѣ XIX вѣка въ Западной Сибири стали распространяться тѣ же колесухи, но только уже не мѣстнаго производства

а привозныя изъ Пермской губерніи. Онѣ носятъ разныя наименованія („пермянка", „тюмена", „кунгурка", „ваганка" и т. п.), но, повторяемъ, сколько-нибудь существенныхъ отличій отъ старой колесухи не имѣютъ.

Литература о сибирскихъ сохахъ очень богата. Укажемъ лишь главные труды. Для Западной Сибири: 1) „Матеріалы для изученія экономическаго быта государств. крестьянъ и инородцевъ Зап. Сибири" (собранные въ 1886 и слѣд. годахъ), вып. I, стр. 127—128 (Тюменск. окр.); вып. II, стр. 49—50 (тоже); вып. III, стр. 161—163 (Ишимск. окр.); вып. IV, стр. 49 (Тюменск.); вып. VI, 8 (Тюменск.); вып. VIII, стр. 465 (Курганск. окр.); вып. IX, стр. 209—211 (Туринск. окр.); вып. X, стр. 250—251 (Тобольск. окр.); вып. XIV, 166 (Маріинск. и Томск. окр.); вып. XV, 81 (Томск. окр.); вып. XIX, стр. 32 (Маріинск. окр.). 2) Матеріалы по изслѣдованію крестьянск. и инородч. хоз. въ Томскомъ округѣ", т. II, вып. III (Барнаулъ, 1900), стр. 38—40; 3) То же въ Бійскомъ округѣ", вып. I, стр. 54; вып. II, 42; III, 59, 70, 225; 4) *Бузолинъ*, Опис. сельск. хоз. въ Тюменскомъ округѣ (Журналъ сельск. хозяйства 1852 г., № 5, стр. 118, авторъ отмѣчаетъ, что „обыкновенная соха *начинаетъ* замѣняться „сабаномъ", т. е. колесухой); 5) Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, во двор. въ Тобольск. губ., т. I (М. 1895).

Для Восточной Сибири: 1) Матеріалы по изслѣдов. землепользованія и хозяйств. быта Иркутск. и Енис. губ., тома II-го, вып. IV (М. 1890), стр. 21—23); вып. VI, стр. 155; тома IV, вып. IV, (Иркутскъ, 1893), стр. 49—53; 2) *П. Аргуновъ*, Очерки сельскаго хозяйства Минусинскаго края и объяснительн. каталогъ Сельскохозяйственнаго Музея (Казань 1892); 3) *Ц. А. Крюковъ*, Западное Забайкалье въ сельскоз. отношеніи (Спб. 1896), стр. 55—56 и чертежи; 4) *Онъ же*, Очеркъ сельскаго хозяйства въ Приморской обл. (Спб. 1893), стр. 50—51 (здѣсь, между прочимъ, двуральную колесуху называютъ: „сошники", а одноральную всегда: и „сабанъ").

Само собою разумѣется, что переселенцы-малороссіяне сохранили кое-гдѣ свои плуги; иногда въ нихъ запрягаютъ даже до 16 быковъ (въ Читинск. окр.; Извѣст. Вост.-Сибирск. Отдѣла Им. Р. Геогр. Общ., т. XIV, 1884 г., № 4—5, стр. 26). Равнымъ образомъ, у мѣстныхъ инородцевъ сохраняются кое-гдѣ свои собственныя орудія; описанія ихъ (наприм. „суковатки", сойотской сохи

др.) см. въ названномъ трудѣ *П. Аргунова*, а также въ статьѣ *Н Ядринцева* „Начало осѣдлости“ (Литературный Сборникъ. Изданіе редакціи „Восточнаго Обозрѣнія“, Спб. 1855, стр. 155—170). О суковаткѣ см. выше (стр. 130—131, § 30).

Нѣтъ недостатка и въ желѣзныхъ фабричныхъ плугахъ; путешествуя, лѣтомъ 1907 г. по Акмолинской области, я всюду встрѣчалъ, какъ у русскихъ, такъ даже и у киргизъ, желѣзные покупные плуги. Сохъ и другихъ орудій совсѣмъ не было. Переселенцы иногда дѣлаютъ изъ привезенныхъ съ собою ральниковъ сохи родъ желѣзныхъ лопатъ.

§ 70. (*Симбирская губ.*). Въ Курмышскомъ уѣздѣ употреблялись прежде два вида сохи. Изъ плохого описанія *С. Ярцова* (Земледѣльч. Газ. 1836, № 51, стр. 407—408) можно думать, что одна соха была коловая или близкая къ ней, а вторая перовая; послѣдняя „въ сошникахъ нѣсколько пошире“. Первый видъ сохи пригоденъ только на старой пашнѣ; для взмета новины и заваливанія навоза она не годится; второй—„поднимаетъ вновь ломаемую землю наподобіе стружекъ, кидая довольно далеко, безъ всякаго порядка и въ различныхъ направленіяхъ“,—*А. Бестужевъ* (Опытныя замѣч. о крестьянахъ сельск. хоз. въ назов. краѣ Россіи, М. 1848, стр. 24) описываетъ только перекладную соху, съ составною разсохой и желѣзной выпуклою полицей, а также сабанъ. Въ „Обозр. сельск. хоз. удѣльн. им.“ только сабанъ (стр. 75).

§ 71. (*Смоленская губ.*). Согласно „Сельскохозяйственной статистикѣ Смоленской губ.“ *Як. Смирнова* (М. 1850; стр. 260—261), повсюду въ губерніи, какъ у великоруссовъ, такъ и у бѣлоруссовъ, употребляется одинъ видъ сохи—съ перекладною полицею. Разница де только въ томъ, что „въ великорусскихъ уѣздахъ пахотныя орудія отличаются болѣе правильной установкой и болѣе тщательной отдѣлкой, чѣмъ въ бѣлорусскихъ“ (стр. 260; то же повторяетъ и *М. Цебриковъ*, Смоленская губ., стр. 189). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 97) читаемъ, что „бѣлорусская соха, *съ узкими лемехами*, менѣе удобна, чѣмъ великорусская“.

Послѣ въ этой губерніи широко распространился плугъ. Въ гор. Гжатскѣ, а особенно въ Сычевскомъ уѣздѣ развито мѣстное

производство плуговъ, которые раскупаются жителями сосѣднихъ уѣздовъ, напримѣръ Вяземскаго (Сборн. статист. свѣд. Смол. губ., т. I, вып. II, стр. 111).

§ 72. (*Таврическая губ.*). Отмѣтимъ только „малую татарскую соху", употреблявшуюся прежде у крымскихъ татаръ и описанную въ свое время Палласомъ (Путеш. II, 158). Она имѣетъ одинъ ланцетоподобный и почти горизонтально насаженный на дерево сошникъ съ деревянными по обѣимъ сторонамъ полицами или крыльями. Пашетъ мелко, но удобна на каменисытыхъ почвахъ.—Въ настоящее время здѣсь господствуютъ культурные плуги (буккеры), и только въ Днѣпровскомъ уѣздѣ—малороссійскій плугъ и рало (*В. Постниковъ*, Южнорусск. крестьянск. хозяйство, стр. 213). Срв. § 56.

§ 73. (*Тамбовская губ.*). Господствуетъ перекладная соха, которую вытѣсняютъ въ послѣднія десятилѣтія плуги. Соха Лебедянскаго у. описана *И. Кузнецовымъ* въ 1871 году (Сельск. Хозяйство и Лѣсоводство, часть 107, іюль, стр. 160). Разсоха у нея цѣльная, вдолблена въ рогаль; подвои веревочные; сошники перовые; пашутъ не глубже 2-хъ вершковъ. Въ Кирсановскомъ у. „для пашни употребляется исключительно соха обыкновеннаго устройства; плуги имѣются у немногихъ помѣщиковъ и обыкновенно малороссійскаго устройства" (*М. Кишкинъ*, О земледѣліи, скотов. и сельск. промыслахъ въ Кирсановскомъ у., М. 1860, стр. 19). Та же самое въ Козловскомъ у. (Сборн. статист. свѣд. по Тамбовской губ., т. II, Тамб. 1881, стр. 53); подвои у мѣстной сохи желѣзные (рукописн. отв. на прогр. Акад. Н., № 135). Въ Борисоглѣбскомъ у. упоминается, рядомъ съ сохою, „косуля", но это не сѣверная косуля, а „обыкновенный" (малороссійскій?) плугъ „нѣсколько меньшихъ размѣровъ", трехконный (Сборн. статист. свѣд. I, 35).

Нами отмѣчены въ 1907 году желѣзныя сохи (§ 13). О „сохѣ-оралкѣ" см. тамъ же.

„Тамбовская соха", имѣющаяся въ Спб. Импер. Сельскохозяйственномъ Музеѣ, довольно оригинальна. Разсоха этой сохи составная, причемъ нижняя половина правой разсошины и пра-

вый омешъ идутъ нѣсколько ниже лѣвой разсошины и лѣваго омеша. Самые омеши—перовые. Правый омешъ лежитъ пластью (горизонтально), а лѣвый—нѣсколько ребромъ (вертикально). Полицы у этой сохи нѣтъ: установка лѣваго омеша дѣлаетъ, отчасти, полицу и ненужною. Подвои этой сохи желѣзные. Верхняя часть разсохи вдолблена въ рогаль. По всѣмъ признакамъ, это — одна изъ разновидностей „сохи-оралки".

§ 74. (*Тверская губ.*). Соха Кашинскаго уѣзда описана *Вас. Приклонскимъ* въ 1774 году (Тр. Вольн. Экон. Общ., ч. 26, стр. 27). Она перекладная, съ треугольными (т. е. перовыми) ральниками и веревочными подвоями. Разсоха у нея составная изъ двухъ кривыхъ брусковъ; задніе концы обежъ заматываются веревками между рогалемъ и „исподникомъ" (валькомъ). Запряжка безъ дуги. „Прочищенныя вновь мѣста сохою *съ отрѣзомъ* подымаютъ, и на оныхъ овесъ сѣютъ" (стр. 73): здѣсь отрѣзъ", конечно, отдѣльное орудіе, чертежъ.—Въ настоящее время въ Кашинскомъ уѣздѣ господствуетъ соха-односторонка (по мѣстному: „перовая"), исключая Медвѣдицкой волости, гдѣ много еще перекладныхъ сохъ. Кромѣ того, въ сѣверныхъ волостяхъ (Литвиновской, Лавровской, Койской и Константиновской) въ большомъ ходу *косули*, которыя выдѣлываются въ дер. Новоеелье Литв. вол. (продажная цѣна 3 р. 80 к.—4 р. 25 коп.).—Въ Лавровской волости „почти всѣ пашутъ плугами, съ давнихъ де поръ"; въ дер. Куклино этой вол. существуетъ и мѣстное производство плуговъ (продажная цѣна 5½—6 р.). Въ Койской вол. также довольно часто встрѣчаются плуги; ихъ покупаютъ въ с. Юрьевскомъ Яросл. губ. (Сборн. статист. свѣд. по Тверской губ., томъ X, стр. 50 и 78; т. XIII, вып. II, стр. 91).

Въ *Бѣжецкомъ* уѣздѣ въ 1849 году отмѣчены три различныхъ вида сохъ: 1) перекладная; пашетъ глуб. вершка въ 3; 2) соха съ брылою, по-мѣстному: „косуля" („у нея, на нижнемъ перѣ, со стоооны, есть отрѣзецъ"); односторонка; отрѣзываетъ пласты до полу-аршина шириною; 3) соха „безъ особаго прозванія"; односторонка, отрѣзываетъ пластъ въ ширину на ¼ арш.; но какой это видъ односторонки, изъ описанія не видно (Можно думать, что съ вертикально поставленнымъ лѣвымъ ральникомъ). Лучшею для данной мѣстности цитуемый авторъ считаетъ пере-

кладную соху (*Ѳ. Черницовъ* въ „Земледѣльч. Газетѣ“ 1849 г., № 14, стр. 105—106).

Въ наше время въ восточной части уѣзда преобладаютъ сохи-односторонки, въ западной—перекладныя; гранью въ 90-хъ годахъ XIX-го вѣка служили восточныя границы волостей; Теблешской, Моркинорской, Скорыневской, Константиновской и Порѣчской (на востокъ отъ нихъ преобладала соха-односторонка). На границахъ съ Кашинскимъ уѣздомъ встрѣчаются косули (Сборн. стат. свѣд., т. XIII, вып. II, стр. 95 и 91).—Кузнецы въ селеніи Боръ-Шкеневъ, Сукроменской вол., изстари выдѣлываютъ сошники (Тамъ же, т. VI, стр. 172).

По свѣдѣніямъ 1854 г., „въ бо́льшей части Весьегонскаго уѣзда употребляется соха съ неподвижною полицею“, т. е. односторонка (*Вас. Преображенскій*, Опис. Тверск. губ. въ сельскохоз. отнош., 238). Въ 90-хъ годахъ такая соха употребительна была на востокѣ уѣзда; сѣверная граница ея распространенія лежала на югъ отъ волостей: Кесемской, Мартыновской и Прудской; западная—проходила по восточнымъ предѣламъ Антоновской и Арханской вол.—На границахъ съ Кашинск. у. извѣстна косуля (Сб. стат. св. XIII, 95).

Въ *Вышневолодскомъ* уѣздѣ господствуетъ перекладная соха, а также встрѣчается цапулька (по-мѣстному: „цапуга“).

Въ *Зубцовскомъ* уѣздѣ со старою перекладною сохою, которая остается самымъ распространеннымъ орудіемъ обработки, сильно соперничаетъ плугъ. Въ 80-хъ годахъ здѣсь появилось (въ Раковской вол.) и мѣстное производство плуговъ, занесенное изъ Москвы съ отхожими промыслами; впрочемъ, мѣстные плуги продаются больше въ Сычевскомъ уѣздѣ. Встрѣчаются и деревянные одноконные плуги, стоимостью въ $6^1/_2$—8 р. Извѣстна также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ косуля. Употребляются, наконецъ, чертежи и (въ д. Плухтино Дорожаевск. вол.) „сохи своего изобрѣтенія“ для вспахиванія нови: лѣвый сошникъ замѣненъ широкимъ острымъ ножомъ (Сборн. стат. свѣд. VII, 156—157).

Соха-односторонка зовется въ Тверской губ., между прочимъ, „ярославскою“, а также „калязинскою сохою“. Послѣднее названіе—отъ ея распространенности въ *Калязинскомъ* уѣздѣ, точнѣе: въ восточн. части этого уѣзда; западными предѣлами области ея распространенія здѣсь служатъ восточныя границы волостей: Озер-

ской, Сущевской и Порѣчской (Сборн. статистич. свѣд. V, 122 и XIII, 95).

Въ *Корчевскомъ* у. преобладаетъ перекладная соха; сохи-односторонки распространены только въ трехъ волостяхъ на правомъ берегу Волги: Селиховской, Даниловской и Федоровской. Въ послѣднія десятилѣтія распространяется довольно быстро плугъ (Сборн. статист. свѣд. IX, вып. I, 123 и вып. II, 35).

Въ *Осташковскомъ* уѣздѣ единственнымъ пахотнымъ орудіемъ крестьянъ служитъ „соха-плаха", т. е. соха (перекладная) съ цѣльною, несоставною, плотиною (тамъ же, т. XII, вып. I, стр. 89).

Въ *Тверскомъ* уѣздѣ преобладаетъ соха; въ Тургиновской и Щербининской волостяхъ изрѣдка встрѣчаются косули; кое-гдѣ употребляется чертежъ; все больше и больше распространяется плугъ, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ сѣютъ ленъ (Тамъ же, т. VIII, вып. I, стр. 112—113; вып. II, 280); срв. Этнограф. Сборн. I, 194).

Во всей губерніи преобладающимъ орудіемъ оказывается перекладная соха, господствующая (по даннымъ 1896 г.) въ 7286 селеніяхъ, что́ составляетъ 73,3% общаго числа селеній. Сохи-односторонки встрѣчаются въ 1825 селеніяхъ (18,4%). Послѣднія сохи мѣстные авторы называютъ обыкновенно „перовыми"; точнаго описанія ихъ не даютъ, кромѣ глухого упоминанія о „постановкѣ сошниковъ почти подъ прямымъ угломъ". Безпорно одно, что это сохи съ неперекладною полицей; часто, вѣроятно, съ вертикально поставленнымъ лѣвымъ ральникомъ; но должны быть между ними и сохи съ брылой, какія безспорно существовали въ Бѣжецкомъ уѣздѣ въ 1849 году.

Перекладныя сохи мѣстные авторы называютъ иногда „коловыми", что́ едва ли всегда точно.

§ 75. (*Тульская губ.*). Господствуетъ перекладная соха Прекрасный рисунокъ ея (изъ Каширск. у.) сдѣланъ *Андр. Болотовымъ* въ 1766 году (Тр. Вольн. Экон. Общ., часть II, стр. 129 и 155). Подвои у сохи веревочные; разсоха вдолблена въ рогаль; „вобжи" прямыя, короткія, видимо для запряжки безъ дуги; пашетъ вершна на 4.—срв. Тр. Вольн. Эк. Общ., ч. 58, 1806 г., стр. 232: „обыкновенная соха" (Богородицк. у.).

Уральскіе казаки, у которыхъ земледѣліе развито въ весьма слабой степени, въ началѣ XIX вѣка заимствовали малороссійскій сабанъ или плугъ изъ слободы Черкассъ (близь Сергіевска), отъ тамошнихъ переселенцевъ изъ Кіевской губ.; плугъ этотъ замѣнилъ у нихъ прежную соху (Матер. для геогр. и стат. Россіи. Уральск. обл. I, 242).

§ 76. (*Уфимская губ.*). Старые авторы описывали эту губернію вмѣстѣ съ Оренбургскою, въ составъ которой она входила. Новѣйшее описаніе мѣстныхъ земледѣльческихъ орудій въ „Сборникѣ статистическ. свѣдѣній по Уфимск. губ.“ (т. I, 350—352; т. II, 690—692; т. IV, 528). Употребляются здѣсь: соха, курашимка, косуля и сабанъ. Соха 1) двуральная, перекладная и 2) одноральная, тожественная съ вятскимъ „лемехомъ“. Курашимка проникла сюда изъ Пермской губ. въ 80 годахъ; наиболѣе распространена въ степныхъ (Дуванейской, Емашевской, Благовѣщенской и Булекей-Кудейской) волостяхъ Уфимск уѣзда и въ Петровской вол. Стерлитамацкаго. *Косули* занесены въ Уф. губ. вятскими переселенцами, въ починкахъ которыхъ преимущественно и встрѣчаются; въ Уфимск. уѣздѣ онѣ изготовляются земской мастерской въ с. Новотроицкомъ Ногаевской вол., а также кустарями Архангельской и Надеждинской волостей. *Сабанъ* употребляется почти исключительно у инородцевъ: башкиръ, мордвы и отчасти у чувашъ; въ послѣднія десятилѣтія онъ сильно вытѣсняется курашимкой.—„Соху-оралку“ тамбовскихъ переселенцевъ мы описали выше (§ 13).

§ 77. (*Харьковск. губ.*). Здѣсь плугъ борется съ сохою. Вообще, малороссы орютъ плугомъ, великоруссы пашутъ сохою. Но есть и исключенія. Наприм., въ малорусскомъ селеніи Большая-Писаревка (Богодуховскаго у.) земля обрабатывается исключительно сохою, и это еще со временъ крѣпостного права, когда крестьяне *обязаны были* пахать сохою (Сборн. статист.-экономическ. и оцѣночн. свѣд. по Богодуховк. у., 1886 г., стр. 78). Въ другихъ случаяхъ малороссы переходятъ отъ плуга къ сохѣ по недостатку рабочаго скота. Плугомъ часто пашутъ на коровахъ, почему и плужная пахота недалеко ушла отъ сошной. (Тамъ же).

§ 78. (*Черниговская губернія*). Въ предѣлахъ Черниговской губ. проходитъ граница лѣсовъ и степи вмѣстѣ съ этнографическою границею всѣхъ трехъ главнѣйшихъ группъ русскаго народа: великоруссовъ (потомковъ древнихъ „сѣверянъ", живушихъ на сѣверо-востокѣ губерніи), бѣлоруссовъ и малоруссовъ. Другими словами: здѣсь имѣются всѣ данныя къ тому, чтобы мѣстныя пахотныя орудія отличались особеннымъ разнообразіемъ. Такъ это и на самомъ дѣлѣ.

Для знакомствaа съ географіею и вмѣстѣ съ исторіею распространенія мѣстныхъ пахотныхъ орудій имѣются сравнительно очень благопріятныя условія. Для конца XVIII вѣка мы располагаемъ двумя очень хорошими описаніями черниговскихъ орудій, а именно: „путешествіемъ" Гильденштедта (Ioh. Ant. Güldenstädt, Reisen durch Russl nd und im Caucasis-hen Gebürge, II, 490—494), на котораго мы много разъ ссылались и выше, и книгою (1786 г.) Афанасія Шафонскаго „Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе" (издано М. Судіенкой въ 1851 г., въ Кіевѣ). Для конца же XIX вѣка имѣется прекрасное „Описаніе Черниговской губерніи" А. А. Русова (Изданіе „Земскаго Сборника Черниговской губ.", Черн. 1898), основанное на статистическихъ матеріалахъ, собранныхъ мѣстнымъ земствомъ.

Бо́льшая часть земледѣльцевъ Черниговской губ. пользуется въ наше время сохами. Малороссійскіе плуги [1]) употребляются только у южной границы губерніи, т. е. въ южныхъ частяхъ уѣздовъ Остерскаго, Казелецкаго, Нѣжинскаго, Борзенскаго и Конотопскаго.

Сохи употребляются разныхъ видовъ. Перекладныхъ сохъ совсѣмъ нѣтъ (при Гильденштедтѣ еще были). „Московскою" или „плашкою", а также „одноконкою" называютъ здѣсь двуральную соху-односторонку безъ передка (т. е., пользуясь сибирскими терминами, рогалюху, въ отличіе отъ колесянки). Въ нашихъ источникахъ, къ сожалѣнію, нѣтъ указанія на то, какой это именно видъ сохи-односторонки; можно только предполагать, что лѣвый ральникъ у него поставленъ ребромъ, а иногда, быть можетъ, съ брылой. Подвои („подмогачи") веревочные. Сошники сто́ятъ на мѣстѣ 75 коп., плаха 30 коп.

---

1) О культурныхъ плугахъ, довольно быстро распространяющихся теперь на сѣверѣ губерніи, мы здѣсь не говоримъ.

Эта соха—„московка“ изрѣдка встрѣчается даже въ южной половинѣ Нѣжинскаго уѣзда (у Ровчака и Татаровки, гдѣ она введена помѣщиковъ во времена крѣпостного права); въ сѣверной же половинѣ губерніи, а именно въ уѣздахъ: Глуховскомъ, Новгородъ—Сѣверскомъ, Мглинскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, сѣверо-восточной половинѣ Кролевецкаго, въ двухъ сѣверо-восточныхъ волостяхъ Сосницкаго (Погорѣльской и Синявской) и въ с. Хижки Конотопскаго уѣзда—она царитъ.

Южнѣе очерченной полосы употребляется та же двуральная односторонка, только поставленная на колесный передокъ (см. выше стр. 44—45) и извѣстная здѣсь подъ именемъ „пароконки“ или „паровицы“, такъ какъ ею пашутъ на двухъ скотинахъ (коняхъ или волахъ). Единственное отличіе работающихъ частей ея отъ „одноконки“ въ наличности маленькаго деревяннаго окрылка (по-мѣстному: отметачъ, крючёкъ, орикъ), который вставляется обыкновенно въ трубицу сошника. А. Русовъ видитъ тутъ отживающее свой вѣкъ наслѣдіе („рудиментъ“) одной изъ двухъ полицъ употребляющейся рядомъ „литовской сохи“, но въ этомъ можно очень сомнѣваться; подобный окрылокъ обыченъ и у сохъ-односторокъ сѣверной великороссіи (напр. въ Вятской, Вологодской, Московской губ.), не имѣющихъ рѣшительно никакой связи съ „литовскою сохою;“ встрѣчается онъ даже и у сохъ перекладныхъ (въ Новгородской губ., подъ именемъ „кичижки“).

Область распространенія литовской сохи или, по-мѣстному, „литовки“: Городнянскій уѣздъ, Черигoвскій, бóльшая часть Остерскаго, половина Козелецкаго уѣзда, сѣверо-восточныя волости Нѣжинскаго, бóльшая часть Сосницкаго, сѣв.-вост. уголъ Борзенскаго у. (двѣ дачи), юго-западная половина Кролевецкаго уѣзда. Во всей этой области соха-литовка, сохраняя всѣ особенности устройства „литовской сохи“ (см. выше стр. 54—55), имѣетъ колесный передокъ. По своимъ размѣрамъ она на югѣ увеличивается и приближается къ плугу; на сѣверѣ же ея размѣры меньше. Въ южной части Остерскаго уѣзда въ эту передковую литовку впрягаютъ даже двѣ или три пары рабочаго скота (коней и воловъ). Обычный же типъ „литовской сохи“, безъ передка, здѣсь очень рѣдокъ; онъ отличенъ только въ средней части Новозыбковскаго уѣзда (подъ именемъ: „рогачъ“). А. Русовъ думаетъ, что это позднѣйшее измѣненіе „литовки“ по образцу „московки“, съ чѣмъ однако согласиться нельзя. Въ бѣлорусскихъ и литов-

скихъ губерніяхъ „литовка“ употребляется безъ колесъ и это, конечно, древнѣйшій видъ ея: на колесный же передокъ ее поставили малоруссы по образцу своего плуга, точно такъ же, какъ сибиряки снабдили передкомъ, по образцу татарскаго сабана, русскую рогалюху.

Стóитъ еще отмѣтить, что передковая литовка употребляется изрѣдка и въ области преобладанія украинскаго плуга, напр. на востокѣ Дремайловской и Веркіевской волостей Нѣжинскаго уѣзда; а также довольно обычное употребленіе вмѣстѣ съ сохою рала.

Переходя теперь къ вопросу о послѣдовательной смѣнѣ однихъ орудій другими, нужно прежде всего отмѣтить, какъ общій фактъ, переходъ отъ болѣе тяжелыхъ орудій къ болѣе легкимъ: украинскій плугъ замѣняютъ передковой литовкой, эту послѣднюю—легкой „одноконной-московской“. Главныя причины такой замѣны экономическія: уменьшеніе рабочаго скота (вслѣдствіе сокращенія сѣнокосныхъ угодій) и обѣднѣніе вообще. Новозыбковцы, пашущіе теперь на одноконкахъ, говорятъ: „прежде еслибъ однимъ конемъ выѣхать въ поле,—засмѣяли бы“. Общій голосъ, что „соху (на мѣсто плуга) завела нужда“. Жители селенія Мены (Сосницк. у.) говорятъ про себя: „меняне обѣднѣли: воду носятъ горшками, а землю пашутъ сохами“. „Хто паше сошкой, у того й хлиба трошки, а хто плугомъ оре, той и хлибъ бере“. Въ сосницкомъ же полѣсьѣ говорятъ: „мабуть (можетъ быть) и намъ прійдется пахать на одноконкѣ, а покиль-що (покуда-что) попанствуемъ на пароконкѣ).

Въ концѣ XVIII в. въ Городнянскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь господствуетъ передковая литовка, употреблялась безпередковая соха (Шафонскій, стр. 168).

О сохахъ Черниговской губ. имѣются еще извѣстія у Г. Н. Есимонтовскаго, въ „Описаніи Суражскаго уѣзда“ (ч. I, стр. 43: соха неперекладная, съ веревочными полвоями; запряжка безъ дуги) и въ „Запискахъ Черниговск. Губ. Статистич. Комитета“ 1866 г. (кн. I, стр. 163; статья о селѣ Локотки Глуховскаго у.). Здѣсь авторъ дѣлаетъ небезъинтересное вычисленіе такого рода: „Ширина желѣзныхъ лемешей въ сохѣ равняется четверти аршина, и для того, чтобы вспахать казенную десятину, надобно пройти по ней съ сохою во всю длину ея (60 саж.) 480 разъ, что составитъ 57 верстъ и 300 саженъ“.

Изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ съ несомнѣнностью явствуетъ, что вся сѣверная, лѣсная, половина Черниговской губ. пользуется сохою съ глубокой древности и плуга никогда не знала. Объясненіе этому мы видимъ не только въ физическихъ свойствахъ страны, но и въ этнографическомъ составѣ ея населенія (срв. § 82).

§ 79. (*Финляндія*). „Финляндская соха" Императорск. Сельскохозяйственнаго Музея близка къ русской коловой сохѣ, но омеши ея имѣютъ иную форму; они не съуживаются книзу, а напротивъ—расширяются, и концы ихъ не острые, а долотообразные—около одного вершка шириной. Такимъ образомъ, разстояніе между омешами постепенно увеличивается по направленію кверху. Это удобно на каменистой почвѣ тѣмъ, что и довольно большіе камни легко проходятъ въ промежутокъ между ральниками, не ломая этихъ послѣднихъ.

Трубницъ эти омеши не имѣютъ, а прикованы къ разсохѣ. Вверху разсоха вдолблена въ рогаль.

На сельскохозяйственную выставку 1850 г. въ С.-Петербургѣ изъ Финляндіи была прислана соха также съ узкими, коловыми, ральниками (Журн. Сельск. Хоз. и Овцев. 1850, т. II, № 11, стр. 102).

О сохѣ Ньюландской губ. мы знаемъ только, что она „нѣсколько болѣе обыкновенной русской и отличается отъ нея устройствомъ станка "(Финскій Вѣстникъ 1846 г., т. 7. стр. 35). Пашутъ ею часто на волахъ.—Здѣсь же описывается „финдляндскій плугъ." Онъ „состоитъ изъ одного ланцетообразнаго, почти плоскаго и горизантально движущагося лемеха; ножеобразнаго, нѣсколько наклоненнаго назадъ рѣзака, и отвала, въ видѣ узкихъ деревянныхъ крыльевъ, болѣе разгоняющихъ, нежели отваливающихъ землю." Употребляется такой плугъ особенно въ Абовской и Тавастгустской губерніяхъ; пашутъ имъ большею частью на волахъ.

§ 80. (*Эстляндская губ.*). Въ Эстляндіи употребляется преимущественно двуральная коловая соха. Таковыми были двѣ мѣстныя сохи на выставкѣ 1850 г. въ Спб. (Журн. Сельск. Хоз. и Овцев., т. II, стр. 102). Описаніе эстляндской сохи у бар. Икскюля въ „Матеріалахъ для Сельско хоз. статист. Россіи, издав И.

В. Эконом. Обит. " (кн. I, Спб. 1853, стр. 193). У ней „ два вилообразныхъ лемеха, поставленныхъ вмѣстѣ"; пашетъ неглубоко, но хорошо разрыхляетъ землю. Пашутъ ею на одной лошади или на парѣ воловъ. „ Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, именно въ Викскомъ уѣздѣ, есть соха, еще меньшая, такъ называемая Schweinsnase (свиное рыло), которая однако работаетъ слабо".

§ 81. (*Ярославская губ.*). Одноконная косуля для ярового посѣва, перекладная соха для паровой и озимой пашни и тупая прямая сошка для распашки новей",—эти три различныя орудія пахоты отмѣчены въ *Моложскомъ* уѣздѣ, у сицкарей (Этнографич. Сборн. И. Д. Географ. Общ., т. I, стр. 79, статья *А. Преображенскаго*). Въ *Пошехонскомъ* уѣздѣ—косули и сохи (Яросл. Губ. Вѣдом. 1871 г., № 3, ст. *С. Дерунова*); въ Займищевской вол. этого уѣзда есть и мастера, работающіе косули (тамъ же, 1890 г., № 8). Въ *Роман.-Борисоглѣбскомъ* у. также косуля и соха (тамъ же, 1888 г., № 45, статья *С. Соколова*). Въ *Мышкинск.* у. отмѣчена косуля (отвѣтъ на программу Ак. Н., № 78). Въ Ростовскомъ у. двуральную соху называютъ: „плота" (*Волоцкій* въ Сборникѣ Отдѣл. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, т. 72, стр. 111). Въ *Уржумскомъ* уѣздѣ косули извѣстны не вездѣ; пашутъ больше сохою съ брылой (сообщ. *П. Д. Соколовъ*).

Въ Ярославской губ. отмѣчена еще „*карапуля*", которую мѣстный авторъ описываетъ какъ „лапу, желѣзную или деревянную, употребляемую для зарытія посѣва на чищобѣ" или подсѣкѣ; *карапу́ить*—„царапать карапулей землю на подсѣкѣ" (Е. Якушкинъ, Матеріалы для словаря народнаго языка въ Ярославской губ., 1896 г.). Нужно думать, что это—ручное орудіе, замѣняющее собою цапульку.—Въ Даниловскомъ уѣздѣ картофельныя поля часто обрабатываютъ также ручнымъ орудіемъ, т. н. „тяпкой" (родъ топора, у котораго желѣзное остріе насажено на длинную ручку не вдоль, а поперегъ; такія же „тяпки" я встрѣчалъ и у сибирскихъ казаковъ въ Акмолинской области). Рядомъ съ этой первобытной „тяпкой" (слово одного корня съ словомъ *топоръ*) въ Даниловскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ косулю (Трубы Вольн. Эконом. Общества 1864 г., томъ III, стр. 337—342).

Производствомъ ярославскихъ косуль или „самолетовъ" занимаются крестьяне въ деревняхъ около гор. Ярославля, по лѣвую сторону р. Волги,

§ 82. Подробное разсмотрѣніе географическаго распространенія различныхъ видовъ сохи лишній разъ убѣдило насъ, что употребительная въ нашей сельскохозяйственной литературѣ терминологія ихъ крайне не точна. Не говоря уже о такихъ неточностяхъ, какъ названіе коловой сохи „владимірскою", сохи съ брылой—„вятскою", очень не точны и болѣе широкія обобщенія. Такъ, перекладную соху у насъ принято называть „великороссійскою", между тѣмъ какъ почти половина Великороссіи пользуется сохами-односторонками, т. е. неперекладными. Названіе „бѣлорусская соха" у насъ считается синонимомъ „сохи-односторонки", между тѣмъ, бѣлоруссы Смоленской и Витебской губ. пашутъ перекладными сохами, „дрында" Минской губ.—также перекладная.

Эти соображенія побудили насъ отказаться совершенно отъ *географической* номенклатуры разныхъ видовъ сохи. Вотъ почему въ свои указатели мы ввели только „литовскую соху", за которой названіе это установилось очень прочно, а прочія географическія названія выкинули, замѣнивъ ихъ народными терминами.

Давая различнымъ видамъ сохи географическія наименованія, авторы исходили, конечно, изъ той точки зрѣнія, что причиною разнообразія пахотныхъ орудій служитъ прежде всего различіе въ этнографическомъ составѣ населенія. Это воззрѣніе въ общемъ совершенно вѣрное. Но нельзя забывать, что это—отнюдь не единственная причина. Другія причины: 1) разнообразіе почвы, т. е. причина чисто физическая, и 2) экономическое положеніе населенія, т. е. сравнительная бѣдность или богатство его.

Прекрасный примѣръ зависимости пахотныхъ орудій отъ характера почвы даетъ намъ Сибирь (см. выше стр. 91), гдѣ перекладныя сохи переселенцевъ оказываются совершенно непригодными и быстро замѣняются „сибирскими колесухами". Въ степяхъ южнаго Пріуралья, недавно сравнительно еще заселенныхъ великоруссами изъ центральныхъ губерній, сохи быстро исчезли, замѣнившись татарскими сабанами. То же самое произошло и въ новороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ на смѣну сохи явился украинскій плугъ.—Въ Владимірской губерніи, въ царствѣ косуль и плуговъ, кое-гдѣ, на каменистыхъ почвахъ, крестьяне и теперь принуждены „ковырять" землю коловыми сохами.

Тихвинецъ съ р. Чегоды увѣрялъ меня, что ральники, купленные въ ихъ уѣздномъ городѣ, имъ приходится перековывать: иначе они не годятся.

Характеромъ почвы объясняется иногда и ухудшеніе пахотныхъ орудій. Напримѣръ, переселившіеся изъ Вятской губерніи въ Белебеевскій уѣздъ крестьяне забросили тамъ свои прежнія косули и сохи съ брылой, замѣнивъ ихъ мѣстными перекладными сохами; по ихъ объясненію, старыя черноземныя почвы Белебеевскаго уѣзда (наприм. въ Верхнетроицкомъ заводѣ) нуждаются только въ разрыхленіи; оборачиванія же пласта совсѣмъ де не должно быть. Такъ разсуждали вятчане-переселенцы, разсуждали не совсѣмъ правильно (они боялись собственно „выворотить" неплодородную почву),—но безспорно то, что ухудшеніе пахотнаго орудія было вызвано въ данномъ случаѣ именно характеромъ почвы (хотя бы и неправильно понятомъ темнымъ мужичкомъ).

Другая причина—экономическая. Въ бо́льшой частя „сошныхъ" губерній Россіи двуральная соха держится теперь только потому, что обработка ею земли обходится крестьянину гораздо дешевле всѣхъ прочихъ орудій. Не будь этого преимущества сохи, и ее давно бы вытѣснили культурные плуги, хотя бы по одному тому, что ими несравненно легче пахать. „Хороша соха-московка, да орать на ней неловко"—говорятъ черниговцы: „а на пароконочкѣ и малому легонечко".

Въ Черниговской губ. (см. § 78) сами крестьяне, переходя отъ плуга къ сохѣ и отъ литовки-пароконки къ одноконной „московкѣ", объясняютъ этотъ нежелательный для нихъ переходъ прежде всего экономическою необходимостью.

Въ Павловскомъ уѣздѣ Воронежской губ. (см. § 39) и во многихъ мѣстностяхъ Курской и Харьковской *богатые* пашутъ малороссійскимъ плугомъ, *бѣдные*—великорусскою сохою.—Довольно давно замѣчающееся уже на всемъ югѣ Россіи постепенное вытѣсненіе сохи плугомъ объясняется прежде всего чисто экономическими причинами, а именно—уменьшеніемъ количества выгоновъ (Срв. В. Мозговой, въ „Труд. Имп. Вольн. Экономич. Общ." 1881 г., т. III, стр. 87).

Третья причина разнообразія пахотныхъ орудій—этнографическая. Старинныя орудія, унаслѣдованныя отъ предковъ, держатся по простому обычаю, хотя бы они и не подходили хорошо къ почвѣ. „Такъ работали дѣды наши"—вотъ народное доказательство полной пригодности того или иного орудія, хотя бы и во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительнаго. Мало того, старинныя орудія становятся иногда въ глазахъ народа даже свя-

щенными, и отступленіеніе отъ нихъ, переходъ къ новшеству—почитается грѣхомъ. Меньше столѣтія тому назадъ костромскіе старовѣры считали употребленіе косули грѣхомъ только потому, что это однолемешное, а не двуральное орудіе (срв. стр. 79).

Этнографическій принципъ особенно рѣзко сказался въ различіи пахотныхъ орудій великорусскихъ и малорусскихъ. Общерусское орудіе только одно—однозубое рало (черкуша). Плугъ въ общерусское время хотя и употреблялся, но больше аристократами, почему великоруссы, уйдя на сѣверъ, скоро забыли о немъ [1]). Соха возникла вскорѣ послѣ обособленія малоруссовъ и великоруссовъ, но еще въ то время, когда бѣлоруссы составляли одно цѣлое и нераздѣльное съ великоруссами; вотъ почему попытки многихъ авторовъ установить особый типъ „бѣлорусской сохи" совершенно безплодны: особой бѣлорусской сохи, отличной отъ великорусской, нѣтъ и небыло.

Забытый великоруссами и бѣлоруссами плугъ прочно привился у маллоруссовъ и сдѣлался ихъ національнымъ орудіемъ. Свой плугъ они выводятъ уже отъ Адама (см. стр. 111). „Плугъ далъ Богъ, а сошку паршивую коваль сковалъ", говорятъ черниговскіе малоруссы (А. Русовъ, Опис. Черн. губ. I, стр. 353), обнаруживая тѣмъ даже презрѣніе къ великорусскому пахотному орудію. „Мужикъ пахатку паше (т. е. сохой, такъ какъ плугомъ „орютъ"): годъ—блины, два года—каша, а три года паше—ничего не маше".

На югѣ Черниговской губ. (наприм. въ Броварской и Гоголевской волостяхъ Остерскаго уѣзда, а также по р. Удаю), малоруссы орютъ своимъ тяжелымъ плугомъ песчаныя почвы (тамъ же, стр. 355), что совершенно излишне.

Въ Богодуховскомъ уѣздѣ Харьковской губерн., по словамъ мѣстнаго автора, многіе малоруссы перешли къ сохѣ подъ вліяніемъ чисто экономическихъ условій. Другіе же еще держатся своего стариннаго орудія; причемъ тутъ сказывается „не желаніе лучше обрабатывать свои поля, а укоренившійся обычай: якъ робылы діды наши" (Сборн. статист.-эконом. и оцѣночн. свѣд. по Богодух. у., 1886 стр. 78).

---

[1]) Въ качествѣ голаго предположенія можно, правда, спросить, не есть ли „лемехъ" (см. стр. 96)—прямое наслѣдіе древнерусскаго плуга, въ пользу чего могло бы говорить и его имя?

Нѣкоторую роль играли, конечно, въ распространеніи различныхъ пахотныхъ орудій чисто культурныя вліянія, напримѣръ образцовыя сельскохозяйственныя фермы, появленіе въ данной мѣстности заводовъ, вывѣдывающихъ пахотныя орудія, и т. п. Но это все—явленія позднѣйшаго времени, съ которыми мы не считаемся. Изъ древнѣйшихъ же явленій подъ эту рубрику можно отнести крѣпостное право. Вліяніе его нужно признать прямо ничтожнымъ (Исключаемъ, конечно, косвенное вліяніе—черезъ посредство общей забитости и инертности населенія). Кое-гдѣ въ малорусскихъ губерніяхъ помѣщики ввели соху (см. §§ 64 и 78), и пожалуй только. Одинъ старый авторъ высказалъ еще мнѣніе, будто бы въ Вятской губ. „сельская промышленность находится въ болѣе младенческомъ состояніи, нежели въ другихъ губерніяхъ Россіи", потому, что здѣсь нѣтъ помѣщиковъ (Журн. Минист. Госуд. Имущ. 1851, т. 38, стр. 205). Но по отношенію къ пахотнымъ орудіямъ это совершенно не вѣрно. Въ этомъ отношеніи Вятская губернія даже опередила другія, особенно южновеликорусскія губерніи, если даже не принимать въ разсчетъ дѣятельности мѣстнаго земства: мѣстная соха съ брылой, не говоря уже о лемехѣ, косулѣ и чегандинкѣ, гораздо выше перекладной сохи, господствующей и поднесь въ рядѣ тѣхъ губерній, гдѣ казенныхъ крестьянъ почти не было, а были только помѣщичьи.

Нѣкоторую роль въ дѣлѣ улучшенія народныхъ пахотныхъ орудій нужно приписать дѣятельности Удѣльнаго вѣдомства, начавшейся въ самомъ началѣ XIX вѣка.

§ 83. Дополненія и поправки

Къ § 7 (стр. 21—23). Цапудька употребляется также въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, гдѣ она извѣстна подъ именемъ „паловой сохи", такъ какъ ею „орютъ" только на „палахъ", т. е. на лѣсныхъ подсѣкахъ. Наблюдатель описываетъ ее, какъ „особую соху, съ прямыми сошниками безъ присоха" (М. Пришвинъ, Въ краю непуганныхъ птицъ, стр. 103).—И здѣсь также, рядомъ съ этимъ первобытнымъ орудіемъ пахоты, обычна ручная обработка подсѣкъ подъ посѣвъ: когда на подсѣкѣ очень много камней, то землю „косоруютъ", т. е. раздѣлываютъ ручнымъ косымъ крюкомъ, старинной „копорюгой" (Тамъ же).

Къ § 9 (стр. 28—29). Простѣйшій видъ перекладной сохи—такъ назыв. дрында (см. по указателю), употребляющаяся въ полѣсьяхъ западнаго края, между прочимъ и въ Волынской губерніи. Она отличается отъ цапульки *только* наличностью слабо развитой полицы.—Дальнѣйшій, въ порядкѣ постепеннаго совершенствованія, видъ—коловая соха и потомъ—перовыя сохи.

Къ § 10 (стр. 33). Не исключена возможность, что слова: *плотина, плота* и т. п., безспорно родственныя глаголу *плести*, имѣли первоначально въ виду составныя разсохи, связанныя или „сплетенныя" изъ двухъ сучьевъ. Можно думать, что первые изобрѣтатели сохи просто-на-просто связывали, сплетали вмѣстѣ два однозубныхъ рала и только потомъ уже стали употреблять развиловатые сучья. Съ такой точки зрѣнія „плотина" древнѣе „разсохи".

(Стр. 34). Слово лемешъ въ значеніи „ральника„ извѣстно и другимъ славанскимъ языкамъ. Литовское слово образовано другимъ суффиксомъ.

Къ § 11 (стр. 37). У витебскихъ бѣлоруссовъ *обжею* называется та часть сошного остова, которая у великоруссовъ кое-гдѣ зовется „корцомъ", т. е. деревянный брусъ, прибиваемый къ лицевой сторонѣ разсохи нѣсколько ниже рогаля, между нимъ, рогалемъ и головкою разсохи вправляются оглобли (Никифоровскій, Очерки Витебской бѣлоруссіи, 388). Здѣсь подтвержденіе нашей мысли, что *обжа* собственно означаетъ: „нѣчто обвязанное".

Къ § 12 (стр. 37). Въ Западныхъ губерніяхъ (равно какъ и въ „литовской сохѣ") подвои внизу не обхватываютъ самую разсоху, а задѣваются за концы особаго поперечнаго бруска („земляного корца" въ Опочецкомъ у. Псковской губ.), который прикрѣпляется съ задней части внизу разсохи, выставляясь своими концами съ боковъ послѣдней.—Въ сохѣ витебскихъ бѣлоруссовъ такихъ поперечныхъ брусковъ даже два: одинъ прикрѣпляется сверху разсохи, другой снизу. Названіе перваго: „землянка", второго: „подрогачникъ". Кромѣ того, что они служатъ для прикрѣпленія

подвоевъ, они еще не даютъ рожкамъ разсохи („нарожникамъ") раскалываться и „помогаютъ откидываютъ дернъ: расширяютъ борозду, а подрогачникъ гладитъ ложе ея„ (Никифоровскій, Очерки вит. бѣлор. 389).

(Стр. 42). Возможно и другое объясненіе загадочной „ренной" сохи Гильденштедта. У бѣлоруссовъ извѣстно выраженіе „дренная соха", что́ словарникъ Носовичъ объясняетъ: „плохая, негодная" (т. е. дрянная соха).

Къ § 16 (стр. 58, прим. 1). См. § 37 (стр. 141 и слѣд.).

Къ § 17 (стр. 62—63). Чертежь извѣстенъ и у витебскихъ бѣлоруссовъ, подъ именемъ „рѣзока" (рязо́къ]. Устройство его, равно какъ и работа тѣ же самыя, что́ и у великорусскаго орудія. Сохой пашутъ тотчасъ послѣ того, какъ дернъ будетъ разрѣзанъ, прямыми 5—6 вершковыми полосками, рѣзакомъ. Пользоваться имъ приходится рѣдко, почему рѣзокъ имѣется только у немногихъ хозяевъ (Никифоровскій, Очерки витебской бѣлоруссіи, 391—2).

О псковскомъ чертежѣ, у котораго имѣется также и приспособленіе для отваливанія пласта, см. § 65.

Къ § 20 (стр. 68). А. Шафонскій сообщаетъ, что великоруссы называютъ „косулею" однозубое малорусское рало (Черниговскаго намѣсничества топографическое описаніе, 1786 г., стр. 167), что́ однако же сомнительно.

Къ § 22 (стр. 76—77). Въ 1668 году одному изъ тульскихъ заводовъ заказано было сдѣлать для села Измайлова „1003 пары *сохъ съ полицами* и 1000 отрѣзовъ" (пара сохъ—т. е. пара сошниковъ): о косуляхъ нѣтъ упоминанія (Гамель, Описаніе Тульскаго завода. стр. 20; срв. Акты Историческіе, томъ VII, № 77).—По Готье (Замосковный край въ XVII вѣкѣ, стр. 456), новыхъ земледѣльческихъ орудій въ XVII вѣкѣ не появляется вовсе [1]).

---

[1]) Служилые люди Московскаго государства, предки нынѣшнихъ однодворцевъ, принесли съ собою въ степную украйну въ XVI XVII вѣкахъ *только* перекладную соху.

(Къ стр. 82.) Костромичи давно уже поютъ о косулѣ въ своихъ пѣсняхъ, напр.:

Я не пахарь полевой,
Не работникъ домовой;
Мнѣ не пашеньку пахать,
Не косулей заправлять...

Слова бурлацкой пѣсни, записанной болѣе полувѣка тому назадъ (Ив. Корниловъ, Волжскіе бурлаки, въ „Морскомъ Сборникѣ" 1862 г., № 7).

Къ § 30 (стр. 126—129). Классическое мѣсто, на которое указываютъ наши историки въ доказательство того, что великоруссы встарину пользовались и плугомъ,—слова новгородской грамоты первой половины XV вѣка: „плугъ за двѣ сохи" (Акты Археографической Экспедиціи, томъ I, № 32, стр. 24). Въ грамотѣ этой новгородцы опредѣляютъ условія княжеской дани съ новоторжскихъ волостей. „*Сохи*" здѣсь не земледѣльческое орудіе, а единица обложенія. „А въ соху два коня, да третье припряжь",—говорится въ данной грамотѣ. Это отнюдь не значитъ, что сохи были тогда двуконными, а значитъ только, что за единицу обложенія принято хозяйство съ двумя рабочими лошадьми и одною молодой. Подъ „плугомъ" здѣсь естественнѣе разумѣть не земледѣльческое орудіе, а извѣстное количество воловъ („плугъ воловъ"; значеніе, весьма обычное и въ древнерусскомъ языкѣ и въ теперешнемъ малорусскомъ), которые служили рабочимъ скотомъ на сѣверѣ Россіи еще даже въ XVII вѣкѣ (что́ доказано г. Рожковымъ), не говоря уже о XV-мъ. Можно думать, что „плугъ" здѣсь единица обложенія представителей извознаго промысла. Для пашни въ лѣсныхъ мѣстностяхъ волы не годятся, да и единицею для обложенія земледѣльческаго промысла въ грамотѣ условлена „соха", между тѣмъ какъ о скотоводствѣ и тяжеломъ извозномъ промыслѣ въ грамотѣ не упомянуто, хотя приняты въ разсчетъ самые различные промыслы, наприм. даже кожевничество, кузнечество, солеваренное дѣло и т. п.

Къ § 35 (стр. 139). Подобное описаніе сохи витебскихъ бѣлоруссовъ въ „Очеркахъ простонароднаго житья-бытья витебской бѣлороссіи" Никифоровскаго (Витебскъ, 1895, стр. 387—392). Мѣстная соха—перекладная. Длина разсохи ея больше 1

арш. 8 вершк. по изгибу; разстояніе между рожками разсохи („нарожниками") и омешами всегда и неизмѣнено 2 вершка. Оглобли рѣдко вдалбливаются въ рогаль, а большею частью извѣстнымъ образомъ вправляются между корцомъ (по мѣстному „обжей"), рогалемъ и головкою разсохи. Подвои—изъ древеснаго прута.—Никакихъ другихъ сохъ нѣтъ, а изрѣдка употребляется еще чертежъ („рѣзокъ").

Къ § 38 (стр. 144). Въ Волынской губ. отмѣчена еще дрында (Носовичъ, Бѣлорусскій словарь).—О мѣстныхъ плугахъ и ралѣ см. еще „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство" 1868 г. стр. 230 (статья А. Палибина).

Къ § 53. Подробное описаніе сохъ Московской губ. въ статьѣ А. П. Людоговскаго „Матеріалы для сельскохозяйственнаго описанія Моск. губ." (въ „Сборникѣ матеріаловъ для изученія Москвы и Моск. губ." 1864 г., стр. 18—21). Преобладаетъ перекладная перовая соха. Встрѣчаются часто сохи коловыя; у нихъ ральники длиною 7—8 вершк. шириною въ верхней части 2—$2^1/_2$ в. разстояніе между ними 2—$2^1/_2$ в. Длина полицы 6—8 вершк. Разсоха бываетъ и составная, и цѣльная.

Неперекладныя сохи рѣдки; преимущественно онѣ употребляются на сѣверовостокѣ Дмитровскаго уѣзда (въ Озерецкой и Морозовской волостяхъ, а также около Троицкаго посада). Это сохи съ брылой и съ окрылкомъ Перо лѣваго омеша „почти вертикально загнуто кверху"; плоскость полицы служитъ прямымъ продолженіемъ этого пера. „Въ трубку праваго сошника вдѣлывается желѣзная или деревянная полоса (отвалецъ), вершка въ 2 шир., изогнутая вверхъ на подобіе отвала".—Неперекладныя же сохи встрѣчались тогда кое-гдѣ и въ Клинскомъ уѣздѣ (стр. 17).

Верхняя часть подвоевъ, отъ ихъ скрещенія до оглобель, всегда веревочная: для регулированія глубины пашни ихъ укорачиваютъ или удлиняютъ, нижняя же часть подвоевъ часто бываетъ изъ желѣзной цѣпи.—Обыкновенная цѣна мѣстной сохи $2^1/_2$—3 рубля; по частямъ: разсоха 25—30 коп., перовые сошники около 1 рубля, коловые 60—70 коп.

Указатели

(Цыфры означаютъ страницу; а §§ — параграфъ).

1. Указатель видовъ сохи.

Абылъ. См. ручныя орудія.
Благуша (блокуша) 24.
Съ брылой соха 56—60, 146.
Ваганка 95.
Винтовка 47.
Вотскорусская соха 147.
Вотская соха 147, 149.
Грязновская соха § 61.
Двойчатка 95, 46.
Дрында § 51, § 83.
Желѣзянка 47.
Желѣзныя сохи 47.
Зуевка 107.
Клопикъ 72
Колесуха (колесянка) 59—62, 90—96
Коловая соха 32, § 65, § 74.
Корельская косуля 65.
Косиная соха 42, 58.
Костромская косуля 71.
Косуля 67—82, § 83.
Кривуша 79, 152.
Кунгурка 95.
Кунгурская соха (двур.) 62.
Курашимка 99, 101—110.
Кыласовка 107—108.
Леванъ 99.
Лемехъ 96—100, 127 пр., 129, § 82.
Литовская соха 54—55, 151; § 78.
Лядовская соха 102.
Малороссійскій плугъ. См. плугъ.
Межеумокъ 72.
Мосинскій сабанъ 9.
Насошка 19.
Московка § 78.
Одинарецъ 110, 94—45.
Одноконка § 78.
Односторонки 53 пр., 48.
Омачъ 117.
Оралка 46.
Орало 68.
Оральная соха 141.
Ординарецъ 94.
Отрѣзъ. См. чертежъ.
Паловая соха § 83.
Съ отрѣзомъ соха. 65.
Паровица, пароконка § 78.
Паслеговская соха.
Пахотная соха 141.
Передковыя сохи 44—45, § 78; ср. колесухи.
Перекладная соха 39.
Перекладная одноральная соха 150—151.
Пермянка 106, 95.
Перовая соха 33, § 74.
Плаха—(плашка) соха § 78, 45 пр.
Плугъ: у разныхъ народовъ 14—16, малорусскій 83—87, 111, татарскій — см. сабанъ, литовскій 151, исторія русскаго плуга 111—120, у великоруссовъ 125—129.
Плота 24.
Подвойная соха 47.
Подляшская соха 148.
Ползуха § 51.
Полусабанокъ 106.
Полѣсская соха 55.
Прямуша 152.
Разрѣзъ. См. чертежъ.
Ралка 145.
Рало 17—20. 40 113—115.
Ренная (?) соха 42. 58, § 36, § 83.
Рогалюха, рогулька 42, 61, 92.
Рогачъ § 78.
Россейка 92.
Рукопашка 42.
Русанка 42.

Ручныя орудія 23, 13—14, § 81.
Съ рѣзцомъ соха 65—66.
Рѣзокъ § 83.
Рѣзецъ. См. чертежъ.
Сабанъ 68, 93, 94—95, 101, 106.
Самолетъ 68.
Свиное рыло 18. § 80.
Сердобольская косуля 65.
Слагута 55, 129.
Суковатка 130—131.
Татарскій сабанъ.
Тройная соха 121—2, 138, 152.
Туринка 61.
Туташевскій сабанъ 107.
Тюменка 95.
Украинскій плугъ. См. плугъ (малор.).
Цапулька, цапуга 21—23, § 83.
Чегандинка 106—107.
Черкуша, черкуха 23—25.
Чертежникъ 25.
Чертежъ 62—65, § 65, 148, 149, § 83.
Ярославская косуля 68, 71.
Шабала 91.

2. Указатель частей сохи.

Армо 70.
Баба. см. женка.
Башмакъ 102.
Бородка.
Брыла 56—60, 94.
Валекъ 31, 33, 37.
Валъ (грядиль плуга) 84.
Веретно (перечень) 36.
Возжанка 61.
Войло 37, 39, 70.
Войце 86.
Ворона 94.
Грядиль 86, 70, 60.
Дворъ 36.
Жабка 85.
Женка, женочка 56.
Заборозенникъ 86.
Земляники 38.
Землянка § 83.
Исподникъ 34, 46.
Истыкъ 41.
Кворецъ 33—34, § 83.
Кичига и кичижка 54, § 55.
Клюка (у сабана) 89.
Клюшка (нодвой) 39.
Клянни, клянень 41, черт. 25.
Кобякъ 60.
Колешня 86.
Коловые ральники 32.
Колодка (плужн. полоза) 85.
Конёкъ (сабана) 89.
Корецъ 31, 33, § 65.
Корешницы 31.
Костыжокъ § 55.
Крыло 53, 57.
Крюкъ (чегандинки) 106.
Крючёкъ § 78.
Ладонь 89.
Лапа 29, 63.
Лежень 58.
Лемехъ 69 прим., 85, 89.
Лемешъ 31—34.
Лиса 93 прим.
Лукоть 33.
Матка 89.
Мужичёкъ, мужикъ 56.
Мутики § 65.
Наполокъ, наполка 39, 40.
Наральникъ 18, 145.
Ножка 59, 98, 100, 104, 124—125.
Ножки разсохи 29.
Ножъ сабана 93.
Носокъ (ральника) 31.
Обжи 34—37, § 83.
Оголовье 33.
Одинарецъ 94.
Окрылокъ 53, 54, 57, § 78.
Ольмо 70.
Омеши 31—34.
Ординарецъ 94.
Орикъ § 78.
Острякъ 33.
Отвалъ, отвальная доска 86.
Отметачъ § 78.
Отрѣзное дерево 70.
Отрѣзъ 63, 65, 69, 84.
Пасклинъ 86.
Пасынокъ 36.
Перевяслокъ 36.
Передокъ 44, 59, 86, § 78
Перекладка 39.
Перекрестъ 37.
Перечень 36.
Перо (ральника) 31.
Перовый ральникъ 33.
Перышко (крыло) 53, 54.
Плаха 29, 45 прим.
Плота́, плотиво, плоть 33.
Плотина 33, § 83.
Плутило 33.
Подвои 37—39.
Подмѣтъ 45.

Подмога 70.
Подмогачи § 78.
Подосельникъ 39.
Подошва 85, 124.
Подручное колесо 86.
Подстрѣлокъ 60.
Полица, полка 39--42, 86, 151.
Полозъ 59, 85 89.
Полычка (мр. плуга) 86.
Правило 86.
Припрягъ 84. 86.
Присохъ, присошекъ 86.
Притужина 37.
Пята 59, 98, 102, 104.
Разсоха 29, 31. 33.
Ральники 31.
Рогаль 30, 33.
Рогачъ 33, 45.
Рѣзакъ 84, 86.
Рѣзецъ 56, 58.
Рѣзъ 63.
Свара 29.
Сголовье, сголовышъ 33.
Сидѣнье (пята) 104.
Скворецъ. См. кворецъ.
Сковородникъ 70.
Сошники. См. ральники.
Скорникъ 36.
Стебло 17, 44.
Стойка 85.
Стелба 85.
Струна 37.
Стрѣла 60, 89, 93.
Стужень 37, 39.
Укъ 89.
Упорка 70.
Чепыги 84.
Чоремуха 37.
Чересло 86.
Шабала, шабалка 41.
Ширтъ, шертъ 89

3. Указатель словъ и названій,

которымъ дано этимологическое объясненіе.

Блакуша (блокуша) 24.
Войло 39.
Грядиль 120.
Земляники 38.
Кворецъ (корецъ) 33—34.
Косуля 67—68.
Лемешъ 34, § 83.
Лукоть 33.
Обжа 37, § 83.
Омешъ 34.
Орать 12—13
Плотина § 83.
Плугъ 116.
Полица 40 (срв. § 50).
Рало 116.
Ральникъ 34.
Соха 20—21.
Шабала 41 (ср. § 50).

Оглавленіе.

Предисловіе.

Введеніе: Стр.

1. Разнообразіе видовъ русской сохи . . 9
2. Три главныхъ типа пахотныхъ орудій . . . 10
3. Термины: пахать и орать 12
4. Первобытный плугъ разныхъ народовъ . . 13

I. „Черкающія орудія: а) однозубыя:

5. Рало 17

б) Двузубыя:

6. Слово *соха* 20
7. Цапулька (срв. § 83) 21
8. Черкуша 23

II. Соха съ перекладною полицею:

9. Появленіе полицы у сохи 28
10. Разсоха, рогаль и ральники 29
11. Обжи и перечень 34
12. Подвои и полица; соха въ нар. яз. и поэзіи 37
13. Сохи для парной запряжки; двойчатки; оралка и желѣзные сохи 43

III. Сохи-односторонки:

14. Переходъ отъ перекладной сохи къ односторонкѣ. 48
15. Простѣйшій видъ односторонки; Литовская соха (срв. § 78). 52
16. Соха съ брылой; колесуха 56
17. Чертежъ 62
18. Соха съ отрѣзомъ 65
19. Соха съ двумя омешами на одной сторонѣ . . 66

IV. Косуля:

20. Имя, сходство косули съ сохою 67
21. Описаніе косули и ея виды 69
22. Исторія косули (срв. § 83); ея распространеніе . 73

Стр.

V. Плугъ и сабанъ:

23. Малоросійсскій плугъ . . . 83
24. Татарскій сабанъ . . . 87

IV. Лемехъ и курашимка:

25. Еще о сибирской колесухѣ . . . 90
26. Лемехъ или одноральная соха . . . 96
27. Легкіе сабаны, лядовская соха, курашимка, чеганднка, кыласовка . . . 101
28. Гипотеза о чудскомъ происхожденіи курашимки . 108

VII. Исторія сохи:

29. Исторія русскаго плуга и рала . . . 111
30. Исторія сохи; вопросъ о старомъ великор. плугѣ (срв. § 83,; соха у другихъ народовъ . . . 121
31. Достоинства и недостатки сохи . . . 131

VIII. Географія видовъ сохи:

32. Архангельская губернія . . . 137
33. Астраханская губернія . . . 138
34. Бессарабія . . . 138
35. Виленская и Витебск. губ. (срв. § 83). . . 139
36. Владимірская губернія . . . 139
37. Вологодская губернія . . . 141
38. Волынская губернія . . . 144
39. Воронежская губернія . . . 145
40. Вятская губернія . . . 146
41. Гродненская губернія . . . 148
42. Екатеринославская губернія . . . 148
43. Казанская губернія . . . 148
44. Калужская губернія . . . 149
45. Кіевская губернія . . . 149
46. Ковенская губернія . . . 150
47. Костромская губернія . . . 151
48. Курляндія . . . 152
49. Курская губернія . . . 153
50 Лифляндія . . . 153
51. Минская губернія . . . 153
52. Могилевская губернія . . . 154
53. Московская губернія (срв. § 83) . . . 154
54. Нижегородская губернія . . . 155
55. Новгородская губернія . . . 156
56. Новороссія . . . 157
57. Олонецкая губернія . . . 157
58. Оренбургская губернія . . . 159
59 Орловская губернія . . . 159

Стр.
60. Пензенская губернія . . . 160
61. Пермская губернія . . . 160
62. Петербургская губернія . . . 161
63. Подольская губернія . . . 162
64. Полтавская губернія . . . 162
65. Псковская губернія . . . 163
66. Рязанская губернія . . . 164
67. Самарская губернія . . . 164
68. Саратовская губернія . . . 165
69. Сибирь . . . 166
70. Симбирская губернія . . . 168
71. Смоленская губернія . . . 168
72. Таврическая губернія . . . 169
73. Тамбовская губернія . . . 169
74. Тверская губернія . . . 170
75. Тульская губернія и Уральская область . . . 172 и 173
76. Уфимская губернія . . . 173
77. Харьковская губернія . . . 173
78. Черниговская губернія . . . 174
79. Финляндія . . . 177
80. Эстляндія . . . 177
81. Ярославская губернія . . . 178
82. Заключеніе (Неточность географической номенклатуры; причины разнообразія сохъ: физическая, экономическая и этнографическая; культурныя вліянія) . . . 179
83. Дополненія и поправки (О цапулькѣ, о дрындѣ, о названіяхъ: плотина, лемешъ и обжа, земляной корецъ, „ренная“ соха, рѣзокъ; къ исторіи косули; о плугѣ у великоруссовъ; сохи Витебской губерніи, Волынской и Московской . . . 181

Указатели:

I. Укатель видовъ сохи . . . 187
II. Указатель частей сохи . . . 188
III. Указатель словъ и названій, которымъ дано этимологическое объясненіе. . . . 189

Чертежи.

1. Сиракузскій плугъ (къ § 4).
2. Этрусскіе плуги.
3. Мотыка патагонцевъ.
4. Древній римскій плугъ.
5. Этрусскій плугъ.
6. Древній греческій плугъ.
7. Древній египетскій плугъ.
8. Плугъ Гезіода.
9. Плугъ алтайцевъ.
10. Древній сиракузскій плугъ.
11. Египетскій плугъ.
12. Кахетинскій плугъ.
13. Грузинскій плугъ (къ § 4).
14. Малорусское однозубое радо (къ § 5).
15. Сигенское рало (къ § 5).
16. Перекладная соха (къ главѣ II).
17. Перовые ральники (къ § 10).
18. Сошныя полицы (къ § 12).
19. „Литовская соха“ (къ § 15).
20—21. Сохи съ брылой (къ § 16).
22. Чертежъ (къ § 17).
23. Рѣзъ чертежа (17).
24. Косуля Вятской губерніи (къ § 21).
25. Ярославская косуля (къ § 21).
26. Брабантскій плугъ (къ § 22).
27. Чегандинка (къ § 27).
28. Тройная соха (къ § 30).

Важнѣйшія опечатки

(къ статьѣ „Русская соха").

Страница:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
5	2 сверху	энтологической	этнологической
5	10 снизу	въ устройство	въ устройствѣ
7	4 сверху	энтографическіе	этнографическіе
7, прим. 1	1 сверху	статей сохи	частей сохи
16	1 снизу	(черт. 12)	(черт. 13)
16 прим.	5 снизу	книжку	книжки
—	—	тако-	(выбросить)
17	6 снизу	стебла	стебла
20	13 сверху	(черт. 13)	(черт. 14 и 15)
22, прим. 1	1 сверху	Чегоды	Чагоды
24	7 снизу	имѣлись ли тѣ	имѣлись ли тутъ
25	5 снизу	требуемое	трезубое
27	1 снизу		(добавить въ концѣ): „разумѣя при этомъ, конечно, черкуши".
31	2 снизу	долота	долото
32	1 сверху	у такихъ	У такихъ
33 прим.	1 сверху	По сообщенiи	По сообщенію
34, § 11	2 сверху	сошною	сошного
35	4 сверху	на черезсѣдельникъ	на черезсѣдельникѣ
примѣч. 2	1 снизу	(добавить) стр. 299.	
37	2 сверху	у яран-	У яран-
41	8 сверху	„сошкой	„сошной
—	9 сверху	соха	са̀ха
—	13 и 20	кляпки	кляпни
47	9 снизу	тазыв.	такъ назыв.
—	5 снизу	круто	крѣпко
—	прим. 3	(добавить): Матер. для сельскохоз. стат. Пермской губ.	
48	11 снизу	такихъ почвахъ	этихъ почвахъ
49	11 сверху	новой,	новой земли,
51	10 снизу	первый	перовый
58	прим. 1	Ниже §	ниже §
64	13 снизу	новой	новей
72		Прим. 3 нужно отнести къ концу 21-го §.	

Страница:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
75	15 сверху	ужено	уже
78	15 сверху	принесла	принесена
—	4 снизу	при	три
84	9 сверху	Здѣсь	Задній
—	18 сверху	чепыгами	съ чепыгами
91	10 снизу	отводомъ	отваломъ
95	1 снизу	въ округѣ	въ Томскомъ округѣ
99	2 сверху	наблюдать	наблюдатель
100	12 снизу	такъ какъ	такъ
113	прим. 2.	Свободная	Сводная
116	8 сверху	ся	ня
127	4 снизу	не древнѣйшія	же древнѣйшія лѣтописи?
128	примѣч.	2)	1)
—	—	7)	2)
—	—	8)	3)

Transferred
to Special Collections

ТОГО ЖЕ АВТОРА

(Дм. К. Зеленина):

1899 г.: Изъ Сарапульской хроники. *Спб.*
Историческій очеркъ Сарапульскаго Духовнаго училища. *Вятка*

1900 г.: Школьные интернаты. *Спб.*
Лычество въ Вятской губ. *Спб.*

1901 г.: Новыя вѣянія въ народной поэзіи. *М. 25 коп.*
Международный языкъ науки и культурныхъ сношеній *М.* 25 к.
Студенчество стараго Дерпта. *Спб.*
Особенности въ говорѣ юговосточной части Вятской губ. *Спб.*

1902 г.: Н. И. Ильминскій и просвѣщеніе инородцевъ. Спб. Изд. журнала „Русск. Шк." *50 к.*
Отчетъ о поѣздкѣ въ Яранскій уѣздъ. *Юрьевъ*

1903 г.: Пѣсни деревенской молодежи. *Вятка* 50 коп.
Отчетъ о діалектологич. поѣздкѣ въ Вятскую губ. *Спб. 1 р.*
Народныя присловья о вятчанахъ. *Вятка.*
Этимологическія замѣтки. *Воронежъ.*

1904 г.: Кама и Вятка. Путеводитель и этнографич. опис. Прикамскаго края. *Ю. 60 к.*
Свадебные приговоры Вятск. губ. *В. 50 к.*
Народныя присловья и анегдоты о русскихъ жителяхъ В[illegible]ой губ. *В. 75 к.*
Путеводитель и справочная книжка по Юрьеву и Юрьевскому университет *Ю. 50 к.*
Этимологическія замѣтки. *Спб.*
Нѣсколько народныхъ пѣсенъ Даниловск. у. *Ярославль.*

1905 г.: Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи. *Спб.*
Черты быта усень-ивановскихъ старовѣровъ. *Каз. 75 к.*
Сборникъ частушекъ Новгородск. губ. *Москва.*
Изъ быта и поэзіи крестьянъ Новгор. губ. *М.*
Семинарскія слова въ Русскомъ яз. *Варшава.*
Свадебный обрядъ, пѣсни и заговоры Томскаго округа. *Екатеринб.*
О синтаксическомъ значеніи частицы-*ка*. *Варш.*
Усень-ивановскій говоръ. *Спб.*
На кумысѣ. *Вятка.*

1906 г.: Троецыплятница. Этнографическое изслѣдованіе. *Вятка.*
Талаган и цуканы. Этнограф. очерк. *Вор.*
У оренбургскихъ казаковъ. *Москва.*
Къ вопросу о ходѣ древнѣйшей русской колонизаціи въ Вятскій край. *Вят*
Воронежская былина о богатырѣ Мишутѣ Дмиловичѣ. *Вор.*
О говорѣ оренбургскихъ казаковъ. *Варш.*

1907 г.: Архангельская губ. въ началѣ XIX вѣка. *Арх.*

Изданія, при которыхъ означена цѣна, имѣются въ прода
Складъ: книжн. магазинъ бр. Башмаковыхъ въ гор. Казани.